

Валентин Черных
Взрыв Секс-бомбы

валентин
Черных
взрыв секс-бомбы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
амфора

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan - SKill; OCR, ReadCheck, Conv - Изольда)
HL

«Валентин Черных "Взрыв Секс-бомбы"»: Амфора; СПб; 2006
ISBN 5-94278-981-9

Аннотация

Валентин Черных — один из самых известных российских писателей и сценаристов, автор знаменитого романа «Москва слезам не верит» и многих других книг.

Новый роман мастера «Взрыв Секс-бомбы» посвящен жизни современных российских кинозвезд. В нем виртуозно переплетены трагедия и фарс, пронзительная любовь и циничный расчет.

Валентин Черных **ВЗРЫВ СЕКС-БОМБЫ**

Секс-символ

Ее стали забывать. Так ей казалось. Еще недавно ее узнавали на улицах. Она первой ввела в моду открытые платья, когда не надевается лифчик и при резком движении грудь выкатывается из лоскутов материи, но уже отработанным движением без помощи рук останавливается там, где ей и положено быть.

Она успела сыграть заводскую работницу и медсестру санитарного батальона во время последней войны немцев и русских. Ее запомнили, вернее, запомнили ее тело спелой женщины двадцати пяти лет. Костюмеры ушили и юбку, и гимнастерку. Она хотела показать свою грудь без силиконовых вставок и попу без накладок. Но тогда еще существовали ограничения цензуры, и лучший эпизод фильма, когда она утром купалась в реке, выбросили. Стрельбу прекратили и русские, и немцы, рассматривая через бинокли и стереотрубы, как она выходила из воды. Она упросила кинооператора сделать в лаборатории копии с эпизода купания, вставила его в ролик, с которым выступала перед зрителями, и этот эпизод пользовался особым успехом. Она прерывала показ киноролика и говорила:

— А сейчас вы увидите то, чего до вас еще никто не видел.

Она, конечно, привирала — эпизод с ее купанием уже видели даже не десятки, а сотни тысяч зрителей.

Вначале она составляла список городов, кинотеатров и клубов, в которых выступала, потом перестала вести список и на всякий случай добавляла:

— А если кто уже был на моих выступлениях, пусть посмотрит еще раз, потому что есть на что посмотреть.

То, что есть на что посмотреть, узнали многие режиссеры, как только стало возможным показывать на экране обнаженное тело не только когда женщина стыдливо вскакивает с постели и запахивается в махровую простыню, хотя такие простыни были только у тех, кто выезжал в зарубежные страны. Советская империя или не производила махровых простыней, или распределяла их среди руководства и передовых рабочих, а остальные женщины пользовались небольшими махровыми полотенцами, которыми можно было прикрыть только одно место даже на самом худом теле.

Молодой режиссер спросил ее:

— Как вы посмотрите на то, что мы снимем вас обнаженной?

— Совсем голой, что ли?

— Совсем, — решился сказать всю правду режиссер.

— С удовольствием, — ответила она и добавила: — Но за удовольствие надо платить.

— Разумеется, — подтвердил режиссер.

За съемки в этом фильме, хотя роль у нее была не главная, она получила больше главной героини в три раза.

— Но об этом никто не должен знать, — предупредил ее директор фильма.

— Разумеется, — ответила она.

Когда актрисы, которым предлагали сниматься, спрашивали ее, она называла сумму, которую платили ей. Но актрисы снимались за меньшие суммы, чтобы не потерять выгодную работу, тем самым сбивая и ее гонорар. Вначале она была единственной, которая снималась обнаженной без дублерш, потом так стали сниматься многие молодые актрисы. Но она была первой, ее называли Секс-символом восьмидесятых или Секс-бомбой. Она хорошо

зарабатывала и вкладывала деньги в недвижимость и антиквариат. Этому ее научила жена молодого и модного тогда кинорежиссера.

— Только в антиквариат и недвижимость, — говорила жена режиссера. — Потому что люди всегда будут жить в квартирах, предпочитая центр, а не окраины.

— На окраинах лучше экология, — пыталась возражать она.

— Экология лучше за окружной дорогой. Для лучшей экологии надо жить в загородном доме. Великая Актриса и ее муж, средний режиссер Григорий Александров, никогда не ночевали в городе. Даже после ночных съемок или правительственный банкетов они уезжали на дачу, чтобы утром проснуться в сельской тиши и вдохнуть первый глоток свежего воздуха. Мы обязательно построим дом за городом и будем жить там круглый год.

Ей эта идея понравилась, и она, заняв денег (это тоже был совет жены другого режиссера, что лучше жить не на свои деньги, а на чужие), купила дачу разорившегося, когда-то очень известного советского писателя и с тех пор всегда просыпалась в деревенской тиши. Пока не выучилась водить машину, она ездила с шофером, а теперь платила сельскому механику, который мыл машину, заправлял бензином, проверял уровень масла и тосола.

За эти годы она дважды выходила замуж.

В первый раз за своего однокурсника по институту и факультету. Она знала, что он влюблен в нее с первого курса, и он ей нравился огромным ростом и тем, что все мог починить: автомашину, радиоприемник, телевизор, электрическую розетку и даже проходившиеся сапоги. Она надеялась, что он и талантлив, потому что снялся первым в кино. Он играл роль гренадера. Его рост и мощный разворот плеч всегда требовались, чтобы исполнять роли милиционеров, грузчиков, парней у станков, доменных печей, на строительных стапелях. Еще он был викингом, римским центурионом, крестоносцем.

Они поженились, когда она купила дачу, надеясь, что он отремонтирует загородный дом, построит гараж и сауну, потому что каждая его роль в фильме занимала не больше двух-трех съемочных дней.

Он установил на даче электрическое отопление, построил гараж и год сидел с сыном, которого она родила, снимаясь вплоть до последней недели перед родами.

Он устроил истерику, когда однажды она поздно вернулась в загородный дом.

— Мне надоело быть сторожем, — кричал он, — и слесарем, и истопником при бане. Я такой же актер, как и ты. Я хочу и могу сниматься.

— Не такой ты актер. Все хотят сниматься, но не всех приглашают сниматься. Да, ты снимаешься в ролях гренадеров и лакеев. Ах, ты угрожаешь, что уйдешь, если я не изменю своего поведения? И уходи. Опомнишься — вернешься. Не опомнишься — на место павшего всегда встанет новый боец.

Новым бойцом стал ее второй муж, на этот раз известный пятидесятилетний режиссер, который держал себя в форме, по утрам бегал, и если не снимал фильмы, то ставил спектакли в театрах. Муж застал ее с любовником на городской квартире. Она не жила в городской квартире, но в перерывах между съемками или когда с утра в Театре киноактера были репетиции, а вечером спектакли, заезжала на квартиру, чтобы отдохнуть несколько часов. И однажды, не позвонив, туда заехал ее муж.

— Такое бывает не только в анекдотах, — рассказывала она потом подругам. — Он входит, видит моего любовника. Тот голый вылезает из постели, а режиссер, вместо того чтобы кричать или хвататься за ружье, рассматривает его член и говорит: «Ничего особенного. Не больше моего». Все мужики закомплексованы. Они не хотят понять, что все они практически одинаковы. Сантиметром больше или меньше — какая разница? Мы все равно природой на всякий случай рассчитаны на большее. Да и это большее — ничто без мастерства и знания передовых технологий.

Они развелись, но за их совместную жизнь режиссер ее снял в двух приличных фильмах: один с демонстрацией ее задницы, другой — где она была в костюме восемнадцатого века. Второй фильм часто показывали по телевидению.

В третий раз она вышла замуж за иностранца — еврея, который эмигрировал в

Америку пятнадцать лет назад. Теперь он имел свой бизнес и купил ей хорошую трехкомнатную квартиру, сначала паркетный внедорожник, а год назад — новый «фольксваген-гольф». Он предлагал «шевроле» или «крайслер», но она любила небольшие европейские автомобили, отдавая предпочтение надежным немецким автозаводам.

Наверное, у ее американского мужа в Нью-Йорке была вторая американская жена, и если была, то из российских эмигранток, — американка не позволила бы тратить деньги на две семьи.

У нее тоже был любовник. Когда по воскресеньям нечего делать, почему бы не заняться любовью, чтобы сбросить накопившиеся за неделю стрессы?

У нее сложилась почти идеальная по российским меркам жизнь. Загородный дом, за которым присматривала семья русских беженцев из Таджикистана. Она выделила им пристройку к дому из двух комнат. Жена беженца готовила, стирала, убирала; муж охранял, ремонтировал, иногда возил ее на машине, хотя еще плохо знал Москву. У нее были драгоценности, на которые обращали внимание на приемах и презентациях, несколько шуб, два автомобиля: к «гольфу» она купила «Жигули» для поездок за продуктами и вообще для хозяйственных нужд. Муж — иностранец, заботливый и нежадный, сын учился в английской спецшколе-интернате.

Все было бы хорошо, но за последние годы она мало снималась, потому что стала отказываться от роли обнаженных, а на серьезные роли ее не приглашали. И она решила, что хорошо было бы, чтобы сценарист написал роль специально для нее, и она даже знала, какую роль она хотела и смогла бы исполнить. Как говорил ее американский муж: «Все начинается с идеи».

Идея у нее была. Не вычитанная и не подсказанная подругами. Это были ее наблюдения за женщинами.

Женщины, как ни странно, в эти смутные, неопределенные времена лучше не только приспосабливались, но и быстрее определялись с работой и зарабатывали больше. По сути, они руководили семьей, утешали мужей и помогали им, учили детей и делали свою карьеру, очень часто из служащих становясь владелицами небольших, но самостоятельных предприятий. Женщины владели массажными салонами, парикмахерскими, бассейнами, магазинами, пекарнями. Выяснилось, что женщина быстрее принимает решение, потому что ее с детства приучили решать. Чтобы приготовить борщ, надо было решить до двух десятков проблем — покупку свеклы, картошки, капусты, томатной пасты, сметаны, уксусной эссенции, маслин, мяса, лаврового листа, перца, петрушки и другой зелени — и все это соединить и приготовить.

Если женщина обеспечивала жизнедеятельность семьи из пяти человек, она наверняка могла создать небольшое предприятие, а если женщина имела экономическое образование и освоила основы управления, то и миллионное дело.

Секс-символу казалось, что она смогла бы сыграть роль бизнес-вумен, потому что в жизни она и была такой: строительство загородного дома, покупка квартир, антикварной мебели, в конце концов, три замужества — это три блестящие спланированных предприятия. И разводы не являлись ее поражениями, скорее наоборот, она быстрее своих мужей видела бесперспективность семейного союза и уходила с этой территории, ликвидировала одно семейное дело, чтобы тут же основать другое.

Решив, что должна исполнить роль бизнес-вумен, она достала хороший блокнот в кожаной обложке (муж говорил, что это кожа крокодила), ручку «Монблан», нарисовала таблицу, в которой были колонки с данными об образовании, бывших профессиях, возрасте и стала выписывать туда фамилии знакомых бизнес-вумен.

И выяснилась закономерность. Средний возраст деловых женщин оказался между двадцатью восемью и тридцатью пятью. Самой старшей исполнилось сорок, самой младшей — двадцать два. Ей недавно исполнилось тридцать семь, она выглядела на тридцать два, а в кинематографических кругах, где не помнили, в какие годы она начала сниматься, она говорила, что ей двадцать восемь, и ей верили.

Но в кино о возрасте актеров знают все, и поэтому скрывать, сколько тебе лет, не имело смысла, но, чтобы играть откровенные любовные сцены, все-таки лучше бы иметь лет на десять поменьше. Значит, в сценарии любовных сцен тоже будет немного. В конце концов, когда твоим любовным партнером становится актер старше тебя на десять лет, ты смотришься почти как молодая женщина.

Следовательно, влюбленный в нее партнер должен быть лет на десять старше. Если ей по роли тридцать или тридцать два, то ее отцу под шестьдесят. Сегодня в частном бизнесе шестидесятилетние почти не работали, оставшиеся из красных директоров досиживали в министерствах. Во всех романах героя получала наследство в виде работающего завода, фабрики или верфи, если внезапно умирал отец или погибал в катастрофе муж. Кто погибнет или умрет, пусть решает сценарист. Она будет учительницей физики в средней школе, потому что все физические приборы очень яркие, и все они двигаются, а динамика для фильма — не последнее дело. Почему учительница? Потому что в детстве она хотела быть учительницей, как и ее мать. Еще она хотела быть медицинской сестрой, фотомоделью, художницей и журналисткой. Все эти профессии она уже играла в своих больших или небольших ролях, не была только учительницей. Если она будет вести урок в десятом классе и за партами, а теперь вроде столами будут сидеть настоящие десятиклассники, то, когда она будет писать формулы на доске, десятиклассники будут рассматривать ее попку, а не формулы. Решив, как она получит наследство и как встанет у доски, она выписала в блокнот фамилии знакомых сценаристов и сценаристов еще не знакомых, но модных и известных сегодня.

Она начинала операцию многоходовую по действиям и довольно длительную по времени. Надо найти и уговорить сценариста, чтобы он написал сценарий с главной ролью для нее. Потом найти режиссера, который бы согласился поставить этот сценарий, а потом продюсера, который найдет деньги и организует съемку самого фильма.

Заканчивалась весна. На сценарий уйдет не меньше трех месяцев, следовательно, в декабре можно собирать киногруппу, еще месяц уйдет на режиссерский сценарий и три месяца — на выбор натуры, актеров, студийных павильонов, хотя хорошо бы снимать в естественных интерьерах, реальных кабинетах и квартирах. Но реальные кабинеты не подходили из-за своих небольших размеров, в них невозможно установить кинокамеру, чтобы она нормально передвигалась, и осветительные приборы, которые занимали обычно половину даже самой большой комнаты. На съемках одного из фильмов она видела малогабаритную итальянскую осветительную аппаратуру. Она сделала пометки в блокноте. Надо узнать, где можно найти в Москве такие осветительные приборы.

И еще она определилась со сценаристом. Когда-то он был в нее влюблен, но романа у них не было. Лучше начинать с тех, кого ты не обманывала, не бросала. Сценарист был из таких. Актрисы на него не обращали внимания, и он специализировался на медицинских сестрах и учительницах. Может быть, поэтому характеры учительниц и медицинских сестер у него хорошо получались.

Сценарист

Сценарист не знал, что скоро ему придется писать сценарий об учительнице, которая неожиданно получила наследство и стала бизнес-вумен.

В то утро он проснулся в плохом настроении. Вчера он сварил китайские пельмени, купил молдавское сухое вино, финские шоколадные конфеты с ликером, пирожные «картошка» — все, что любила его девушка, учительница математики из соседней школы. Учительнице исполнилось двадцать восемь, она решила рожать ребенка, выйдя замуж конечно. Сценарист вполне мог стать мужем, потому что был старше ее почти на двадцать лет. Для него она — почти юная невеста. Она нравилась Сценаристу, может быть, он даже был в нее влюблен. Она ночевала у него по выходным, две ночи в неделю в течение целого года, а ее родители были уверены, что два дня и две ночи она проводит за городом у

подруги.

Они поужинали, выпили вина, но учительница не пошла в ванную, а, вымыв посуду, — обычно она мыла накопившуюся грязную посуду один раз, перед уходом, — села в кресло и сказала:

— Надо поговорить.

Когда женщина заявляет мужчине, что надо поговорить, она не думает о том, что мужчина слышит это предложение не в первый раз, а немолодой мужчина на предложение «поговорить» имеет с десяток уловок, как не услышать, не понять или тут же согласиться, а назавтра забыть. После такого предложения мужчина перестает звонить, уезжает в отпуск, а некоторые меняют квартиру.

— Говори, — сказал Сценарист.

— Мне двадцать восемь лет, — начала учительница, ожидая, что Сценарист скажет: «Разве это возраст!» Но Сценарист сказал:

— Да, не девочка. Раньше в этом возрасте девушка считалась старой девой.

— А кем считался мужчина в пятьдесят лет? — спросила учительница.

— В сорок семь, — поправил Сценарист и ответил: — Во Франции этот возраст считался возрастом женихов.

— Чего же не женишься?

— Женюсь.

— Есть невеста?

— Есть.

— Кто?

— Я хочу, чтобы для тебя это было сюрпризом.

Учительница молчала, раздумывая, устроить ли сейчас скандал с криком «Какой сюрприз! О ком ты говоришь?» или отделаться многозначительным ироническим замечанием: «У меня для тебя тоже будет сюрприз».

Водитель автобуса, который был у учительницы перед Сценаристом, забеспокоился бы: на что намекает? Не беременна ли? Но Сценарист обрадовался.

— Очень люблю сюрпризы! Очень!

Может, он и не такой умный. Ведь бывают талантливые, но не умные. Так могла подумать учительница.

А Сценарист, отбив нападение, понял, что надо уехать хотя бы на месяц, а еще лучше на все лето, до зимы, а завтра же включить автоответчик и не подходить к телефону. Но существовал и самый лучший прием, которым Сценарист пользовался в почти безвыходных положениях. Он уезжал на месяц и возвращался с женщиной. Обычно он просил пожить у себя актрису Гусланову, которая часто играла продавщиц, дворничих; где по роли требовалась хамская агрессивность — всегда приглашали ее. Женщина звонила, Сценарист приглашал, а встречала ее Гусланиха. Крик с выражениями, которые не всякий мужчина мог воспроизвести, производил отталкивающее впечатление на претендентку и на соседей по лестничной площадке.

Подобный прием в этой квартире Сценарист еще не использовал ни разу.

Он развелся со своей третьей женой год назад и въехал в эту двухкомнатную малогабаритную квартиру в пятиэтажном панельном доме без лифта. Еще после первого развода он сохранил книги и необходимый комплект мебели, в который входили мягкий диван-тахта, письменный стол, кресла, журнальный столик. Телевизор, холодильник и музыкальный центр он оставлял бывшей жене, потому что бытовая техника устаревала каждые пять лет. Он любил обновления и поэтому, переезжая в новую квартиру, покупал новый современный холодильник, новый телевизор и новый музыкальный центр в кабинет. Он любил работать под музыку.

Каждые два года он шил себе новые костюмы и постоянно покупал новые модные пиджаки и ботинки. Ношеная одежда не пропадала — он отдавал ее своему младшему брату, который вынужден был из-за этого держать форму старшего брата. Если старший полнел, то

полнел и младший, если худел старший, младший срочно садился на диету.

— Я подожду сюрприза, — сказала учительница и пошла к выходу.

Сценариста наказывали. Он ждал этой субботы. Учительница жила в соседнем доме, поэтому два дня — субботу и воскресенье — она не выходила из его квартиры, чтобы не встретиться с родителями. То, что учительница, как рабыня в романе, была заперта на двое суток и могла принадлежать ему всегда и везде — в ванной, на кухне, в спальне, в кабинете, — его особенно возбуждало. Он начинал ждать прихода учительницы с середины недели. И вот сейчас был наказан.

Сценарист выглянул в окно. Учительница медленно уходила. У нее была замечательная фигура. Мог бы и пообещать жениться и любить всю жизнь, лишь бы осталась. Конечно, у Сценариста были запасные варианты. Но в субботу во вторую половину дня его знакомые женщины уже были на дачах. Молодые одинокие женщины не любят проводить субботы в своих квартирах, а если кто-то из них и остался в городе, то уже не в одиночестве, и вряд ли будут подходить к телефону.

Можно, конечно, сесть к компьютеру. В бригаде сценаристов он работал над стосерийной мыльной оперой и писал по серии в неделю. Кроме него, в бригаде были еще два сценариста. Свою серию он написал и отдал продюсеру и следующую собирался начать писать в понедельник. И тут зазвонил телефон. Он сразу узнал ее. Секс-символ целого десятилетия, она и сейчас была соблазнительно привлекательна.

— Есть замечательная идея, — сказала Секс-символ.

— Изложи по телефону или необходима встреча? — спросил Сценарист.

— Лучше встретиться. Как смотришь на ресторан Дома актера?

— Замечательно смотрю, — ответил он.

Теперь, когда он оказался без женщины, он мог позволить себе все. Просто пошататься по городу или поехать к кому-нибудь из знакомых на дачу. Теперь, когда почти у всех были мобильные телефоны, без проблем можно было связаться и предупредить о своем приезде или поехать к друзьям, их было у Сценариста немного, но они были. Или позвонить малознакомым, но богатым и сказать:

— Я проезжаю мимо вас.

К счастью, на мобильных телефонах еще не установлены системы оповещения о нахождении человека в определенном месте.

Дом актера подходил меньше, чем Дом кино, но из обоих Домов при целенаправленном поиске можно увести начинающую актриску или девочку, специализирующуюся на известных актерах, и с которых они не берут денег, едут туда, куда везут, чтобы потом рассказывать подругам об интересном приключении. Девочки, конечно, его не знают, потому что в лицо сценаристов мало кто узнает, но всегда найдется актер со знакомым для всех лицом, который представит его девочкам и расскажет, какой он знаменитый.

— Можем встретиться через час, — предложила Актриса.

Москва была переполнена автотранспортом. Сценарист сразу же, как только поступило предложение актрисы, решил, что поедет на метро.

— Через полтора часа, — сказал Сценарист. Он не любил торопиться.

— Сейчас пятнадцать двадцать.

Секс-символ точна, как офицер флота, подумал Сценарист и вспомнил, что когда-то она играла медсестру морской пехоты и носила тельняшку. Почему-то в тельняшке ее большая грудь особенно запомнилась сразу многим мужчинам.

Сценарист не любил актрис. Это может показаться странным: как можно не любить актрис? Актриса — почти всегда красивая женщина, если не с идеальной, но обязательно с хорошей фигурой. И к тому же, доступность актрис не миф, а реальность, потому что при любой продаже товар надо демонстрировать и даже давать попробовать на вкус. Кино всегда жило законами рынка, а на рынке, если тебе давали попробовать творог или мед, стеснительные покупали сразу после пробы, склерди, перепробовав все по всему рынку, возвращались обычно к первому продавцу, у которого пробовали, потому что запоминаются

только первая и последняя пробы. Но сценаристы редко заводили романы с актрисами, потому что были отделены от них производством. Сценарист отдавал сценарий режиссеру и продюсеру и практически отстранялся от дальнейшей работы. Некоторые смотрели пробы актеров, отснятый рабочий материал, приезжали на места съемок. Он никогда на съемки не ездил и делал исключение только для съемок на юге. Но, приехав в киноэкспедицию, он шел на пляж и заводил курортные романы с отдыхающими учительницами, бухгалтерами, технологами, медсестрами. Он их понимал и ценил, и они его понимали и ценили. И вроде бы из кино, и вроде бы знаменитый, а простой и доступный, как мужики у них на фабриках, заводах, в автопарках.

Актрисы требовали внимания, похвал, комплиментов и еще — чтобы выслушивали их мнения о других актрисах, режиссерах, фильмах, книгах, вернее, о книге, которую актриса прочитала. И если роман или фильм нравились всем, актрисам обязательно не нравились, потому что актриса должна была выделиться не только глазами, грудью, попкой, но и особым мнением, не похожим на мнения других.

Секс-символ отличалась от актрис своего поколения и тем, что, три раза побывав замужем, всегда уходила первой, и каждое ее следующее замужество было более продуманным и более выгодным, чем предыдущее, и она первой из актрис своего поколения стала покупать недвижимость и антиквариат. Именно она, а не другие с такими же объемами груди, талии и бедер, стала Секс-символом десятилетия. А это значило, что она лучше считала, оказалась более раскованной. Когда другие запахивали на съемках халат, она распахивала его, одной из первых снялась в русском варианте «Плейбоя». Другие прикидывали, раздумывали, а она уже красовалась на обложке журнала девушки месяца, а потом и года.

Сценарист надел легкие брюки, яркую рубашку навыпуск, сандалеты на босу ногу, нацепил на ремень сумку-кошелек, в котором были деньги, ключи от квартиры, билет Союза журналистов (к этой пластиковой карточке с особым почтением относились милиционеры), газовый баллончик. Под рубашкой кошелек не просматривался.

Он ехал в метро, рассматривая молодых женщин, которые демонстрировали уже летний загар. В ресторане Дома актера было прохладно. Полупрозрачная блузка выгодно подчеркивала контуры известной всей России груди Актрисы. Она выглядела лет на тридцать, в пятьдесят будет выглядеть на сорок, и, если в шестьдесят выйдет очередной раз замуж, никто не удивится.

Сценарист заказал для начала холодного пива с мидиями.

— Ты сейчас мыльную оперу ваяешь? — спросила Актриса. — Когда закончите?

— Чего ты хочешь? — спросил Сценарист. Он не любил, когда расспрашивали о его делах, считая это вторжением в личную жизнь.

— Хочу, чтобы ты написал сценарий под меня.

— Про тебя — актрису, режиссера, продюсера?

— При чем здесь режиссура и продюсирование? Я — Актриса.

— Ходят слухи, что ты хочешь то ли ставить фильм, то ли заняться продюсерством.

— А разве как актриса я уже никуда не гожусь?

— Годишься куда угодно. Может быть, только пора менять амплуа.

— Объясни.

— Ты уже отыграла соблазнительных дурочек, пора играть умных, хитрых, расчетливых, какая ты на самом деле.

— Я потому и решила к тебе обратиться. Это понимаешь? То, что ты не дурак, признается всеми.

— Давай по делу. Есть заказчик?

— Заказчик я.

— А кто будет платить?

— Это не твоя проблема.

Сценарист сразу расслабился. Если Секс-символ займется этой проблемой, проблема

будет решена.

— Чего ты хочешь? — спросил Сценарист.
— Ты почти угадал. Я хочу роль умной, хищной, расчетливой и сексапильной.
— Она кто — городская, сельская, иностранка, российского разлива?
— Ты писатель и сценарист, тебе и решать.
— Я давно тебя знаю. Ты все уже решила.
— Не все. Я еще не знаю, кто я. Дочь, которая внезапно получила наследство?
— Или?
— Или молодая вдова.
— Молодая вдова, — решил Сценарист.
— Почему?
— Про дочь надо рассказывать долго. Кто такая. Почему не замужем.
— А если дочь замужем?
— Но героине нужен роман. А наш зритель не любит, когда замужняя женщина заводит роман на стороне. А вдова и есть вдова. Поплачет, погорюет, но жизнь-то все равно надо устраивать. У вдовы любой роман оправдан.
— Героиню положено жалеть. Предположим, моего старого супруга убивают, и я, такая сексапильная торпеда, принимаю его дела. Да передо мной никто не устоит.

В соображениях Секс-символа был резон.

— Чтобы пожалели, надо быть скромной дурнушкой. Бухгалтершей или учительницей.
— Запросто. Я прошлой осенью в деревне надела ватничек, кирзачи, так меня все принимали за местную. За сельскую молодуху. Такую сразу хочется ушипнуть за задницу.
— Ты хочешь быть пейзанкой? Откуда у пейзанки наследство?
— Из предложенного тобою варианта — бухгалтерша или учительница — я выбираю учительницу. И лучше, если это будет учительница физики или математики. Математички быстро считают, а в бизнесе надо уметь быстро считать.
— Значит, семья: отец — бизнесмен, дочь — учительница, а жена, мать кто?
— Нет, — возразила Секс-символ. — Живут мать, дочь и внучка. У меня могла бы быть дочь лет двенадцати.

«У тебя бы могла быть дочь и двадцати». Но Сценарист этого не сказал.

— Итак, — продолжила Актриса, — дочь — учительница математики, внучка школьница, а мать-бабушка — медицинская сестра в районной поликлинике.

— А отец?

— Отец ушел от медсестры и женился на «мисс Россия» или лучше на «Вице-мисс Россия», их меньше помнят.

— Чтобы отец оставил наследство, он должен умереть или его надо убить.

— Автокатастрофа. Погибают отец и его мисс. Тогда учительница получает наследство, приходит в фирму.

— Акционеры предлагают ей продать контрольный пакет акций...

— Соображаешь, — похвалила Сценариста Актриса. — Но она говорит: ничего не продам, а буду сама управлять.

— Лучше, если предложат продать акции не свои акционеры, а конкуренты. Которые, может быть, и подстроили эту автокатастрофу. А она им говорит: хуенъки.

— Я такого слова не знаю. Потом разъяснишь. Но мыслишь правильно. Если конкуренты начнут на нее нажимать, она будет драться с ними, как львица.

— А где любовь? — спросил Сценарист.

— В нее должен влюбиться партнер отца. Богатый, средних лет, но вполне сексапильный мужик, о котором мечтают все женщины России после тридцати.

— Или конкурент!

— Может быть. Но она их кинет, а выйдет замуж за учителя химии. Она его любила и бедного и вышла за него замуж. Миллионы женщин будут обливаться слезами.

— А какую фирму, фабрику или завод она получит в наследство?

— Какую-то. Я не знаю. Не важно. Важно, что получит.

Сценарист представил, что Секс-символ получила в наследство ресторан. Наверное, этот ресторан стал бы одним из лучших в Москве. И салон красоты стал бы лучшим, и Дом моделей. А если металлургический комбинат? Или судоходная компания? Сценарист выбирал предприятия, в деятельности которых ничего не понимал он, и тем более учительница.

— Учительница будет преподавать физику или математику? — уточнил Сценарист.

— Математику, — окончательно решила Актриса. Наверное, по математике в школе она больше тройки не получала. — И напиши заявку на сценарий. Не больше трех страниц.

— Пять, — сказал Сценарист.

— Три, — возразила Актриса. — Обычно внимательно читают только первые две страницы. Это максимум. Лучше одна, максимум полторы.

— Ты читала рекомендации менеджерам по составлению деловых записок?

— Я не знаю, что рекомендуют менеджеры, я знаю про себя. Две страницы я еще прочту, три читать неинтересно. Когда напишешь?

— Через неделю.

— Мне нужна заявка в понедельник, то есть я должна получить ее завтра, потому что я договорилась о встрече с продюсером на послезавтра.

— Кто такой?

— Начну с Худых.

— А если завтра заявка не будет готова?

— Обращусь к другому сценаристу, — и Актриса улыбнулась своей самой обольстительной улыбкой.

Сценарист знал, что Секс-символ никогда никого не упрашивала, не предупреждала и не извинялась.

— Почему ты такая хамка?

— Могу себе позволить.

— Я тоже, — ответил Сценарист. — Заявка будет не завтра, а через неделю.

Продюсер

Продюсер просыпался рано, когда рано ложился. А в субботу и в воскресенье он ложился рано, поэтому проснулся в понедельник на рассвете. Рядом на большой кровати спала жена, еще недавно очень модная актриса. В последние годы она снималась мало. Он мог бы ее рекомендовать, редко какой режиссер отказывается от рекомендаций продюсера, и тогда пусть не главная, но хотя бы просто роль всегда найдется для актрисы — жены продюсера, тем более что в тридцать семь она выглядела на тридцать. Но он не рекомендовал, если сам режиссер не предлагал для нее роль. И то почти всегда отказывался от первого предложения, и, если только режиссер очень настаивал, мог согласиться.

Продюсер окончил экономический факультет Института кинематографии. В юности он тоже мечтал стать актером, но к высокому толстому мальчику на предварительных просмотрах отнеслись со снисходительной симпатией.

— Вы же умный, — сказали ему, — поступайте на режиссерский или на киноведческий.

Но для киноведческого и режиссерского факультетов он тоже не подошел. Оставались сценарный, художественный и экономический факультеты. На сценарном надо было писать, на художественном рисовать. Он таких способностей, даже минимальных для поступления, не имел и пошел на экономический.

Как и многие, он был влюблена в актрису, которую через несколько лет назовут Секс-символом десятилетия, но шансов завести с ней роман у него практически не было. На этом же курсе училась еще одна претендентка на звание Секс-символа, но она до символа не дотягивала. У нее всего было меньше: и груди, и волос, и попки. Тогда же, в институте, к ней

приклеилась кличка Поскребыш. Она тоже снималась в постельных сценах, но ее снимали режиссеры второго разряда и в фильмах на порядок ниже, чем те, в которых снималась Секс-символ.

Поскребыш была уверена, что кличку придумала Секс-символ, и стала ненавидеть ее еще больше. Так случилось, что актер, который был влюблена в нее, женился на Секс-символе, а ее роман и возможное замужество с известным режиссером тоже разрушила Секс-символ, выйдя за него замуж после развода с первым мужем.

Поскребыш вышла замуж вначале за журналиста и кинокритика, потом за дипломата, а выйдя замуж за Продюсера, узнала, что и он был давно влюблен в Секс-символ и даже собирал в особую папку все фотографии и рецензии на ее роли.

Сейчас она не спала, наблюдая, как собирается на встречу с Секс-символом ее муж. Он не сказал ей о предстоящей встрече, но она всегда знала обо всех его встречах, потому что регулярно просматривала его блокнот — органайзер с пометками обо всех встречах, телефонных звонках и денежных тратах. Продюсер был педантом и записывал все. На сегодня была назначена встреча с Секс-символом. В графе «Цель встречи» было написано: «Обсуждение заявки». Вечером она достала из портфеля Продюсера заявку на фильм о деловой женщине. Заявка почти полностью повторяла идею фильма, который был приостановлен, но она собиралась возобновить съемки на собственные деньги. Сценария у Секс-символа еще не было, но она знала Сценариста, который мог написать или хорошо, или очень хорошо. И ей стало вдруг тоскливо. Секс-символ снова перехватывала инициативу.

Продюсер продолжал сборы. Сейчас наденет просторный льняной пиджак, который скрывает его полноту, очень яркий желтый галстук, синюю рубашку, мягкие удобные туфли. Для важных встреч он всегда надевал модную, но удобную одежду, которая не отвлекала его от переговоров, потому что вся его работа в основном состояла из переговоров с финансистами, банкирами, сценаристами, режиссерами, актерами, чиновниками телевидения и Комитета по кино, министерства культуры, финансов, Комитета государственного имущества.

Продюсер входил в пятерку наиболее известных продюсеров страны. Он, как и все экономисты, начал с администратора на съемочной площадке, на втором фильме был уже заместителем директора, на третьем фильме стал директором. Пройдя в ускоренном темпе все ступени экономиста кино, он понял, что достиг потолка. Деньги, которые зарабатывал директор фильма, всегда были небольшими. Каждый директор ловчил, нарушал постановления и акты, обычно зарабатывал в три раза больше официально выплаченной зарплаты и постановочных и становился богатым после пятидесяти лет, а Продюсер хотел быть богатым сейчас. Он понимал, что большие деньги можно заработать, только если основать собственное дело, но на собственное дело нужны были деньги, которых у него не было.

Как всегда, помог случай. Он услышал разговор сценариста и режиссера, с которыми учился в одно время, видел их курсовые работы. Их дипломный фильм получил несколько призов на студенческих международных фестивалях. Он понял, что они ищут продюсера.

— Ребята, — сказал он, — надо основывать свою фирму.

— Надо бы, — согласился режиссер, — но мне некогда. Мне надо о фильме думать.

— А я не знаю, как это делается, — отозвался сценарист.

— Я знаю, — веско произнес он.

— Тогда начинай создавать, — сказал режиссер.

И он начал создавать. Название будущей кинофирмы он составил из первых букв имен всех троих: Павел, Петр и Шура. Его все звали Шура, и никто Саша или Александр. Полный, медлительный, он был именно Шура.

Первые буквы дали сочетание ППШ. Так назывался самый известный советский автомат времен Второй мировой войны. Он и сегодня был известен не менее своего знаменитого потомка, автомата Калашникова.

Итак, компания стала называться ППШ, а основатели — «автоматчиками».

Продюсер сразу поставил условие:

— Мне нужен второй сценарий, по которому вы собираетесь ставить фильм.

— Еще неизвестно, что захочется ставить, — ответили ему.

— Должно быть известно и заранее спланировано. Я должен знать, смогу ли я использовать построенные павильоны для первого фильма во втором. Это относится и к костюмам, и к транспорту.

— Следующий фильм будет историческим, — сказал режиссер.

— Следующий фильм должен быть современным. Только тогда мы сможем заработать первые приличные деньги.

Заработать приличные деньги хотели и режиссер, и сценарист, поэтому вторым фильмом стал фильм о современности.

Продюсер и рекламную кампанию организовал сразу на два фильма. И хотя фильмы были с разными историями, но многие актеры, занятые в первом фильме, перешли во второй, поэтому прокатчики, как и зрители, ждали второй фильм как продолжение первого.

Компания хорошо заработала. И режиссер, и сценарист получили в счет доходов автомобили, о которых мечтали... Сценарист — джип «мицубиси», а режиссер — «альфа-ромео». Автомобили, приобретенные для съемок в фильмах, были десятилетнего возраста, но подремонтированные, покрашенные смотрелись почти как новые, и года три их владельцы не должны знать забот. А больше чем на три года Продюсер никогда не загадывал.

Компания ППШ успела снять еще два фильма. Продюсер хорошо продал их на внутренних кинорынках и даже за рубежом, потому что фильмы получили и международные премии, хоть и неглавные, но на главных фестивалях Европы.

Продюсер успел купить большую квартиру в центре Москвы, обставить ее антикварной мебелью, заменить «Жигули» на «вольво» последней модели.

Потом режиссер и сценарист попросили отчитаться. Продюсер отчитался. Он умел отчитываться. Все сходилось. У него была документация на каждый потраченный рубль. По всем показателям кинокомпания должна была приносить прибыль, а по документам едва оправдывались вложенные средства.

Режиссер и сценарист потребовали: «Или всю правду, или тебе придется уйти!»

— Я не привык, чтобы со мной разговаривали в таком тоне! — возмутился Продюсер. — Не хотите со мной работать, я уйду!

И Продюсер ушел. На следующий день он уже работал в частной телевизионной компании, которая за последние годы получила свой канал, вещала больше двенадцати часов в сутки и налаживала свое фильмопроизводство. Компания набирала опытных продюсеров, заключала договоры со сценаристами и режиссерами.

Так распалась кинокомпания ППШ и организовалась ПК — продюсерская компания, которая на средства канала должна была снимать фильмы выходного дня.

Только теперь Продюсер оценил необходимость идеи, под которую можно было заказывать сценарии, подбирать режиссеров и актеров. Он знал, что владелец канала, еще недавно малоизвестный режиссер, создавал кооперативы по производству фурнитуры для легкой промышленности, потом организовал несколько модных молодежных передач, под которые всегда размещали рекламу. Когда левые нападали на Президента и казалось, что дни Президента сочтены, режиссер-телемагнат поддерживал его, и позже благодарная администрация разрешила каналу потеснить конкурентов и стать на один уровень с государственным каналом. Телемагнат понимал: чтобы выигрывать битву за рекламу у других каналов, надо привлекать лучших профессионалов и платить в два, в три, а если необходимо, и в десять раз больше, чем платили государственные телеканалы. Продюсеру сразу положили такую зарплату, что, узнав о ней, его отец сказал:

— Продержись хотя бы год, и ты будешь обеспечен на пять лет вперед.

— Если они платят такие деньги, — сказала ему мать, — эта работа стоит еще дороже. Ты же умный! Подумай, как ее делать хорошо.

Его отец, артист областной филармонии, как только стал работать на эстраде, понял, что с фамилией Дикерзон он достигнет немногого. И он взял псевдоним. Так Дикерзон — «сын толстого» на идиш — стал по-русски Толстых. И большой, полный, белокурый, голубоглазый Дикерзон под псевдонимом Толстых казался очень русским и сибирским.

Продюсер фамилию Толстых получил уже при рождении, а когда получал паспорт и надо было выбирать национальность — или еврей по отцу, или русский по матери, — он стал русским. Можно было взять фамилию матери (в девичестве Кишкова), но он не взял из-за неблагозвучности. Кишков — это что-то от требухи, а если он когда-нибудь женится на актрисе, никакая актриса не согласится на такую фамилию.

Сын-продюсер решил посоветоваться с отцом-актером, который теперь выступал редко, но ум не растерял, потому что не пил водки, не курил и переживал, что сын курит и пьет водку. Продюсер советовался с отцом и когда выбирал профессию, мечтая, как и отец, стать актером.

— Не надо, — сказал ему тогда отец. — Актер — самая публичная и самая зависимая профессия. Ты большой, толстый.

— Полный, но я хочу похудеть, — сказал тогда будущий продюсер.

— Твой дед был толстым, я толстый, ты тоже будешь толстым. Такая уж наша природа, или набор генов, которые передаются из поколения в поколение. Твоя полнота программирует твою жизнь. Ты будешь играть простаков, добродушных лентяев. Почему-то считается, что толстый человек — добродушный человек, хотя я знал толстых очень злобных и агрессивных. Еще тебе будут предлагать роли гренадеров, кучеров, крестьян, рабочих.

— Я мог бы сыграть Пьера Безухова, — возразил будущий продюсер.

— Пьера Безухова сыграл Бондарчук, в следующий раз Пьера в кино будут играть лет через тридцать, ты к этому времени станешь старым. К тому же неизвестно, вдруг через несколько лет евреям запретят играть русские характеры.

— Эти времена прошли, — возразил будущий продюсер.

— Как прошли, так могут и вернуться. Твой дед был одним из первых советских кинематографистов. Правильнее будет сказать, большинство первых советских кинематографистов были евреи.

— А почему в кино так много евреев? — спросил будущий продюсер. — И Голливуд они практически основали. Если их много в кино Америки и России, а также Франции, Англии и Германии, значит, существует какая-то закономерность.

— Существует, — согласился отец. — Объясняю на России, это мне ближе и понятнее. Когда в России была ликвидирована черта оседлости и евреи смогли жить не только во всех городах, но и заниматься всеми видами деятельности, куда была направлена их долго накапливаемая энергия? В профессии, которые только формировались, где было меньше конкуренции, еще не существовало традиций. Пахать и сеять русские крестьяне могли лучше, чем еврейские поселенцы. Были традиционные сословия, где евреи конкурировать не могли. В армии например. Коренные русские воевали веками. Правда, и умение воевать, стойкость оказались национальной особенностью не только русских. Сегодня израильская армия — одна из самых боеспособных в мире. Но я отвлекся. Куда больше всего пришло евреев после Октябрьской революции? В ЧК например. Вначале чуть ли не каждый второй еврей был чекистом. В кино естественно. Кино зарождалось в первые годы столетия. Русским, чтобы раскачаться, осмыслить, нужны не годы, а десятилетия, а то и столетия. Евреи же соображают быстро. Потому среди первых кинематографистов России опять же каждый второй был евреем. То же самое произошло и с химией, физикой, легкой музыкой.

Кино, как никакое искусство, оказалось интернациональным или космополитическим, — какой термин тебе ближе, тем и пользуйся. Поэтому советское кино двадцатых и отчасти тридцатых годов было на уровне лучших мировых образцов. То, что делалось в Москве и Ленинграде, понималось и принималось в Берлине, Париже и Нью-Йорке.

Но произошел перебор. Евреев в кино стало больше, чем русских, и в торговле евреи

заняли лучшие места, и в медицине, и на эстраде. Это стало раздражать. На каждое раздражение наступает реакция сопротивления. Бытовой антисемитизм породил антисемитизм государственный. Хотя в России бытовой и государственный антисемитизм существовали всегда, после войны, после Освенцима, когда немцы уничтожили шесть миллионов евреев, открытый государственный антисемитизм стал невозможным — обвинили бы в фашизме. Тогда придумали космополитизм и потом дело врачей-убийц, которые почти сплошь были евреями. Процентной нормы для евреев, получающих высшее образование, при советской власти не было, но были рекомендации. Поэтому поступали только очень способные, которых срезать было почти невозможно. Происходил почти естественный отбор. Если еврей становился врачом, то очень хорошим врачом. Если физиком, то очень хорошим физиком. Если кинематографистом, то очень хорошим кинематографистом. Твой дед снял два очень хороших немых фильма. Но как только кино стало звуковым, он из режиссеров перешел в звукорежиссеры. И славы, и денег меньше, но и критики меньше и постоянная занятость. Он мне советовал заняться стоматологией, зубы у людей всегда будут болеть, или хотя бы стать технологом по проявке кинопленки. Я не послушался и пошел в актеры. Но я напоминал русских богатырей только на очень общих планах, а на крупных я все равно был евреем. В кино не требуется столько героев-евреев! Не надо тебе идти в актеры.

Он выслушал отца и пошел поступать на актерский факультет Института кинематографии. И поступил на экономический факультет. Выбор случайный, но, возможно, единственно правильный, потому что в его годы стоматолог имел бы только малогабаритную квартиру и автомобиль «Жигули», а Продюсер купил трехкомнатную в соседнем с родителями доме, ездил на «вольво» и женился на красавице-актрисе. Конечно, он кинул своих партнеров. А как заработаешь первые большие деньги, если кого-нибудь не кинешь или не убьешь? Большие деньги, особенно большие, всегда или на крови, или на обмане, и только один процент — на удаче. Конечно, жена, актриса-красавица, досталась ему после трех замужеств и почему-то не рожала, может быть, оттого, что сделала слишком много абортов? Об этом думать даже не хотелось. И кому нужна эта красота, если она не имеет продолжения?

Продюсер после легкого завтрака — две баварские сосиски, тост с джемом и кофе — закурил сигарету, первую из трех, какие он позволял себе за день: после завтрака, обеда и перед сном.

Он еще раз просмотрел график сегодняшних встреч. Переговоры со сценаристами и режиссерами были привычными. На знаменитостей уходило больше времени, на начинающих, но талантливых, меньше, — ритуал, отработанный до мелочей: кому предложить виски лучших сортов, кому коньяк, а кому и чашку кофе с фигурным сахаром и мелким печеньем. Продюсер пытался выработать свой стиль приема необходимых людей.

Единственная встреча, которая могла доставить удовольствие, это встреча с Секс-символом. Было приятно, что Секс-символ обратилась к нему. Когда-то он всех женщин сравнивал с нею. Поскребыш заменила ее. Конечно, копия не заменяет оригинала, хотя удовольствие то же самое.

Поскребыш вышла на балкон второго этажа, когда Продюсер вывел машину из гаража.

— Я буду в офисе в полдень, — сказала она.

Секс-символ тоже должна была приехать в полдень. Офис для своего Актерского агентства Поскребыш сняла рядом с его продюсерской компанией. Она не отчитывалась перед ним о доходах Агентства, но, судя по тому, что ее услугами пользовалось все больше кинозвезд, доходы Поскребыша были высокими. Два последних мужа ушли от нее, оставив ей только квартиры и старые машины. Их бизнес уходил вместе с ними. Теперь она имела свой.

Продюсер нажал на кнопку цифрового диктофона и проговорил: «Узнать перед встречей, каким бизнесом занимается Секс-символ».

Режиссер

Режиссеру недавно исполнилось пятьдесят лет. Это событие прошло незаметно для общественности. По телевидению не было ни ретроспективы его фильмов, ни даже самого известного его фильма, который видели почти все, потому что его показывали по телевидению каждый год по три-четыре раза. В фильме были заняты сегодняшние суперзвезды, а когда он снимал их, они были молодыми и никому не известными. Фактически он открыл их для кино, но звезды в своих интервью редко вспоминали о нем.

Профессия режиссера предполагает упорство. Если режиссер хочет снять определенный фильм, он иногда тратит годы на поиски сценария, добывание средств; в советские времена надо было, чтобы съемки фильма вставили в план производства. Разрыв между съемками у самых успешных был два-три года, у самых упорных — до пяти лет.

Но были режиссеры, которые снимали почти каждый год или, во всяком случае, в три года два фильма. Но для этого надо было обладать определенными чертами характера и преимуществами, лично приобретенными. По характеру Режиссер был, что называют, легким человеком. Он ни к кому не примыкал, поэтому не должен был отстаивать интересы определенной группы. В интеллигентной семье ему с детства внушали, что все проблемы лучше решать компромиссами и, даже если ты с чем-то не согласен, неприлично кричать, угрожать и жаловаться в инстанции; что грешно отказываться от работы, а если согласился, то делать ее профессионально, потому что и на профессиональную работу, и на халтуру уходит примерно одно и то же время.

Ему повезло сразу, хотя свое везение он организовал сам. После окончания Киноинститута, понимая, что на пробивание съемок фильма в Москве могут уйти годы, Режиссер решил, что будет снимать на республиканской студии. Он выбрал Ташкент, просчитав варианты на других студиях. Можно было внедриться в Киеве, но на это потребовались меньшие, но все же годы, как и в Москве.

Еще в институте он женился на дочери чиновника из Кинокомитета, который мог бы пробить ему и постановку в Москве, но тесть посоветовал:

— Кино — везде кино. Нужно найти сценарий и адаптировать его для республиканской студии.

Тесть попросил у известного писателя повесть для экранизации. Режиссер вместе с молодым сценаристом написали сценарий. Если в повести мужчина и женщина ехали в командировку в сибирский город, то в фильме они ехали в Ташкент. А любовь между мужчиной и женщиной везде одинакова и разная одновременно — что в Ташкенте, что в Москве, Лондоне или Томске.

Картину заметили, она даже получила премии на нескольких незначительных фестивалях. Через три месяца Режиссер запустился уже следующим фильмом в Белоруссии.

Ему нравилось снимать кино. В киноэкспедициях возникали романы. Актриса из Киева теперь снималась во всех его фильмах. И у него, и у нее были семьи. Может быть, жена Режиссера и муж актрисы и догадывались о возможном романе, но слежку не устраивали.

Когда Белоруссия и Узбекистан стали самостоятельными государствами, он не ожидал особых перемен в своей жизни. После съемок в Белоруссии ждал телеграмму директора Ташкентской студии о запуске фильма о басмачах, но телеграмма не пришла, и фильм о басмачах выпал из плана. В Белоруссии образовалась очередь из местных режиссеров, и без очереди никого не пускали — ни местных, ни московских.

Тесть давно ушел из Комитета и жил на даче, построенной на деньги Режиссера. Из двадцати художественных киностудий в стране осталось только три. Еще год назад снимали боевики, приключенческие мелодрамы с обнаженной натурой. Если раньше на всю страну в кадре раздевались две-три актрисы, то теперь готовы были раздеваться сотни! Все заканчивалось. В кинотеатрах показывали американские фильмы, а на российские боевики, очень похожие на американские, но все же не американские, зрители шли с неохотой.

Он пропустил лето прошлого года. Впереди было новое лето, но работы не было. В

Москве его считали режиссером с периферии. Он предложил сценарий, который писал сам, нескольким объединениям на «Мосфильме», и везде ему отказали. И сценарий был примитивным, и режиссер неизвестный. Помнили только его первый фильм, но не видели фильмов, которые он снимал последние двадцать лет на национальных киностудиях.

Раньше он удивлялся: как же живут режиссеры, которые не работают по три, а то и по пять лет. Конечно, были сбережения. Но сейчас все сразу стали бедными. Когда счет зарплат пошел на миллионы, за десятки тысяч, которые лежали на сберегательных книжках, можно было один раз хорошо пообедать. Инфляции прошлых лет в свое время пережили его родители и его тестя, но он впервые понял, что это такое. Он все еще верил государству, надеялся, что как-то обойдется, но не обошлось. Он не снял свои деньги, не купил ничего, хотя вокруг покупали все, что еще продавалось: подержанные машины, антиквариат. Комиссионные магазины опустели в несколько дней.

Он, вернее тестя и его родители, думали о черном дне, у них этих черных дней было достаточно, и поэтому они покупали золотые украшения. Бриллианты покупали немногие, боясь подделок и не решаясь вкладывать деньги в очень уж маленькие камушки. Золотые царские червонцы, золотые часы смотрелись более вещественно. Некоторые покупали картины старых художников и как-то определяли, кто из молодых художников станет со временем знаменитым. Картина у него не было, но золотые украшения он покупал жене регулярно, с каждой картины. Жена попробовала отнести золотые украшения в комиссионный магазин и поразилась: все магазины были заполнены золотом, золотыми портсигарами, серебряными ложками и вилками. Золото брали на вес, как лом.

Пока он работал, то смог купить своим еще незамужним, но закончившим Педагогический институт дочерям кооперативные однокомнатные квартиры и оплачивал им коммунальные услуги. И вдруг он понял, что у него нет денег оплачивать эти квартиры.

— Как нет? — удивилась старшая дочь. — Ты же известный кинорежиссер. Ты богатый человек.

Младшая дочь оказалась более практичной.

— Давайте сдадим мою квартиру, а я пока поживу у вас.

Вначале сдали квартиру младшей дочери, потом старшей. На деньги, получаемые за сдачу квартир, теперь жила вся семья.

Режиссер попробовал снимать фильмы на телевидении, но он никогда не работал на видеопленке и не мог снимать в телевизионных темпах. На телевидении счет шел не на метры, а на минуты. В кино минуту снимали целый день, на телевидении же десять минут в смену считали заниженной нормой. Его торопили, и однажды он накричал на продюсера. Следующего предложения с этого канала больше не последовало.

Вчера Режиссер приехал на дачу и закрылся в комнате на втором этаже. Комната называлась кабинетом. Он включил музыку. Все домашние знали, что он работает под музыку, но никто не догадывался, что он под музыку спал.

Утром Режиссер встал рано, выпил кофе, поднялся в свой кабинет и раскрыл большую общую тетрадь, решив писать книгу воспоминаний, но, прикинув, о ком он может писать, понял, что на книгу воспоминаний не наберется, а большую статью для журнала «Искусство кино» он напишет. На отдельном листе он выписал фамилии известных актеров, которые снимались в его фильмах. Известных фамилий оказалось совсем немного, потому что на республиканских студиях требовали занимать в съемках местных артистов, и каждого актера из Москвы необходимо было пробивать, обосновывая, почему именно этот артист необходим в данном фильме. Тогда не было главного аргумента: на этого актера пойдут зрители. Зрители шли на всех актеров. Все фильмы смотрели. Были, конечно, фильмы-рекордсмены, которые смотрели десятки миллионов зрителей. Кино было доходной отраслью, как и производство водки, на доходы от кино содержались медицина, просвещение, отчасти культура.

Написав несколько строчек, Режиссер понял, что ничего нового и интересного о знаменитых актерах он не напишет. Знаменитости приезжали на республиканские студии на

несколько дней. Обычно их снимали по двенадцать часов в сутки. Усталая знаменитость добиралась до гостиницы и заваливалась спать. Может быть, он и говорил со знаменитостями не только о роли, но эти разговоры не запомнились, а дневников Режиссер не вел.

Уже не впервые за эти два безработных года он думал, что, возможно, он ошибся, выбрав профессию режиссера. Он мог бы стать стоматологом, автомобильным механиком, строителем. Он перебирал профессии, которые сегодня пользовались повышенным спросом.

Еще Режиссер пытался понять, есть ли у него способности к режиссуре в кино. Наверняка были, когда он начинал снимать фильмы. Один хороший фильм у него ведь был точно.

Он стал вспоминать фильмы других режиссеров и вывел неутешительную закономерность: у большинства режиссеров был только один известный фильм, у некоторых два и у очень немногих три. Правда, существовала десятка режиссеров, у которых было по пять известных фильмов. Но если работаешь в кино сорок лет и снял двадцать фильмов, то пять хороших почти всегда набираются. Режиссер припомнил тех, с кем учился в Киноинституте. Многие вообще не стали режиссерами, он считался одним из благополучных.

Хотелось курить. Теперь он экономил на сигаретах, растягивая пачку на три дня. Он пытался курить дешевую «Яву», но задыхался, кашлял и снова переходил на «Парламент». Режиссер закурил внеочередную сигарету, по графику он мог позволить следующую сигарету только через два часа, и вдруг понял, что не выдержит еще сутки в своем кабинете, делая вид, что работает. Он достал мобильный телефон, номер которого знали только дочери, жена и тестя: на даче телефона не было, у тестя болело сердце, у жены поднималось давление, и для вызова «скорой помощи» из местной районной поликлиники надо было бежать больше километра до железнодорожной станции. Но очень часто телефон-автомат на станции не работал.

Режиссер набрал номер телефона актрисы, которую он снимал в каждом своем фильме, в небольших, но все-таки ролях. За эту верность он мог позвонить ей в любое время суток.

— Я с мобильного, — предупредил он, давая понять, что будет краток.

— Хочешь приехать? — спросила актриса.

— Хочу.

— Приезжай, — согласилась актриса, но тут же передумала: — Нет, нет, только не сегодня. Через три дня. Я делаю себе зубы. Керамические.

— Меня верх не интересует, — сказал Режиссер. — Я знаю, что ты умная и злобная. Один раз помолчишь.

Режиссер сообщил жене, что у него дела на киностудии, завел «Волгу» и уехал с дачи.

Актриса встретила его уже в халате. Они без разговоров перешли в спальню. Все-таки в порыве страсти актриса открыла рот, и Режиссер увидел обточенные пеньки почему-то коричневых зубов и вспомнил, как говорил один из актеров, которого он снимал в своей первой картине:

— Если мужчина носит старые костюмы и спит со старыми женщинами, значит, жизнь закончилась и можно стреляться.

Он попросил актрису повернуться. Сзади она была почти молодой, и Режиссер подумал, что ему и застрелиться не из чего. Ему предлагали купить и револьвер «наган», и пистолет «ТТ», но тогда еще за большие деньги. Он пожалел денег. Сегодня оружие стало дешевым, и он решил, что, как только заработает первые хорошие деньги, обязательно купит пистолет. Он еще не знал, что именно в эти минуты о нем говорят и, возможно, предложат новую работу, которая сделает его на несколько месяцев известным, чтобы потом снова отбросить в прежнее состояние ожидания новой работы.

Секс-символ и Продюсер

Актриса к зданию телекомпании подъехала на джипе «мицубиси», не таком, какой ей бы хотелось, а на том, что купил ее американский муж. Помня, что она Секс-символ, Актриса, не ставя ногу на ступеньку джипа, опустила ее сразу на мостовую, благо разрез позволял. От этого нога вроде бы увеличилась в длину и проходящие мужчины останавливались, шоферы служебных машин переставали болтать, а телевизионщики, оказавшиеся в этот момент возле окон, смотрели только на нее, ожидая, когда она опустит на мостовую и вторую ногу. Прием был многократно отработан. Она соскользнула с сиденья, не оборачиваясь, захлопнула дверцу и так же, не оборачиваясь и не вытягивая руку в сторону джипа, нажала на кнопку брелока, услышала, как защелкнулись замки на дверцах джипа.

Она улыбнулась охранникам и пошла к лифтам, зная, что охранники смотрят ей в спину, вернее, ниже спины. Ее не заставили выписывать пропуск: если приехала, значит, приглашена.

Секретарша Продюсера улыбнулась ей и сообщила по кабинетному переговорному устройству, что Секс-символ прибыла.

Продюсер вышел навстречу, готовый поцеловать ей руку, но она обняла его и коснулась его губ. Продюсер пах хорошим парфюмом, был чисто выбрит. На подготовку своего тела и лица он тратил утром до сорока минут, Актриса примерно столько же. Она почти не пользовалась макияжем, только к вечеру для приемов.

— Ты такая же ослепительная, — сказал Продюсер.

— А ты в замечательной форме, — похвалила его Актриса, — и у тебя, как всегда, замечательный парфюм. Как жена?

— Скоро будет. У нее же теперь Актерское агентство.

— Говорят, довольно успешное?

— Говорят. Ты еще не занялась бизнесом?

— Я всю жизнь занимаюсь бизнесом, — ответила Актриса. — Продаю себя.

— Это успешный и беспрогрышный бизнес, — отметил Продюсер.

— Пока да. Но есть признаки опасности.

— В чем они выражаются? — спросил Продюсер.

— По ролям в меня влюбляются мужики все большего и большего возраста.

— Тогда ты молодеешь. Старики обычно влюбляются в молоденьких.

— Ты Продюсер, ты все понимаешь. Объясни, пожалуйста. За последний год у меня было всего два предложения сниматься. И то по инерции обнаженной. У меня по-прежнему все в порядке, без намека на целлюлит, но ведь мне уже за тридцать.

«Ближе к сорока», — подумал Продюсер. Они поступали после школы и были ровесниками.

— Инерция мышления, — объяснил Продюсер.

— Пока я не стала раздеваться, я была немножко актрисой.

— Ты очень хорошая актриса, — сказал Продюсер.

— Твоей жене проще. Ты всегда можешь ее порекомендовать.

— Ты же знаешь, я не лоббирую своих жен. У нее тоже немного предложений, поэтому она и организовала Актерское агентство. Это все-таки лучше, чем казино и стрип-бары.

— Ладно, — сказала Актриса, — разминку провели, перехожу к сути. Я хочу сняться в определенном фильме.

— Весь внимание.

— Что ты думаешь о русских женщинах?

— Хорошо думаю. Все мои жены были русскими.

— А у меня из трех мужей два еврея, — сказала Секс-символ. — Еврейские мужья заботливые, надежные, но скучные.

— Я понимаю, — сказал Продюсер. — Ни один из них тебя не отпустил.

— Не передергивай, — заметила Актриса. — Это я отпустила своего первого красавца на праздновании Нового года в Доме кино. Об этом потом вся Москва говорила. Так вот, о русских женщинах. Я как-то задумалась: почему иностранцы так ценят русских баб?

— Почему?

— Потому что других таких нет ни в одной стране мира, кроме России. Во-первых, физическая красота. Мы все в форме, потому что много работаем. Мотаемся в общественном транспорте, дома готовим, стираем, возимся с детьми, и все это, заметь, без слуг и домашних работниц.

Продюсер подумал, что все эти утверждения к его жене и к Секс-символу не относились. Они уже давно не ездили в метро и трамваях, стирали и убирали квартиры не они, а Нины, Маши, Веры, и завтракали они дома, как в гостиницах, — легкий шведский стол, потому что обедали и ужинали в студийных столовых, ресторанах, кафе и барах.

— Ко мне и к твоей жене это не относится, — сказала Секс-символ, будто читая его мысли. — Но мы работаем не меньше, а может быть, больше этих женщин, потому что выдерживать конкуренцию, быть всегда в товарном виде, чтобы тебя покупали для показа не одному мужчине, а миллионам, а миллионам очень трудно угодить. Я хочу сказать, что мы вполне конкурентоспособны. Но вот что самое поразительное. Я проанализировала жизнь всех знакомых мне семейных пар. И молодых, и средних лет, и пожилых. В молодых семьях почти всегда лидирует женщина. Она быстрее устраивается на работу, быстрее делает карьеру, больше зарабатывает и намного чаще заводит собственное дело, чем молодые мужчины. Мои знакомые подруги средних лет почти все имеют собственное дело. Они надежные партнеры, они не паникуют при неудачах и, что главное, усвоили с детства главный принцип бизнеса: богатеет не тот, кто больше зарабатывает, а кто меньше тратит. Они привыкли экономить и продолжают экономить. Они умеют считать деньги. Сегодня появилось очень много деловых женщин, а еще больше мечтают ими стать. Социологи, опросив выпускниц школы, выявили, что они или хотят выйти за богатого, или завести собственное дело. Короче, пришло время снять фильм о бизнес-вумен.

— Я про это прочел в заявке. Но такие фильмы снимали и при советской власти, — возразил Продюсер. — Начиная с «Члена правительства».

— Зрителям не нужен фильм о члене правительства. Мне мой механик вчера сказал, что ему до лампочки, что сегодня Президент встретится с председателем правительства. Ему не до лампочки стоимость мотопомпы для его «Жигулей».

— Надо побеседовать со сценаристами, — сказал Продюсер.

— Чуть позже. Я вначале хочу обговорить с тобой сюжет. Прежде всего должны решить мы: продюсер и главная героиня.

— Чего же хочет главная героиня? Я это не очень понял в заявке.

— Я исхожу из того, чего хочет женщина. Женщина хочет пусть немного удачи, но сразу. Ей бы только ухватиться своими ручками, а уж потом она не упустит. Итак, я учительница в средней школе. Могу быть медсестрой, бухгалтершей, но лучше учительницей математики. Все уверены, что в бизнесе надо уметь хорошо считать, хотя это совсем не так. В бизнесе, как и в любом деле, надо предугадывать, предусматривать, короче, обладать интуицией, системным и комбинационным мышлением. Моего отца убивают или он попадает в автокатастрофу, и мне достается его дело. Я о нем толком не знаю, потому что он с моей матерью разошелся, когда мне было пятнадцать лет, и женился на другой.

— Тогда все наследство достается его жене, — отметил Продюсер.

— Ладно, тогда его жена погибает вместе с ним. И учительница сразу, как граф Монте-Кристо, становится богатой. Она может расправляться с конкурентами отца. Не исключено, что автокатастрофу с отцом устроили именно они. В нее влюбляется богатый конкурент или заместитель отца, но она отвергает его и выходит замуж за учителя химии или физики из своей средней школы.

Продюсер считал быстро. Сюжет он принял, еще только прочтя заявку, зная, что сценарист и режиссер что-то внесут, обоснуют, уточнят.

— Принято, — проговорил Продюсер.

— Я закурю, — сказала Секс-символ.

— Дай и мне сигаретку, — попросил он. — Я курю по счету. Десять штук. Выкурю

твою, а в счет не включу.

Они закурили.

— Ты о Сценаристе думала? — спросил Продюсер.

— Не думала, — ответила Секс-символ. Зачем говорить, что она обсуждала со Сценаристом свой замысел. А вдруг Продюсер предложит нечто необычное и заманчивое.

— Давай прикинем, — решил Продюсер. — Пройдемся по первой десятке. Первым номером себя считает наш известный телеведущий, который когда-то писал интересные женские характеры.

— Нет, — ответила Секс-символ. — Ему удавались только характеры провинциалок. Начинал с подражания Шукшину. Поэтому и женщины у него с чудинкой. Самодоволен, не будет переделывать, в последних сценариях нет настоящих удач. И уже старый.

— Согласен.

«Точна, приметлива, безжалостна. Что бы она сказала обо мне? Наверное, размазала бы», — подумал Продюсер и предложил следующего.

— Лучше «Зимней калины» он пока ничего не написал. И по сюжету близко. Нет, — отвергla Секс-символ. — Он певец другого типажа женщин. Наверное, облажался на красивых стервах, поэтому пишет о добродорядочных серых утках. Хотя как резерв можно оставить.

— А этот, что вначале делал производственные драмы, потом написал хит, а теперь известен всей стране, да и за рубежом тоже?

— Он женился на сильной волевой женщине старше себя и много лет пишет один и тот же характер — сильный, хамский. Вроде сейчас перестал писать сценарии и пишет романы.

— В резерв?

— В отдаленный резерв.

— По русским сценаристам прошлись, — подвел первый итог Продюсер.

— Отработаем оскароносцев, — напомнила Секс-символ. — Мусульманин. У него все женщины покорные. Когда-то в пьесах они у него получались, а потом — ни одной настоящей женской роли. И бай, барин, царедворец, весь в интригах, ему некогда.

— Пройдем по еврейским парням, — сказал Продюсер. — Здесь список большой.

— Выпиши, и обсудим, — предложила Секс-символ. Всякая длительная по времени деятельность ее утомляла. Она подошла к окну, потянулась, как мощная кошка, обозначив все свои прелести, и спросила: — Ты в Европу в ближайшее время не собираешься?

— Собираюсь, — ответил Продюсер.

— Может, объединим усилия? — предложила Секс-символ.

— С радостью.

Продюсеру дали понять, что его мечта может осуществиться. Лет бы на пятнадцать пораньше, и он бы с трепетом ждал момента, когда они войдут в салон самолета. Сейчас трепета не было, но желание осталось.

— Твоя приехала, — проговорила Секс-символ. — Давай заканчивать разминку.

Она взяла список с фамилиями сценаристов. Часть фамилий вычеркнула без колебаний, около других поставила знак вопроса и приписала одну фамилию. Это был Сценарист, с которым она уже говорила.

Продюсер задумался, вспоминая фильмы Сценариста, и тут в кабинет вошла его жена, соперница Секс-символа.

Они обнялись, поцеловались. Осмотр был взаимно внимательный, не упускалась ни малейшая мелочь. Обе были в замечательной форме. Продюсер подумал, что только мусульмане осуществили вечную мужскую мечту о нескольких женах. Ему хватило бы четырех. Своей жены, Секс-символа, секретарши Верочки и гримерши Ядвиги.

— Ты замечательно выглядишь, — сказала Поскребыш.

— Ты по-прежнему в идеальной форме, — ответила Секс-символ десятилетия.

— Есть проблемы? — спросила Поскребыш.

— Уже решены.

— Будешь сниматься?
— Это коммерческая тайна.
— Неужели хочешь заняться режиссурой?
— Я бы это назвал продюсерством, — пояснил Продюсер. — Собирает проект.
— Интересный?
— По замыслу интересный. Будем отрабатывать схему.

Поскребыш посмотрела на руки мужа. Когда он волновался, он перебирал маленькие четки. Нет, руки спокойно лежали на столе. А может быть, стал опытнее и мудрее? Но она никогда не преуменьшала опасность, которая могла исходить от любой женщины. Успокаивало, что в последние годы Продюсер стал интересоваться совсем молоденцами. Его секретарше было восемнадцать, она только в прошлом году закончила среднюю школу, гrimерша тоже начинающая, лет двадцати двух. На этих двух нимфеток Продюсер тратил совсем небольшие суммы. Его приятель любил хороший коньяк и пропивал больше. Продюсер не пил. Это ее не радовало, потому что Продюсер не расслаблялся и всегда себя контролировал.

Конечно, Продюсер расскажет ей, с каким проектом приходила Секс-символ. Но никогда Секс-символ так опасно не приближалась к ней. Если она что-то просит, значит, становится зависимой. Конечно, можно отговаривать, ставить условия, чтобы отказать Секс-символу, но лучше выждать, узнать, в чем нуждается ее вечная и главная соперница, а потом, когда ей некуда будет отступать, нанести удар. Как и когда этот удар будет нанесен, Поскребыш еще не знала, но то, что ни одна возможность, чтобы этот проект уничтожить, придушить, натравить других, не будет упущена, она знала давно, со второго курса Киноинститута, когда Секс-символ была утверждена на роль, которую должна была получить она.

Секс-символ расцеловалась с сокурсницей и соперницей и почувствовала жар ее губ, опасный жар. Она мгновенно прикинула с десяток вариантов, в которых может нагадить Поскребыш, и поняла, что надо обязательно отправиться с Продюсером в поездку, хотя Продюсер не из тех мужчин, которые пересказывают разговоры с женами. В другие времена Секс-символ с удовольствием вступила бы в борьбу с Поскребышем, потому что соперница была умна и предусмотрительна. Переиграть умную соперницу интересно, победы над дурочками никогда не приносили ей удовольствия. Секс-символ скрывала свой ум. Ее победы считали случайностью, везучестью, глупостью мужчин, которые не могли устоять перед ее большой грудью, но она-то знала: каждая роль в фильме, каждая статья в кинематографическом журнале, в которой, если не восхищались ее игрой, то восторгались формами ее тела, была добыта лично ею. Первый муж, актер, ничего, кроме скандалов, в ее жизнь не принес; муж-режиссер был слишком занят организацией своего имиджа, времени и сил продвигать ее у него уже не оставалось. Мужа-иностраница не интересовала ее карьера актрисы. Он хотел, чтобы она переехала в Америку и родила ему сына. Он считал, что американская медицина может все, он только не знал, что самая современная медицина не может справиться с последствиями девяти абортов. Слава Богу, что успела родить одного.

Уже в дверях она обернулась. Поскребыш смотрела ей вслед, и в ее взгляде ничего, кроме напряженного просчета вариантов, не было. Такое предвидение ни доказать, ни объяснить невозможно, но для этого у актрис и существует интуиция. Все ведьмы были очень хорошими актрисами.

— А если попробовать, — сказал Продюсер, увидев, что Секс-символ обернулась. — Он ведь хорошо тогда снял «Командировку стервы». И любовная линия была неплоха, — и Продюсер назвал фамилию режиссера.

Когда Секс-символ, Продюсер и Поскребыш поступили в Институт, только что закончив школу, Сценарист и Режиссер институт заканчивали. Но Сценарист и Режиссер были уже другим поколением. На сценарный и режиссерский факультеты тогда не принимали школьников, требовался производственный стаж. Считалось, что для творческих профессий это необходимо. И Режиссер, и Сценарист отслужили в армии. Режиссер

поступил в институт через пять лет после окончания школы, а Сценарист через семь, потому что дважды проваливался на экзаменах. Секс-символ и Поскребыш были еще молодыми женщинами, а у Сценариста и Режиссера дочери вот-вот могли выйти замуж и сделать их дедами.

— Не старый? — спросила Секс-символ.

— Не очень, — ответил Продюсер.

— В резерв, — сказала Секс-символ и подумала, что, вероятно, сейчас где-то вычисляют, каких актрис приглашать на пробы, и, возможно, при упоминании ее имени кто-то так же спрашивает:

— Не старая?

— Не очень... — отвечают ему.

— В резерв!

Сценарист

Когда Сценариста спрашивали: «Где живешь?», — он отвечал: «На выселках».

Еще несколько лет назад человек, который жил на улице Горького, на Патриарших или Чистых прудах, на Солянке, на Ордынке, считался центровым. Это были те, кому квартиры достались от родителей или были получены за особые заслуги в тех особых домах, что принадлежали Управлениям Совета министров и ЦК КПСС. Сейчас все поняли, что жить надо в спальных районах, а еще лучше — в отдельных загородных домах. У Сценариста все три жены были с московских окраин, и сам он, живя в Москве четверть века, оставался жителем окраин, провинциалом, как если бы жил в Калуге, Рязани или Владимире. Чтобы добраться до киностудии, он тратил на дорогу полтора часа. Из Рязани он бы добирался только на сорок минут дольше.

Сценарист вспомнил Секс-символа. Она по-прежнему была прекрасна. Секс-символ никогда не видела в Сценаристе мужчину, хотя и знала, что он в нее влюблен. Сценарист ее любил и страдал. Однажды он увидел женщину, очень похожую на Секс-символа, и с теми же пропорциями фигуры. И блондинка, и голубоглазая, только кожа обветренная и темная, она проверяла билеты при входе на Выставку достижений. Зная, что к ней пристают по сто раз за день, он не стал пытаться, а, проходя, всегда произносил только одну фразу:

— Хороша Маша, но не наша.

Имя он узнал от ее сменщицы. Он ходил на выставку каждый день.

Она сама с ним заговорила. Потом он провожал ее в Малаховку, где она жила. И однажды, в будний день, когда ее родители были на работе, она расстелила родительскую постель, потому что спала на узком диванчике, и он поимел копию Секс-символа. Он давно понял, что все женщины разделяются на несколько видов, в зависимости от полноты бедер, округлости попки, кривизны ног. Видя женщину, которая была похожа на ту, с которой он уже спал, он мог предсказать, как она поведет себя в постели. Конечно, были более страстные, но многие имитировали страсть, и он почти всегда отличал истинный темперамент от изображаемого.

Переспав с билетершей, похожей на Секс-символа, он успокоился, поняв, что Секс-символ вполне заменяема, и перестал оказывать ей внимание. Секс-символ пыталась понять, что с ним случилось, но так и не поняла, потому что он никому не рассказывал о своей теории похожести типов женщин, он не был болтливым.

Сценарист позвонил нескольким знакомым женщинам, но у большинства вечер был уже занят, и, получив очередной отказ, поехал за продуктами в супермаркет, зная, что следующая неделя у него будет занята.

В метро он рассматривал сидящих напротив женщин. Он готов был переспать с каждой из них и, в очередной раз пожалев, что люди, научившись летать и передавать мысли на расстояния, так и не придумали системы знаков, которыми обменивались бы мужчины и

женщины. И чтобы мужчина, посмотрев на женщину и приложив палец, предположим, к виску, этим жестом мог сообщить, что женщина ему нравится, а если два пальца — он готов на материальные затраты. И чтобы женщина также жестом могла ответить: не сегодня. Или: можем попробовать. Или: не можем.

Сценарист решил, что если ему этого хочется, то хочется и другим, более робким мужчинам. Он достал записную книжку и сделал пометки, чтобы вечером переписать эту мысль в большую записную книгу. Сценарий вряд ли получится, но попытаться написать рассказ очень даже можно. Обычно он наговаривал на цифровой магнитофон, но в вагоне метро его бормотание привлекло бы внимание пассажиров.

В понедельник с утра до полудня он работал над сериалом. Это была почти приятная механическая работа, вроде мытья посуды. Он намечал, о чем будут спорить постоянные герои. В прошлой серии у него поругались мать и дочь, и дочь ушла из дома. В следующей серии, естественно, мать будет искать дочь.

По телевидению уже показали двадцать пять серий, и продюсеры решили снять еще столько же, но снизили гонорар. Сценарист попытался сопротивляться, но, узнав, что ведутся переговоры с начинающими сценаристами, готовыми работать за гонорар в два раза меньший, подписал договор. Работа над сериалом заканчивалась через две недели, и другой работы у него не было.

Иногда он завидовал врачам, инженерам, государственным чиновникам, которые жили по заранее разработанному протоколу. Они выполняли свои обязанности, а им за это два раза в месяц платили деньги.

Сценаристу платили аванс, если принимали его сценарий к производству, потом была выплата в начале киносъемок и в конце, при завершении работы над фильмом. Но случалось, что договоров не было по два-три года. Конечно, какие-то деньги держались на сберкнижке в Сберегательном банке, но и эти деньги заканчивались, и тогда начинались семейные скандалы.

Теперь, когда он жил один, скандалить было некому, но прежнее беспокойство оставалось, если одна работа заканчивалась, а другой не было.

Предложение Секс-символа было разумным и даже уже четко просчитанным. Ему надо было только придумать историю, определить место действия и создать характер, который могла бы играть Секс-символ, чтобы в этот характер поверили.

У Сценариста хорошо получались учительницы, медицинские сестры, бухгалтерши, поварихи, работницы заводов и фабрик, но у него не было ни одной знакомой бизнес-вумен. Знакомые продюсеры, обычно из бывших директрис картин, были энергичны, иногда даже доставали деньги на кино, правда, очень небольшие, и пока не добивались особых успехов.

Конечно, можно было бы оставить в наследство дочери-учительнице магазин, станцию технического обслуживания автомобилей, ресторан. Сценарист выписал на листке организации, с которыми он соприкасался в своей жизни и которые не требовали детального изучения.

У него был знакомый, служивший в сибирской нефтяной компании. Сценарист набрал номер его приемной и узнал от секретарши, что нефтяной барон улетел в Канаду и возвратится через десять дней. Секс-символу Сценарист обещал заявку через неделю, от недели уже оставалось пять дней.

Тогда он набрал телефон пресс-секретаря министра морского и речного флота. С ним он учился на одном курсе. Пресс-секретарь сценариев писать не стал и начал с референта в горкоме комсомола, потом реферировал в ЦК партии, а теперь в судоходной компании. Многие ему завидовали. Сценарист завидовал тоже, хотя, когда у него были деньги и работа, радовался, что стал сценаристом. Он мог не ходить на работу в точно обозначенное время, как ходил целый год на судоремонтный завод. Надо было вставать в шесть часов утра, он успевал выпить стакан чаю и несся к трамваю. Он работал на стапелях, где летом продувало, а зимой он постоянно мерз. Зато платили там хорошо. Теперь уже много лет он никуда не

спешил, и если зависело от него, то назначал встречи на вторую половину дня, потому что привык работать ночами, в полной тишине, и вставал утром не раньше десяти, не торопясь завтракал, читал газеты, смотрел новости по телевизору.

Но работал он, как и все, каждый день. Иногда работа была незаметной и без видимого результата, но мозг был включен — отбирал, сопоставлял, перебирал варианты. И теперь он уже три дня, делая другую работу, постоянно мысленно возвращался к учительнице, которую изобразит Секс-символ. Сценарий не требовал четких знаний. Учительница математики на экране не должна решать математических уравнений. В данный момент Сценариста беспокоило, что он не мог объяснить себе, откуда взялось богатство отца учительницы. **Бо**льшую часть своей жизни он прожил при советской власти, когда богатыми были торговцы валютой, золотом, антиквариатом. Но на это богатство невозможно было купить заводы, фабрики, магазины.

Богатые появились вдруг, сразу, и Москва заполнилась дорогими иномарками, в Подмосковье начали строиться особняки, напоминающие небольшие крепости.

В газетах каждый день писали о заказных убийствах. Значит, кто-то с кем-то боролся, кто-то кому-то мешал. Он понимал, что учительница математики, получив в наследство фирму, завод или фабрику, обязательно попытается понять, откуда у отца появилось такое богатство. Может быть, в фильме этого и не надо будет объяснять подробно, но он должен все-таки понять феномен появления богатых людей. Почему он не стал богатым, а рядом с ним кто-то стал.

Наконец он дозвонился до своего однокурсника и попросил о встрече, не объясняя, какая ему необходима консультация, потому что, если сказать, что ему надо понять, как становятся богатыми, его однокурсник откажется от встречи под любым предлогом, потому что богатыми становятся люди, которые вдруг видят то, чего не видят другие. И сценаристами становятся не все, а те, кто умеет и любит бегать на короткие дистанции. Сценарий умещается на каких-то шестидесяти страницах, но платят за эти шестьдесят почему-то в десять раз больше, чем за роман в пятьсот страниц.

В жизни идет постоянный отбор. Прежде чем Сценарист поступил в Институт кинематографии, он прошел творческий конкурс. Со всей огромной империи присылали в институт рассказы, присылали бы и романы, но в условиях конкурса было оговорено желательное количество страниц — не больше сорока. Потом для допущенных начинались творческие экзамены. Надо было за шесть часов написать литературный этюд. На следующий день — посмотреть фильм и написать на него рецензию. Потом было собеседование на определение знаний абитуриентом в области кино, литературы, театра, живописи. И только после этих экзаменов шли обычные экзамены, какие сдают все абитуриенты.

К творческим экзаменам их допускали при конкурсе сто двадцать пять человек на пятнадцать мест. Сто десять уехали обратно в свои города и поселки городского типа, а из пятнадцати принятых через двадцать лет практически он один работал как сценарист, остальные писали рецензии в газеты, стали редакторами на телевидении, а один даже пресс-секретарем министерства.

— Приезжай в конце рабочего дня, — сказал пресс-секретарь.
— Конец рабочего дня у тебя когда?
— Как у всех чиновников, в шесть вечера.
— Пропуск выпишешь?
— Пропуск не нужен. Посидим рядом в кафешке.

Сценарист взял с собой денег, чтобы оплатить полноценный ужин в хорошем ресторане. Но они сели с пресс-секретарем в небольшом кафе и заказали пива с креветками.

— Какие проблемы? — спросил пресс-секретарь.
Сценарист объяснил суть своих затруднений и попросил:
— Познакомь меня с богатым новым русским, чтобы я мог поговорить и понять механизм конкретного превращения из бедного в богатого.

— Кто ж тебе об этом расскажет? — ответил пресс-секретарь. — Как были бедными, рассказывают, а как богатыми стали — никогда, потому что первые большие деньги законным путем не заработаешь.

— Почему же, — возразил Сценарист, — например Билл Гейтс, который создал компьютерные программы. Богатыми стали те, кто первыми запустили компакт-кассеты вместо пластинок и кто первыми стали делать сотовые телефоны.

— Это все за рубежом. А наш конструктор Калашников, автоматы которого пользуются спросом во всем мире, — очень среднего достатка человек, как обыкновенный армейский генерал, и то стал таким недавно, когда ему присвоили генеральское звание. Я тебе могу рассказать только о схеме, которая использовалась и благодаря которой бедные, но наглые стали богатыми и еще более наглыми.

Все началось с приватизации. В России наконец поняли, что государственное управление неэффективно, и стали приватизировать предприятия. В акционировании участвовали и рабочие предприятий, но они акции не покупали, им акции раздали. А все даром доставшееся никогда не ценилось. Эти акции стали у них скупать, где за мизерные деньги, где за несколько бутылок водки. Так контрольный пакет акций оказывался у нескольких акционеров, и всегда находился человек, который хотел быть полновластным хозяином, и, если ему акции не уступали, упрямый акционер попадал в автокатастрофу или чаще всего его расстреливали в подъезде. Это российская специфика — убийство в подъезде. Во всем мире богатые люди давно поняли, что подъезд — самое опасное место, поэтому там в подъездах сидят консьержки и охранники. Все подходы просматриваются телекамерами, и вообще, богатые люди селятся компактно, нанимают особую охрану, ставят особые сигнальные системы, в безопасность вкладывают огромные деньги. А у нас человек, владеющий миллионами, продолжает жить в доме даже без домофона, надеясь на авось.

— Ладно, — согласился Сценарист, — другие мне не расскажут, но ты ведь знаешь, кто с чего начинал. Расскажи ты, не называя фамилий.

— Я тебе уже все рассказал. Все начинали одинаково. Привожу пример. Начало перестройки. Несколько парней после окончания Финансовой академии идут работать мелкими клерками в Госплан, в Контрольно-ревизионное управление, в райкомы комсомола, в КГБ. Пutsch 1991 года. Рухнула советская власть, начались увольнения в КГБ, МВД, и гигантские партийный, советский, комсомольский, чекистский аппараты вдруг оказались не у дел. Среди них было много середняков, бездарей, приспособленцев, но были и светлые головы, замечательные организаторы, аналитики. А новая власть оказалась не готовой управлять — власть на демократов свалилась неожиданно. Поэтому часть аппарата стала обслугой новой администрации, а самые умные ушли в бизнес. Они-то мыслили системно и отхватывали от государственного пирога большими кусками. Так вот, эти парни из Финансовой академии объединились и организовали судоходную компанию. Их было всего трое, но они взяли на работу замечательного аппаратчика из КГБ, который организовал не только аналитический отдел, но и отдел безопасности компании.

— И, конечно, пригласили в компанию профессиональных моряков?

— Зачем? — ответил пресс-секретарь. — Принципы управления везде одинаковы. В истории бизнеса были случаи, когда успешный управляющий крупной компании по производству обуви возглавил заваливающуюся аэрокомпанию по перевозке пассажиров и грузов, и эта самолетная компания через полгода из убыточной стала прибыльной. Конечно, финансисты стали разбираться во фрахте и морском праве. Они первыми заметили, что государство не в состоянии содержать свой военно-морской флот, и пригласили в Совет директоров отставного адмирала, который имел не только опыт, но и свои связи, хотя любой опыт наполовину состоит из связей.

Но, когда руководят трое, всегда лидирует один. Этот один скупил акции рядовых акционеров, и теперь он председатель совета директоров. На него было два покушения.

— Сколько ему лет?

— Тридцать восемь. Когда они организовали компанию, ему было двадцать восемь.

— А шестидесятилетние бизнесмены, которые сколотили состояние за последние десять лет, есть?

— Есть, но таких мало. Старики сильны своей осторожностью, а в новых сферах бизнеса нужны люди авантюрного склада, типа бывших цеховиков. Но их перемолола советская власть. Человек, который посидел в тюрьме, уже не рискует.

— Ты можешь меня познакомить с кем-нибудь из этой финансово-чекистской компании? — спросил Сценарист.

Пресс-секретарь задумался.

— Я встречаюсь с председателем Совета директоров этой компании через три дня. Через три дня и дам ответ.

Сценарист расплатился за пиво и креветки. За соседним столиком сидели то ли молодые секретарши, то ли продавщицы, модно одетые. Они поглядывали в их сторону, но Сценарист отметил, что девушки обращают внимание на пресс-секретаря, а не на него.

Внимание секретарш объяснялось спортивной фигурой пресс-секретаря, его модным летним пиджаком, швейцарскими часами, итальянскими башмаками. Они были ровесниками, Сценарист и пресс-секретарь, но секретарь уже много лет служил, а служба предрасполагает к форме. Толстеют уже достигшие определенных высот чиновники, а молодые чиновники, глядя на старших коллег, быстро понимают, что моложавая внешность — основа для роста по службе, и начинают играть в теннис, ходить в бассейн, некоторые даже бегать по утрам, а сейчас, когда появились спортивные залы, заниматься на тренажерах.

Пресс-секретарь начинал с райкома комсомола. В низовых комсомольских организациях вообще полнять не разрешалось, а чтобы стать секретарем ЦК комсомола, надо было быть или худощавым, а если полным, то моложавым и розовощеким.

Сценарист давно не занимался спортом. Когда не было денег, ел картошку с квашеной капустой и подсолнечным маслом, когда деньги были, обедал только в ресторанах, каждый день с водкой, и к своим сорока семи годам расположил, ходил в рубахах навыпуск, в сандалетах без носков, пиджак и галстук надевал только на премьеры фильмов в Доме кино или если его сценарий обсуждался в Комитете по кино.

Сокурсники распрощались, похлопав друг друга по спинам. Спина пресс-секретаря была крепкой, без слоя жира. Теперь Сценаристу оставалось ждать три дня. За оставшиеся дни он должен будет написать внятную заявку на сценарий фильма.

Пресс-секретарь позвонил, как и обещал, через три дня и сообщил, что Сценариста ждут завтра в двадцать часов. Сценарист понял, что финансисты привыкли к морской терминологии и не делят, как все люди, часы на утренние и вечерние, у которых есть восемь утра и восемь вечера. У военных и моряков восемь вечера всегда было двадцать часов.

Офис судоходной компании находился в обыкновенном жилом доме. Вероятно, первый этаж дома еще недавно занимал какой-нибудь магазин, который обанкротился или был акционирован, а судоходная компания скупила акции и ликвидировала магазин.

Сценарист нажал на кнопку звонка и назвал себя. Звонок щелкнул, он вошел в подъезд, прошел через арку, наподобие тех, какие установлены в аэропортах. Раздался звон. Сценарист вынул из кармана ключи от дома, авторучку в стальном корпусе, диктофон и еще раз прошел через арку. Ничего не звенело. За ним наблюдал майор милиции, у следующей двери стоял капитан милиции. Большинство милиционеров подрабатывали в охране офисов.

Сценарист шел по коридору. Двери кабинетов были закрыты, может, потому, что закончился рабочий день, а может быть, такие были правила.

Председатель совета директоров, он же фактически частный владелец судоходной компании, молодой, с тропическим загаром, поздоровался со Сценаристом и спросил:

— Чай, кофе?

Сценарист попросил кофе. И хотя судовладелец не отдавал распоряжения ни по телефону, ни по кабинетному переговорному устройству, тут же вошла девушка в очень легкой кофточке, короткой юбке и без колготок. Она улыбнулась Сценаристу и поставила

перед ним чашку кофе с белым и коричневым сахаром на блюдечке.

Судовладелец предложил Сценаристу сигарету, но сам не закурил.

— Можно включить диктофон? — спросил Сценарист.

— Не надо, — ответил судовладелец. — Наш разговор и так записывается. Если вам потребуются уточнения, то запись расшифруют и распечатают.

— Запись ведется только здесь, в зале переговоров?

— Записывается везде.

— Работники об этом знают?

— Конечно. Иначе это было бы нарушением прав личности.

— И они согласны?

— Кто не согласен, тот не работает в фирме.

— Вы прослушиваете записи?

— Нет. Этим занимается начальник службы безопасности.

— Но вам ведь, наверное, интересно было бы прослушать записи разговоров красивой женщины, которая вам нравится?

— Все записи моих разговоров с красивыми женщинами стираются сразу же.

— Записывающая аппаратура поставлена, чтобы не было утечки коммерческой информации?

— Все началось с утечки информации. Мы принимали решения, а наши конкуренты знали об этих решениях буквально в считанные часы. Я пригласил специалистов ФСБ, и они обнаружили подслушивающие устройства.

— В компанию был внедрен человек ваших конкурентов?

— Да.

— Кем он работал?

— Он был одним из членов Совета директоров.

— Что он делает сейчас?

— Я не знаю. Он где-то за рубежом.

— Если с ним встретитесь, что вы ему сделаете?

— Я — ничего. Сделают другие.

— В вашей приемной сидит секретарша. Ей лет сорок?

— Ей пятьдесят два.

— Обычно секретаршами берут молодых женщин.

— Женщина, которую вы называете секретаршей, больше, чем член Совета директоров. Она подполковник ФСБ в отставке. Хотя чекистов в отставке не бывает, как сказал в своей книге наш Президент.

— Вы сознательно сделали ставку на чекистов?

— Да. Они оказались наименее коррумпированными.

— Но они тоже продаются.

— Только за очень большие деньги. Они знают, что обычно можно продаться только один раз, поэтому надо продаваться очень дорого.

— Сможет ли женщина, не имеющая морского образования, руководить судоходной компанией?

— Конечно сможет. Я не капитан дальнего плавания, не штурман, но руководжу. Но эта женщина должна быть или юристом, или экономистом.

— А если она школьная учительница?

— Может и школьная учительница, если найдет хорошего экономиста и юриста и вообще сформирует квалифицированную команду.

— С какими первыми трудностями она столкнется?

— Как и везде. Будут проверять на компетентность. Если станет делать вид, что все понимает, начнет проигрывать. Если признается, что ничего не понимает, и разделит ответственность, выиграет только первый раунд. Ко второму раунду она должна уже разбираться, кому можно доверять, а кому нельзя. Умный человек справится с любой

проблемой, но умных людей не так и много, меньше, чем мы думаем. По-настоящему умных.

— У вас есть крыша?

— Да. ФСБ и МВД.

— Вы им платите?

— Они на службе у государства.

— Больше или меньше, чем бандитам?

— Когда напишете сценарий, покажите мне, я скажу, где вы ошиблись. Хотя в жизни может быть все.

Сценарист посмотрел на часы. Судовладелец уделил ему ровно пятнадцать минут.

— Последний вопрос, — попросил Сценарист и, не ожидая согласия, спросил: — За что вы боретесь со своими конкурентами?

— Очень общий вопрос, — ответил судовладелец.

— Поясняю. Двое мужчин борются за одну женщину, две женщины борются за одного мужчину. У вас есть реальный конкурент?

— Понял, — сказал судовладелец. — Самый богатый, а если точнее, самый надежно денежный заказчик — это государство. Государство выставляет на тендер, то есть конкурс, какой-то заказ. Сейчас мы боремся за два заказа: за строительство двух сухогрузов и за транспортировку старого крейсера в Индию на металломолом.

— У кого больше шансов выиграть тендер?

— Пока не очень понятно. У нас есть зарубежный инвестор, который готов вложить средства в строительство сухогрузов, у конкурента инвестора нет. По логике, преимущество должно быть за нами, но у конкурента лучшие связи в Министерстве, которое организует тендер, и конкурент знает, кого и за сколько можно купить, чтобы решение было принято в их пользу.

— А если бы вы знали, кого и за сколько можно купить, вы бы купили? — поинтересовался Сценарист.

— Конечно, — не задумываясь ответил судовладелец.

— Значит, мораль и бизнес не совместимы?

— Пока решение принимает человек, а человек несовершенен, ничего объективного быть не может. Все субъективно. Человек веками не может соблюдать даже десять заповедей.

— Некоторым это удается.

— Те, которым удается, бизнесом не занимаются.

— Спасибо за консультацию, вы мне очень помогли, — сказал Сценарист.

Буфетчица вошла, убрала чашки и вышла.

— Мне кажется, вы хотите мне задать еще какой-то вопрос, но не решаетесь? — спросил судовладелец.

— Вы спите с буфетчицей? — спросил Сценарист.

— Конечно, — ответил судовладелец. — Я не знаю ни одного мужчины, который, увидев ее, не захотел бы с нею переспать. Вы ведь тоже об этом подумали, когда увидели ее.

— Конечно, — ответил Сценарист и отметил, что начинает в формулировках подражать судовладельцу.

— Она живет в этом доме тремя этажами выше, — пояснил судовладелец. — Для нее это очень удобная работа.

— Вы хотя бы иногда думаете, что однажды сюда может зайти ее муж с тульской двустволкой?

— Конечно не думаю. Сюда его не пропустят ни с двустволкой, ни без двустволки. Сюда не могут приходить ни жены, ни мужья сотрудников. Это отвлекает от работы и это записано в контракте при найме на работу.

Сценарист направлялся к троллейбусной остановке, чтобы доехать до станции метро. Навстречу ему шли нормальные мужчина и девушка. Они отработали весь день, зашли в

магазины и теперь несли в пластиковых пакетах пельмени, замороженных кур, огромные парниковые безвкусные огурцы. Девушка была очень оживлена, смеялась и нежно держалась за руку мужчины. Они уже, может быть, снимали квартиру, но еще не поженились, и поэтому молодая женщина демонстрировала только свои лучшие качества. Кожа лица женщины была чуть более серой, чем должна быть в двадцать пять лет. Наверное, гастрит, но она еще не признается, что у нее иногда болит живот. Она знает, что муж любит жену здоровую. Если оценивать парня по одежде, то он одет вроде как все, но с вещевого рынка, а не из магазинов, и не дорогих, но престижных. И ботинки на нем модные, с квадратными носками, российский крой под итальянский, и куртка из синтетики под шелк, и часы «Полет» московского часовного завода. Он женится, будет исправно приносить домой зарплату, станет регулярно переучиваться, оказываясь безработным, и ни с кем не будет бороться, не будет покупать чиновников, чтобы выиграть тендер.

Сценарист мог бы и не заметить этой пары, и не думать, поженятся ли они или однажды поссорятся и каждый уйдет в квартиру своих родителей, чтобы никогда не встретиться, или встретиться через неделю, простить друг друга и пойти в ЗАГС и зарегистрировать свой брак. Сценарист смотрел на женщин и пытался увидеть в них учительницу, которая получает в наследство судоходную компанию. Он знал весь гардероб своей учительницы: брюки, юбки, один брючный костюм, два летних пиджака из тонкой материи, шерстяные кофты. Во что оденется она, когда в первый раз поедет в судоходную компанию? Каждый день в классе ее рассматривали ученики, а особенно ученицы, поэтому она носила все строгое и даже чуточку старомодное, в старомодном чувствуешь себя спокойнее. Но это в школе. А тут судоходная компания с доходами в сотни тысяч долларов, а может быть, и в миллионы. Надо бы узнать, сколько именно, но кто ж скажет! У нас тоже переняли западные привычки не спрашивать о доходах.

Пока Сценарист шел до троллейбусной остановки, он понял, что ничего придумывать не надо. Учительница придет в компанию, когда компания выиграет тендер. Что в таком случае делает учительница? Играет в дурочку? Или?.. Надо узнать! И пусть будет заместитель ее отца. Вот такой, как этот судовладелец — красивый, богатый, который трахает буфетчицу, что живет тремя этажами выше, и еще двух-трех молодых сотрудниц. Красивый, богатый, но ему пятьдесят лет. Стареющий плейбой. Секс-символу почти сорок, но на экране она будет выглядеть тридцатилетней. Надо бы, конечно, убрать ей мешочки под глазами, но она обидится, если скажешь об этом. И пусть обижается. Пообижается, но сделает подтяжку. А если уже сделала, но не помогло?

Сценарист и не заметил, как доехал до дома. Перед началом работы он всегда спал, чтобы выдержать несколько часов за столом. Он работал всю ночь. Утром выправил текст, отпечатал на компьютере. Было десять утра, время, когда можно звонить даже актрисам. Он набрал номер Секс-символа:

- Заявка готова.
- Я заеду, — ответила Секс-символ.
- Через сколько?
- Через два часа.
- Можешь через три-четыре. Я тогда успею выспаться.
- Через три часа, — согласилась Секс-символ и спросила: — Если ты написал заявку, значит ли это, что ты все уже понял про сценарий?
- Не все. Но многое понял, — ответил Сценарист.
- Если многое понял, сколько тебе нужно времени, чтобы написать сценарий? Не вариант, а нормальный сценарий, чтобы я могла показывать инвесторам.
- Месяца через три, — прикинул Сценарист. — Мне придется отвлекаться на подработки.
- Я хотела бы приступить к съемкам в августе, так что сократи сроки и не отвлекайся на подработки. Я тебе компенсирую упущенную выгоду. А ты же знаешь, какая я жмотка. Если я даю деньги, значит, заинтересована в этом сценарии. Я хочу сыграть саму себя.

Деловую жесткую хамку.

— Деловых жестких хамок зритель не жалеет.

— А каких жалеет?

— Таких, как большинство из них. Распиздяек, но которым везет.

— Распиздяйкам не везет. Их иногда жалеют, но распиздяйство и везение несовместимы. Ты мне напиши, кто есть кто в сценарии, чтобы можно было подбирать актеров. И основные объекты на натуре и в павильонах, а с диалогами я тебя торопить не буду.

— К первому сентября сценарий будет готов, — заверил Сценарист.

— Если к первому августа, то гонорар увеличу на треть.

— Я слышал, что ты уже обсуждала замысел с нашим общим знакомым продюсером?

— Обсуждала, — призналась Секс-символ, — но у меня должны быть и запасные варианты.

Поскребыш и Инвестор

Она и Продюсер заключили брачный контракт, когда такие контракты заключали немногие. На этом настоял Продюсер. Совместно нажитым имуществом считалось имущество, нажитое с момента регистрации брака.

В семейной жизни Продюсер не ограничивал ее в средствах, но и не торопился вкладывать деньги в недвижимость и антиквариат — наиболее сберегаемые ценности при постоянной российской неуверенности в завтрашнем дне.

Наверное, многое изменилось бы при рождении ребенка, но родить она не могла, хотя врачи и убеждали, что такая возможность оставалась.

С самого первого дня замужества она отслеживала, куда вкладывал деньги Продюсер, и ее сразу насторожило, когда он довольно большую сумму положил на счет своего отца в какой-то зарубежный банк, хотя отец не собирался эмигрировать.

Продюсер после женитьбы не ввел ее в учредители продюсерской компании, поэтому она единолично учредила актерское агентство.

Ей предложили сняться в главной роли деловой женщины. Она показала сценарий Продюсеру, надеясь, что он вложит деньги в этот проект, но продюсер сказал ей, что проект бесперспективен, потому что сценарий старомодно конъюнктурный, напоминающий производственные фильмы советских времен, режиссер — самонадеянный молодой идиот, и отказался вкладывать деньги. И, как всегда, оказался прав. Съемки фильма приостановились. Инвестор не знал, что делать дальше: то ли смириться с потерей вложенных денег, то ли продолжать съемки, но тогда при неудаче потери возрастали в геометрической прогрессии. И тогда у нее возникла вполне разумная идея: выкупить отснятый материал и права на сценарий. В этом случае Инвестор терял не полностью вложенные деньги, но что-то мог вернуть, а ничтожное что-то всегда лучше, чем ничего.

Поскребыш знала, что Инвестор успел заработать деньги на пиве, когда пива было мало, одним из первых построив завод по производству пива, а потом решил вложить деньги в производство фильма, узнав, что кино во всем мире хоть и рискованный, но очень выгодный бизнес. Теперь он знал, что бизнес в кино по-прежнему рискованный, но еще и невыгодный. Она позвонила Инвестору по мобильному телефону. Он явно обрадовался, узнав ее, она тоже обрадовалась, что Инвестор узнал ее по голосу.

— Хотелось бы встретиться, — сказала она.

— И мне хотелось бы, — ответил Инвестор.

Перед визитом к Инвестору она узнала, что, потеряв деньги на двух проектах в кино, он теперь занимается более предсказуемым ресторанным бизнесом и не собирается возвращаться в кино. Значит, будет более сговорчивым.

Выслушав его комплименты про то, как она замечательно выглядит, Поскребыш приступила к задуманному.

— Не хотите ли закончить фильм? — спросила она.

— Не хочу, — ответил Инвестор. — Режиссер — самодовольный болван.

— Замените режиссера, — предложила она.

— Боюсь опять проколоться, — покачал он головой.

— Соберите о нем всю возможную информацию.

— Информация не дает гарантий от провала. Кино наполовину создано из мифов. Есть такой анекдот. Встречаются крыса и морская свинка. И крыса спрашивает морскую свинку: «Почему вас любят, покупают, кормят, а нас только травят. А ведь и вы, и мы — крысы». «У вас, наверное, пиар херовый», — ответила ей морская свинка.

— Поясните, — попросила Поскребыш.

— В кино умеют рекламировать себя и внушать, что он самый гениальный. Вы, например, помните о гениальном режиссере Герасимове?

— Фильм «Тихий Дон» помнят все, — кивнула головой Поскребыш.

— Пиар! Внушили. Недавно я включил телевизор и увидел, что вдоль плетней, на которых висят глиняные горшки, ходят ряженые, в шароварах с лампасами, с кудрями из-под фуражек, мужики. Подумал, что это — плохая самодеятельность. Оказалось, показывают «Тихий Дон». А это его лучшая картина! Все остальные — «Журналист», «Люди и Звери», «У озера» — как передовые статьи из газеты «Правда».

— Вы хорошо знаете кино, — похвалила она.

— Я после школы год проработал на «Мосфильме» помощником режиссера. Сейчас этих девочек называют «хлопушками». Но отец заставил меня поступить на экономический в Институт стали и сплавов. Я мечтал вернуться на студию режиссером, но вернулся инвестором, но по сути я был продюсером. Кстати, почему ваш муж-продюсер не вложил деньги в этот проект?

Она ждала этого вопроса и ответила после некоторого раздумья:

— Он не верил в его успешность.

— А сейчас?

— И сейчас тоже.

Она почувствовала, что Инвестор сразу потерял интерес к разговору: посмотрел на часы, на записи в органайзере, что-то вычеркнул.

— Но вас лично этот проект по-прежнему интересует? — спросил Инвестор.

— Только как архивный материал.

— Вы уже собираете архив?

— Еще не собираю. Но этот материал я, может быть, использовала бы в телевизионной передаче. Телевидение собирается снять фильм о нашем курсе.

— Эти съемки мне влетели в копеечку.

— Этую копеечку я вам оплачу. Во сколько копеек вы оцениваете этот материал?

Инвестор написал цифру и протянул ей листок.

— Извините, — сказала она и встала. — Это был мой каприз. Я хотела иметь возможность в старости смотреть на себя молодую и красивую. Но такой каприз я не потяну. Я могла бы оплатить реальную стоимость пленки, аренду камеры...

— А стоимость сценария?

— Сценарий меня не интересует. Я не собираюсь снимать по этому сценарию. Но какие-то мотивы придется использовать, поэтому я хочу приобрести и права на этот никчемный сценарий, но только за символическую сумму. Подумайте! Но у меня к вам просьба. Не говорите об этом моему мужу. Он считал и считает этот проект бараклом, он был против, чтобы я снималась в этом фильме. Но я себе в этом материале для фильма нравлюсь и готова заплатить, но не больше, чем это стоит. На большее у меня нет денег.

Она знала, что сейчас Инвестор не ответит, попросит время подумать, потом будет торговаться и согласится, чтобы сохранить хотя бы часть вложенных денег, — такая уж психология у не очень умных, хотя и упорных бизнесменов. Умные всегда вкладывают больше, чтобы получить еще больше, ведь выигрывает только тот, кто рискует.

Этот разговор с Инвестором состоялся ранней весной. Как она и предполагала, Инвестор довольно долго торговался и уступил ей снятый материал за сумму, которую она назвала. За летние месяцы она многое успела.

Продюсер

Продюсер позвонил Поскребышу, сказал, что, возможно, заночует в городе и не приедет на дачу.

— Я тоже, возможно, заночую в городе, — сообщила Поскребыш. Это могло быть проверкой. Продюсер уже несколько месяцев снимал однокомнатную квартиру рядом с Измайловским парком. Пусть проверяет. Он всегда возвращался в свою квартиру или на дачу, потому что плохо высыпался в гостиницах, на чужих дачах или в чужих квартирах.

Поскребыш всех секретарш называла пипетками. С предпоследней пипеткой Продюсер проработал несколько лет, но она уехала в Израиль на постоянное место жительства, выйдя замуж за еврея. К этому моменту в Москве уже функционировали несколько десятков школ и курсов, в которых учили на секретарей-референтов. Продюсер попросил прислать ему для отбора по пять девушек из разных учебных центров. Претендентки должны были отвечать следующим требованиям: знание компьютера, знание английского и знание того, кто есть кто в кино. На своем негативном опыте Продюсер убедился: если секретарша совсем не знает кино, она довольно долго осваивается.

Кино могла знать киноманка или девочка из кинематографической семьи.

Из десятерых трое смогли назвать не только известных актеров, но и режиссеров, а теперешняя пипетка назвала даже режиссеров из компании ППШ и его, как продюсера. Даже если она специально подготовилась перед экзаменом, это было ее достоинством. Конечно, она собиралась поступать в Институт кинематографии, но не на киноведческий, а на экономический факультет.

— Почему? — спросил он.

— Хотелось бы стать продюсером.

— А что такое продюсер? — задал он еще один вопрос.

Она ответила довольно толково. Ее отец работал на киностудиях бухгалтером. Продюсеру всегда нравились женщины ее типа: высокие, крепкие. Она со временем заматереет и станет очень видной. Он сразу решил, что женился бы на ней, завел двоих детей, а пока дети подрастали, она бы закончила институт. Но разница в двадцать лет!..

Через месяц он взял ее на кинорынок в Сочи. Они поужинали в ресторане, и она осталась у него в номере. Он сказал:

— Это все равно произойдет. Ты не против, если это произойдет сегодня?

Она улыбнулась и пошла в душ.

Она оказалась хорошей любовницей.

— У тебя были любовники? — спросил он.

— Да, — ответила она. — Два.

— Они кое-чему тебя научили.

— Я хорошо обучаемая, — ответила девушка. — Надеюсь, что у вас я научусь многому.

— Я постараюсь, — заверил он ее.

Осенью он сделал все, чтобы она поступила в институт. Потом снял квартиру.

— Какие у тебя планы на сегодня? — спросил он.

— Какие скажете, такие и будут.

Она по-прежнему называла его на «вы».

— Приготовишь ужин?

— Конечно.

Ему хотелось рассказать ей о том, что его тревожило. Еще весной Поскребыш дала ему

прочитать сценарий. Ее пригласили в этот фильм на главную роль, надеясь, вероятно, что он вложит деньги в проект. Он не вложил.

Сегодня он прочитал сценарий для Секс-символа и огорчился. Сценарии оказались очень похожими. Деловые женщины попадали в критические ситуации и выходили из них почти одинаковыми методами — очень жестко, даже по-хамски. Но съемки фильма, в котором снималась Поскребыш, вроде бы приостановлены. То ли деньги закончились, то ли режиссер не справился.

— Прочитай оба сценария, — попросил он Пипетку.

— Я уже читала, — сказала она.

— Поговорим, — сказал он. — Дома.

— Поговорим, — согласилась она. — Но у меня вечерние занятия, я буду позже.

Он впервые назвал снимаемую квартиру домом. Она улыбнулась, когда он сказал «дома». Она ничего не пропускала.

Продюсера всегда удивляли женщины. Достигнув определенного возраста, они потом почти не менялись. Этот определенный возраст он отсчитывал с восемнадцати лет только потому, что не знал более юных. Его однокурсницы в семнадцать-восемнадцать лет были уже абсолютно сформировавшимися личностями и оставались с годами такими же. И Секс-символ, и Поскребыш остались теми же девочками, которые поразили его. Секс-символ так же медленно и упорно добивалась своих целей, Поскребыш быстро все понимала и сегодня так же спешит, как спешила всегда.

Пипетка напоминала ему Секс-символ институтских времен: очаровательную, внимательную и медлительную. А по уму, быстрому и острому, она очень походила на Поскребыша. Может быть, Поскребыш так невзлюбила ее за похожесть!

Продюсер заехал в министерство культуры, узнал, что на государственную поддержку проекта Секс-символа в ближайшие три месяца можно не рассчитывать, деньги из бюджета министерство получит в следующем квартале.

Он вышел из министерства и поехал в Дом кино поужинать, потому что рассудил, что к возвращению Пипетки из института он еще проголодается.

— За рулем, — предупредил он знакомую официантку.

Она принесла ему только пятьдесят граммов водки. Продюсер выпил, закусил селедкой и вареной картошкой, съел солянку, и, понимая, что перебирает, все-таки заказал тушено мясо в горшочке. Он сел за колонной, поэтому входящие его не видели. Ему хотелось подумать. Этой возможности за целый день у него не было.

Жениться на Пипетке он решил в первые три минуты, когда она впервые вошла в его кабинет для разговора.

Он сразу отметил и тонкую талию, и в меру широкие бедра.

— Простите, — сказал он. — Подайте мне красную папку со стеллажа.

Красная папка лежала на самой верхней полке довольно высокого стеллажа. Невысокие пипетки не могли ее достать и терялись. Потом подставляли стул, колебались, снимать ли туфли или подстелить лист бумаги. А как попросить лист бумаги у начальника? Это удобно или неудобно? Уходило время, и претендентки обычно этот тест не проходили.

Но эта пипетка встала на цыпочки и достала папку. Платье при этом задралось. Он отметил, что у нее хороший лепки попка, что она носит чулки, а не колготки, и что у нее загорелые ноги.

Она села, улыбнулась и сказала:

— Об этом teste рассказывали преподаватели на курсах секретарей-референтов. Он идет под номером один.

— А под номером два?

— Это когда руководитель просит вернуться в приемную и принести какой-нибудь документ.

— И как вы относитесь к этим тестам?

— Руководитель имеет право на подобный досмотр. Ему же с этим человеком работать каждый день.

— Как вы относитесь к довольно распространенному мнению, что секретарша должна спать с начальником?

— Никак. Пока мне этого делать не доводилось.

И в этот момент он решил, что женится на Пипетке. От своих приятелей знал, что и они уже в первые минуты знакомства принимали решение: да, на этой женщине я бы хотел жениться, да, я бы мог, да, не хотелось бы упустить. Согласие женщины при этом не учитывалось. И он на четвертой минуте разговора решил, что ему хочется смотреть на нее, слушать ее. Ее оценки совпадали с его оценками. Она любила те же самые книги, что и он. Его это поразило, но после знакомства с ее матерью, он понял, почему она любит многое из того, что любит он, Продюсер. Она многое переняла от своей матери, его ровесницы. У него могла бы быть дочь возраста Пипетки.

Он хотел сообщить Поскребышу о том, что им придется развестись, потому что он любит другую женщину. Он даже записал, что им предстояло обсудить по собственности.

Квартиру Поскребышу придется купить, потому что свою квартиру рядом с квартирой родителей он не хотел ни разменивать, ни оставлять ей.

Дача была построена тоже до женитьбы на Поскребыше, и в брачном контракте они оба согласились записать, что все движимое и недвижимое имущество, нажитое отдельно каждым из супругов, остается за ними. Это можно было и не записывать, потому что предусматривалось Гражданским кодексом.

На долю в Актерском агентстве он претендовать не будет, машину тоже оставит ей. Пипетке придется купить машину, модную среди ее сверстниц, — маленький джип «мицубиси».

Но по двум последним фильмам он залез в долги. Развод потребует дополнительное вложение денег. И он отложил свой разговор с Поскребышем. Если и третий кинопроект окажется неудачным, ему придется резко ограничить свои потребности.

Продюсер приехал в однокомнатную квартиру, когда Пипетка уже вернулась из института.

— Только чай? — спросила она.

— Почему только чай? — спросил он.

— Мне звонила приятельница и сообщила, что видела тебя в ресторане Дома кино. А ты на ночь не любишь переедать. Но я все-таки приготовила куриные крылышки. Подогреть?

— Спасибо. Я сыт. Что в институте?

— Никаких новостей. А у тебя?

Когда она называла его на «ты», он всегда радовался.

— Но тебя что-то беспокоит, — продолжала она.

— Сценарий, который ты прочитала, очень похож на тот, который мы начинаем снимать.

— Да. Но все сценарии похожи.

— Не все. Это случайность, или кто-то заинтересован, чтобы были сняты два похожих фильма.

— Это случайность, — ответила она и пояснила: — Я сверила время написания сценариев. Тот, в котором должна играть Секс-символ, только что написан и был заказан Сценаристу три месяца назад.

— От кого узнала?

— Ни от кого. Об этом упомянул Сценарист на переговорах. Сценарий, написанный для жены...

Она не сказала ни «вашей жены», ни «твоей жены», а сказала просто «жены».

— ...был заказан еще два года назад.

— Я знаю. Она мне предлагала вложитьсь в этот проект. Но неужели два сценариста мыслят настолько одинаково?

— Это нормально. У обоих сценаристов это заказ. А любой заказ — это почти всегда стандартное исполнение.

— Почему?

— Потому что для заказчика все делается попроще и понятнее. А когда проще и понятнее, это всегда стандартно.

— Какой же выход? — спросил он.

— Сценарий доделают. Для Секс-символа напишут новую любовную историю. От нее ведь ждут, чтобы она разделилась. Нельзя не оправдывать ожиданий зрителей.

— Каких зрителей? Секс-символ может представлять интерес для мужчин моего возраста, но эти мужчины в кино не ходят.

— Мальчики тоже любят рассматривать голых тетенек.

— Если бы ты была продюсером этого проекта, как бы ты поступила?

— Не знаю. Здесь надо просчитать многие варианты.

— Я бы хотел, чтобы ты посчитала.

— Я сейчас считаю варианты своей жизни.

— И какие выводы?

— Чтобы прийти к выводам, мне надо задать тебе несколько вопросов и получить на них ответы.

— Задавай, — согласился он.

Она молчала, вероятно, выбирая, какой вопрос задать первым.

— А можно, я скажу, что бы я хотела, а ты ответишь, насколько мои желания реальны?

— Рассказывай.

— Я хотела бы выйти за тебя замуж.

— За такого толстого и старого?

— Не перебивай. Повторяю. Я хотела бы выйти за тебя замуж и родить ребенка, а может быть, двух детей, одного за другим, года за три, потому что тогда растить одного или двоих — большой разницы нет. За это время я бы закончила институт и поехала бы с детьми за рубеж, чтобы пройти стажировку в хорошей кинофирме, а дети за это время освоили бы иностранный язык.

— В какой стране?

— А это не так важно. В Испании — замечательный испанский, в ходу во всей Южной Америке, французский — тоже очень хорошо. Немецкий снова становится популярным во всем мире. Об английском и говорить нечего.

— Тебя не смущает, что я старше тебя на двадцать лет?

— Меня — нет. Лет двадцать ты еще будешь в замечательной форме. Если я рожу тебе детей в ближайшие три года, ты еще их успеешь поднять, выучить, помочь определиться. А за двадцать лет, помогая тебе, я уже так освоюсь, что наш семейный бизнес, если ты захочешь отойти от дел, будет в моих надежных руках.

— Ты сама додумалась до этого или с чьей-то помощью?

— Сама.

— А ты не хочешь выйти замуж за своего одногодка?

— Не хочу.

— Почему?

— Они глупые и самодовольные. Для них я только ровесница, а для тебя я буду вечно молодой женой.

— Я не думал, что ты такая расчетливая.

— Я нормальная. Все женщины такие, сразу начинают просчитывать варианты. Я, как только тебя увидела, сразу решила: за этого я бы вышла замуж.

— Так понравился?

— Да. Это глупости, когда утверждают, что девушки выбирают мужей, похожих на своих отцов. У меня отец маленький, субтильный, а я с детства мечтала выйти замуж за высокого и мощного.

— И бедного.

— Сегодня никто из девчонок не мечтает выйти за бедных, ленивых и больных.

— Учитывая, что ты наш семейный бизнес собираешься держать в своих ручках, займись проектом Секс-символа.

— Тебя что-то беспокоит?

— Еще не знаю что, но беспокоит. Почему наша жена (с этого момента о жене он будет говорить, как о «нашей жене») так интересуется проектом Секс-символа? Они давно и стойко не любят друг дружку, и я подумал, что она собирается чем-то напакостить Секс-символу. Надо узнать, не собираются ли возобновить съемки фильма, где снималась наша жена? Характеры главных героинь в обоих сценариях похожи, и, возможно, наша жена пытается эту ситуацию разрулить. Или кто-то пытается свести счеты со мною. Я уже прокололся на двух предыдущих проектах, и третья неудача переведет меня из продюсеров первой пятерки в продюсеры первой десятки.

— Что я должна делать?

— Все, — просто ответил он.

Она улыбнулась. А если она просчитывает еще и свой отдельный вариант? С двумя детьми она сможет претендовать на половину имущества. К тому же она будет знать так много о не всегда законных финансовых операциях, что вполне сможет воспользоваться и его связями, и наработанными технологиями ухода от налогов. Если она так хорошо просчитала вариант на двоих, с таким же результатом может просчитать и на себя одну. Ведь и Поскребыш готовила документы, чтобы владельцами Актерского агентства стали он и она, но зарегистрировала агентство только на свое имя.

Продюсер уехал домой далеко за полночь.

Поскребыш

Отснятый материал для фильма «Пансионат для богатых» она попросила перегнать на видеопленку и перед встречей с режиссером просмотрела несколько раз.

Фильм запустили в прошлом году с опозданием, поэтому до осенних дождей успели снять только несколько ее проходов с влюбленным в нее врачом пансионата.

Режиссер хотел снять историю о том, как исчезают санатории и пансионаты для всех — последние преимущества социализма, и как они превращаются в пансионаты для богатых, чтобы у зрителя возникли ассоциации с чеховским «Вишневым садом».

Она перечитала сценарий, в котором никак не объяснялось, почему ее героиня вдруг решила восстанавливать пансионат. В реальности на этом месте, где велись съемки, еще недавно существовал санаторий, размещенный в бывшей барской усадьбе, в которой, по преданиям до революции жил обрусевший барон. Господский особняк в двадцатые годы прошлого века сделали домом отдыха наркомата рыбной промышленности, потом перепрофилировали в профсоюзный санаторий по сердечно-сосудистым заболеваниям. Барский особняк сохранился до сегодняшних дней, в нем размещалась администрация санатория и несколько врачебных кабинетов.

Она решила в биографию своей героини вложить эту легенду. После окончания медицинского института молодая докторица узнает, что есть место врача в пансионате, который размещается в бывшей усадьбе ее бабки-баронессы. О своем замысле она рассказала режиссеру, который начинал снимать фильм.

— Героиня — баронесса? Полное фуфло, — уверенно заявил режиссер.

— Почему? — удивилась она.

— Посчитаем, — предложил он. — Если даже настоящая баронесса-бабка родилась, предположим, накануне революции, в девяностот семнадцатом году, то следующая баронесса, мать, должна родиться не раньше тридцать седьмого года, следующая, уже внучка, в пятьдесят седьмом году, а правнучка — в тысяча девятьсот семьдесят седьмом.

— Пусть будет правнучка, — согласилась она. — Значит, в две тысячи пятом году ей

двадцать восемь лет. Я выгляжу старше, прибавляя пять лет, тогда мне будет тридцать три года, следовательно, институт я закончила в девяносто четвертом году. Советской власти уже нет, все начинает разваливаться и за десять лет развалится окончательно.

— Мне нравилась героиня парвенюшка, плебейка, провинциалка. Почему ты хочешь, чтобы она была обрученной немкой?

— Потому что национальные черты характера передаются на генном уровне и с семейным воспитанием. Немка — это в первую очередь четкость и «корднунг». — Она вспомнила это немецкое слово потому, что в поселковой школе на Украине два года изучала немецкий язык и ей нравилась учительница немецкого языка из херсонских немок. Под Херсоном с временем Екатерины были поселения немцев-колонистов.

— Про немку я снимать не буду, — заявил режиссер.

— Значит, вместо тебя снимет другой режиссер, — ответила она.

— Это еще надо найти такого дурака, который согласится снимать с половины уже отснятого фильма. К тому же существует корпоративная солидарность. Трудно тебе будет найти такого дурака.

— Не трудно, — сказала она.

После очередной катастрофы, а разводы она относила к катастрофам, она особенно тщательно демонстрировала себя и просчитывала каждого встреченного мужчину. И совсем необязательно разведенных и вдовых. Не отвергались старые, уродливые, пьющие. Главное, чтобы это был востребуемый профессионал, даже и не очень богатый, потому что, если профессионала правильно настроить и поставить ему конкретную цель, он всегда что-нибудь да заработает, а к уродливому можно привыкнуть, пьющего — вылечить…

Ей повезло. В первый же день, когда она зашла в Дом кино, она встретила режиссера, у которого когда-то снялась в двух фильмах, правда, не в главных ролях. У них был короткий экспедиционный роман, и она даже рассматривала его как потенциального будущего мужа.

Режиссер поцеловал ей руку, и она почувствовала запахи водки и селедки.

— Свободен? — спросила она режиссера.

— Женат, — ответил тот.

— Успокойся, я замужем и счастлива. А ты все с той гримершей?

— Другая. Эта теперь занимается бизнесом.

— В кино?

— Держит на рынке киоск, торгует клинскими колбасами.

— Тогда ты богатый и счастливый.

— На водку и селедку хватает.

Пока они говорили, она вспомнила, что режиссера недавно отстранили от съемок телевизионного сериала — он не выдерживал телевизионных темпов.

— Надо доснять фильм, — сказала она.

— Кому надо? — спросил режиссер.

— Мне. — Она решила ничего не скрывать. — Я выкупила материал фильма.

— У тебя в этом фильме главная роль?

Не идиот, значит, не надо ничего объяснять.

— Сама будешь снимать? — продолжал он расспросы.

— Сама.

Начиная этот разговор, она еще не знала, что будет снимать сама. А что? Снимет не хуже, чем большинство режиссеров. Но и не лучше. Она это тоже понимала, не рассчитывая на большой успех в кинопрокате. Хорошо, если этот фильм купят телевизионные каналы. А почему бы не купить почти семейный фильм, в котором не будет откровенного секса и политических обличений? Будут красивые пейзажи, красивые актрисы в белых халатах и, может быть, любимые народом песни. По сюжету в пансионате может же отдыхать известная певица, которая будет петь по просьбе отдыхающих новую песню.

— А я тебе зачем нужен? — спросил режиссер. — Если фильм частично отснят, значит, найдено какое-то стилевое решение.

— С профессионалом всегда спокойнее, — призналась она.

— Когда начинаешь?

— Сейчас ремонтируют главный корпус — барскую усадьбу, русский классицизм восемнадцатого века. Оператор ведет съемки ремонта, чтобы зрители увидели, какой усадьба была и какой стала, когда героиня приложила к ней свои ручки.

— Разумно, — согласился режиссер.

— Я оставлю тебе сценарий на вахте Дома кино.

— Оставляй, — сказал он.

Это было почти согласием.

Поскребыш и Редактор

Она запомнила тот день, когда возненавидела Секс-символ десятилетия. Она тоже снялась обнаженной, в «Московском комсомольце» напечатали заметку, что в стране появился Секс-символ-2, и в этот же день ей передали, что Секс-символ назвала ее Поскребышем. Кличка прилепилась и закрепилась. Может быть, из-за ее небольшого роста.

Сценарий, написанный для Секс-символа, она прочитала ночью, когда Продюсер уже спал, и поняла, что в нем многое верно просчитано. Офисных фильмов у нас еще не снимали. Раньше снимали производственные фильмы, в которых герои что-то строили, выплавляли, переделывали. У них были противники, консерваторы. Но проигравшие в этих конфликтах ничего не теряли, а победившие ничего не выигрывали.

В будущем героиня могла потерять или выиграть все, но побеждала, потому что была умна, хитра, расчетлива. И большинство женщин видят себя такими. Да, не красавица, зато умна, хитра, надежна и сексуальна, если надо, она в постели может взорваться получше любой секс-бомбы.

И то, что любовь — не главное в фильме, тоже было достоинством замысла. Не надо женщине в сорок, хотя и выглядит на тридцать, играть любовь. Эти тридцать — для неопытных и молодых зрителей, а женщины — зрительницы ее возраста, приметливы и понятливые. Они запомнили, когда они впервые появились на экране, могут просчитаться на год, максимум на два, но не на десять.

Когда в кинотеатрах начинали показывать фильмы с ее участием, она покупала в кассе билет и заходила в зал в самый последний момент. Ее узнавали, но не так уж часто. Чтобы узнавали всегда, надо было сыграть в двух-трех популярных и хотя бы в одном очень популярном фильме и чтобы этот фильм показывали лет тридцать по телевидению, и еще постоянно мелькать на кинофестивалях, кинопремьерах и вообще там, где снимает телевидение, чтобы потом снятое показать в новостях.

Она смотрела на экран, но слушала реплики сидящих рядом зрителей и запомнила суждения об актрисе, которую она не любила, но которой хотела бы подражать. Актриса, как и она, приехала из провинции, прославилась сверхтонкой талией и умением петь и танцевать. Потом были годы забвения, а потом, через четверть века, когда обычные женщины, у которых уже выросли дети и подрастают внуки, грунтуют, она снова начала петь и танцевать, поражая темпераментом и стройностью тела.

— Какая тоненькая! — похвалила зрительница.

— Старушки с возрастом или подсыхают, или разбухают, — ответила другая.

— Но она не старушка!

— Старушка, старушка, — возразила другая. — Когда она начинала, мы были школьницами, а сейчас пенсионерки.

Актрисы, получившие признания в любви от поклонников и поклонниц, думают, что их любят все и будут любить всегда. Кто-то любит, конечно, но очень многие завидуют, потому что тоже хотели стать Актрисами, и тоже считают себя красавицами, только артисткам повезло, а у них не получилось. А они совсем не хуже: и спеть смогут, и танцевать, и, если бы очень захотели, то и фигуру имели такой же стройности. А разъелись на макаронах и

картошке, потому что не для кого держать такую фигуру, и так радостей мало от постоянно пьющего мужа, и зарплата маленькая, и сын хамит, и сапоги нужны не элегантные, на шпильках, а зимние, прочные на меху, потому что актрис возят на автомобилях, а им приходится ждать автобус на морозе.

Конечно, Секс-символ деловая и сможет сыграть деловую женщину, но и она, Поскребыш, сможет, и даже лучше. Она более деловая. У нее свое дело — Актёрское агентство. Но Продюсер не заберет этот сценарий у Секс-символа, да и забрать невозможно, — Сценарист расторгнет договор, потому что в договоре есть отдельный пункт о том, что сценарий написан для Секс-символа, и эта роль не может быть отдана другой актрисе, если только Секс-символ не откажется сама. Продюсер после скандала со своими партнерами по ППШ стал осторожным. Он понял, что репутация зарабатывается годами, а рушится за один день. Может быть, поэтому он и не рекомендовал ее режиссерам, с которыми работал. Продюсер разумен и расчетлив. Эта разумность пугала ее. Конечно, Продюсер только наполовину еврей, но известно, что еврейские мужчины чадолюбивы, они одержимые отцы. Она не может родить Продюсеру сына, а секретарша может, и Секс-символ тоже могла бы. В тридцать семь лет, если это не первый ребенок, родить легко, а учитывая, что она всегда вела здоровый образ жизни, не пила, не курила, ребенок будет здоровый. А ее совсем немногое связывает с Продюсером, который, когда они регистрировали брак, попросил подписать контракт, в котором перечислялось все, что он имел до женитьбы и что не подлежало дележу при разводе. Агентство, конечно, он оставит ей, но вполне возможно, заставит заплатить половину стоимости. Чаще всего мужчины уходили от жен, приближаясь к пятидесятилетнему рубежу, понимая, что карьера сделана, дети, если они есть, выращены. Но многие уходили и после сорока. Министр иностранных дел, например, женился на собственной секретарше. Она начала припоминать известные ей разводы и поняла, что надежных супружеских пар, еще с институтских времен, не осталось, все уже прошли по два круга, а многие и по три.

Она похвалила Продюсеру роль, предназначенную для Секс-символа, хотела усомниться в сюжете, но не решилась. Лучше, если сомнения выскажет кто-то другой. Кто? Первые сомнения всегда высказывает редактор. Продюсер не держал в штате постоянных редакторов, а нанимал их при запуске фильма. Надо ему подсказать. Так, между прочим. Встретила, мол, Елизавету. Без работы, без мужа, без денег. Елизавета когда-то работала на «Мосфильме», служила истово и честно. Она была надежна в дружбе. Если ей внедряли основную идею, она эту идею отстаивала до тех пор, пока ей не внедряли другую. Если ей внедрить, что у Секс-символа по роли мало любви, она всем будет доказывать, что необходимо больше любви. Если же внедрить, что Секс-символу не надо играть любовь, она будет доказывать это с такой же страстью.

Поскребыш набрала номер телефона Елизаветы.

— Ждет ли Лизавета от друга привета? — спросила она.

— Если ты рядом, заходи, — ответила Елизавета. К ней заходили часто, потому что она жила в высотке на площади Восстания, в огромной четырехкомнатной маршальской квартире. Елизавета была единственной и очень любимой дочерью маршала. И маршал, и его жена, мать Елизаветы, умерли лет двадцать назад, с мужем Елизавета развелась тоже давно и жила одна с тремя бультерьерами.

— Я буду у тебя минут через двадцать...

Поскребышу нравилось бывать у Елизаветы.

Она любила антикварную роскошь, а квартира была обставлена старинной, почти музейной мебелью, вывезенной маршалом из побежденной Германии. И еще всюду стояли мраморные, чугунные, бронзовые бюсты маршала, а на стенах висели сабли, шпаги, ятаганы. Как-то Поскребыш спросила Елизавету:

— Не боишься одна?

— Три бультерьера страшнее трех охранников.

— Собак легко отравить, отвлечь, запереть в комнате.

Елизавета запустила руку в огромную напольную фарфоровую вазу, подарок отцу от китайского маршала, достала из нее мазузер с наградной пластинкой и эмблемой ордена Красного Знамени на рукоятке.

— Этот отец получил за Гражданскую войну. Есть еще парочка карабинов, американская помпа на десять патронов. Со своим арсеналом и боезапасом я могу продержаться несколько суток. Чего тебе от меня надо?

Елизавета всегда задавала конкретные вопросы.

— Мы запускаем новую картину. Не хотела бы ты поработать редактором?

— Хотела бы, — ответила Елизавета, — но твой меня вряд ли уже возьмет, сегодня считается, что, если работнику под сорок, он уже вывалился из тележки.

— Это мои проблемы, — ответила Поскребыш.

— Я отслужу, — пообещала Елизавета. — Пойду, сварю кофе, — и она ушла на кухню.

Конечно, хорошо бы купить квартиру Елизаветы, но квартиры в пяти сталинских высотках дорожали с каждым годом. Если Елизавета не продала квартиру и в более дурные для нее времена, значит, она ожидает более выгодных предложений. Хорошо бы, конечно, купить эту квартиру самой, без помощи Продюсера. Но при разводе все совместно нажитое имущество будет делиться пополам, и тогда эту квартиру придется продавать, а если продавать, зачем вкладывать деньги в огромный ремонт и перепланировку?

Если вопрос не решается, отложи его и займись тем вопросом, который можно решить. Но и этот вопрос тоже не решался, потому что она не могла рассказать Елизавете о задуманном. Собственно, ничего задуманного еще не существовало. Пока она только определила, что существуют два сценария с очень похожим сюжетом и почти похожими характерами главных героинь. У Секс-символа роль была лучше. С юмором, с опасностями, подстерегающими героиню, и без стандартной любовной линии. Конечно, зная сценарий и роль для Секс-символа, она внесет необходимые изменения в свою роль, но все равно избежать сравнений невозможно.

В сценарии для Секс-символа многое было предусмотрено заранее. Ей удавались роли сексуальных, глуповатых, но искренних блондинок, и в сценарии к ней вначале относились как к привлекательной, ограниченной учительнице, а учительница, оказалось, умела хорошо считать. Секс-символ, вероятно, сознательно избегала откровенных любовных сцен, но зрители в кино всегда ждут любовной истории. Это надо внушать Продюсеру, потому что это правда. Пусть в нее влюбится молодой поклонник. Она сразу подумала о Стасе, восходящей звезде, современном, ироничном, спортивном. Рядом с ним Секс-символ будет выглядеть немолодой и коровистой. А редактору и ассистенту надо внушить, чтобы они рекомендовали на эпизодические роли актеров Театра киноактера. Этот театр был создан, когда возникло явное перепроизводство молодых киноактеров, и пожилые актеры писали во все инстанции, что они без работы в кино, и требовали, чтобы их использовали согласно их образованию. В их дипломах, мол, записано, что они актеры кино и театра, и они вполне могут работать в театре. Так был создан Театр киноактера, куда принимали молодых, платили им мизерную зарплату; в труппу театра зачислили и народных артистов, которых тоже снимали редко.

Когда она организовала Актерское агентство, к ней пошли актеры, снимавшиеся в основном в эпизодах. Они надеялись, что через Агентство они смогут получить главные роли. И она брала их, потому что в первый год у нее не было звезд, и к тому же с чего-то надо было начинать.

На главные роли их по-прежнему не брали, и она пристраивала их на эпизоды в фильмы Продюсера, впервые столкнувшись с феноменом долго не снимающегося актера. В каждой роли он приносил больше вреда, чем пользы, потому что вкладывал в нее столько экспрессии и выдумки, что его игра выбивалась из любой стилистики фильма и при монтаже приходилось беспощадно сокращать, оставляя от роли одну-две реплики.

Поскребыш решила, что предложит ассистентке по актерам самых эмоциональных и скандальных, которые своими актерскими находками любую сцену извратят так, что на их

роли придется подбирать других.

Это уже было похоже на месть. Пусть месть, согласилась она, и Секс-символ сделала бы то же самое на ее месте, узнав, что сценарии похожи и могут появиться два фильма настолько одинаковых, что над этим критика будет долго изгаляться. Узнав, что сценарии напоминают один другой, она спросила свою приятельницу, которая занималась производством модного трикотажа:

— Что ты делаешь, если узнаешь, что твой конкурент выпускает абсолютно похожую модель?

— Делаю все, чтобы он на рынок попал позже меня.

— И все? И не пытаешься подпортить ему качество пряжи, краски?..

— Это уже уголовное дело, если докажут, что я это сделала преднамеренно, а выйти на рынок быстрее и с лучшей рекламой — это нормальная конкуренция.

Если не задержать съемки фильма Секс-символа, оба фильма выйдут на экраны почти одновременно и критики начнут изгаляться, строя предположения о том, кто у кого и сколько украл. Значит, надо выйти раньше, чтобы ее фильм критики и прокатчики увидели раньше. Тогда фильм Секс-символа окажется вторичным. Следовательно, нужно задержать съемки Секс-символа. Первая задержка — когда выясняется, что не готов сценарий. Вторая — сомнения в правильном выборе актера на роль главной героини или главного героя.

В советские времена, узнав о случившемся, руководство кино запустило бы в съемки один сценарий, а похожий отложило бы, обязательно оплатив. Но сегодня руководство ничего никому не запрещало, памятуя о митингах кинематографистов в начале перестройки.

Продюсер в «Пансионат для богатых» своих денег не вкладывал и в дальнейшем использовании «Пансионата» не заинтересован. Он заинтересован в проекте Секс-символа. Объективно этот проект лучше, потому что яснее и проще.

— Что ты думаешь об ассистенте режиссера по актерам? — спросила Поскребыш Елизавету.

— Из актрис. Вкус дурной и стандартный, но энергична. Сильно обнищала за последние годы.

— Значит, дорожит работой?

— Сейчас все дорожат работой, за которую хорошо платят.

— Будет выполнять твои рекомендации?

— Будет, если поймет, что надо выполнять.

— Ты ей объяснишь.

— Если сама пойму, — сказала Елизавета.

— Я поговорю с Продюсером, — пообещала Поскребыш. — Мне важно, чтобы ты была на этом фильме редактором.

— Зачем?

— Я заинтересована в доходах от фильма. А доход будет, если Секс-символ снова разделенется. Зрители привыкли к тому, что она раздевается.

— Не поздно ли? — усомнилась Елизавета. — Ей уже не открываться, а прикрываться надо.

— Еще не надо. И ей это надо внушить.

— Хорошо. Я постараюсь. Что еще?

— Я составлю список актеров своего Агентства, которых хорошо бы пристроить на картину.

— Это уже не моя епархия.

— Но к твоему мнению прислушиваются. Если тебе кто-то из них не понравится, ты не топи сразу, а скажи мне. Я заменю другим.

— Ты всегда так впихиваешь своих? — спросила Елизавета.

— Не всегда, но иногда приходится, — призналась Поскребыш.

— А не проще это делать через Продюсера? Ночная кукушка всегда перекукует дневную.

— Не всегда. Я думаю, в ближайшее время состоится обсуждение сценария, уже после всех поправок. К этому времени ты уже будешь редактором на фильме. И, естественно, поинтересуемся твоим мнением.

— И что я должна сказать? — спросила Елизавета.

— Когда прочтешь сценарий, тогда и обсудим.

— Обсудим сейчас.

— Я думаю, в сценарии требуется доработать любовную линию. Сейчас там Секс-символ любит школьного учителя в возрасте. Это скучно и пресно, надо, чтобы в нее влюбился более молодой, возможно, ее бывший школьник-выпускник.

— И она должна спать с этим бывшим выпускником?

— Совсем необязательно спать. Но ей должен нравиться этот молодой. Обычно старым мужикам нравятся молодые девушки, но и стареющим матронам нравятся молодые, полные сил, с дымящимися членами парнишки. Разве не так? Тебе молодые не нравятся?

— Мне нравятся все, кому нравлюсь я. Но я уже мало кому нравлюсь. Не беспокойся, я сориентируюсь. Ты обрабатывай Продюсера.

— Продюсер уверовал в свой вкус и свое чутье и все меньше прислушивался к моим советам.

Конечно, она еще до разговора с Елизаветой нашла время сказать ему, что Секс-символ может завалить фильм. И предложила: а если попробовать не только Секс-символ, а несколько актрис?

— Невозможно, — ответил на это Продюсер. — Если мы откажемся от Секс-символа, мы должны будем отказаться от проекта. Не хотелось бы. Сценарий хороший. И для рекламы хорошо: Секс-символ в роли деловой женщины.

Она усомнилась в сценарии, и Продюсер насторожился. Но для изменения сценария были нужны дополнительные доводы. Какие, она еще не знала. Хотя, если думать постоянно, что-то придумается. Она всегда придумывала.

Вечером на даче за ужином она сказала Продюсеру:

— Встретила Елизавету. Без работы, без денег.

Продюсер молчал.

— Распродает последнее.

— Коллекцию ножей я бы купил.

— Я знаю. Она просила передать тебе, что согласна на любую работу.

— Это нормально для пенсионерки, — ответил Продюсер и снова замолчал.

Он научился держать паузы. Самые неторопливые или отступали, или меняли свое мнение. Но она тоже умела держать паузу. Так они и молчали до окончания ужина. Она не беспокоилась. Он должен ответить. Или принять предложение, или отказать.

Перед сном они гуляли. Единственная улица дачного поселка хорошо освещалась.

— Надо брать более молодого редактора, — сказал Продюсер.

— Раньше на киностудиях, прежде чем стать редактором фильма, молодые проходили шлифовку в редакторах-организаторах. Конечно, надо брать молодую острую киноведку. И пусть походит один-два фильма в младших. И она присмотрится, и ты присмотришься.

— Убедила, — согласился Продюсер. — Завтра скажу, чтобы Елизавете позвонили, и пусть оформляется.

Поскребыш еще не знала, расскажет ли Елизавете о своей операции по задержке съемок Секс-символа. Пока ей была нужна информация, что происходит в конкурирующей группе, и Елизавета будет приносить эту информацию в своем клове.

— Я завтра буду в Театре киноактера. Позвоню, загляну к ней, заодно и посмотрю на коллекцию ножей.

— Спасибо, — сказал Продюсер.

Она почему-то вспомнила подслушанный разговор матери с подругой, когда им было примерно столько же лет, сколько ей сейчас. Мать жаловалась подруге:

— Я уже договорилась, что мне привезут дубленку из Монголии, а он не дает на нее

денег.

— Чем мотивирует? — спрашивала подруга.

— Что у меня вполне приличная шуба из цигейки.

— Он не дает, и ты ему не давай, — посоветовала подруга.

— На неделе я могу ему сказать, что устала. Но в субботу или воскресенье, когда отосплюсь и отдохну, мне крыть нечем.

— А зачем объяснять — устала, не устала! Не хочу. Он тебя сколько раз в неделю хочет?

— Раз, редко два раза.

— Ты ему два раза откажи, у него на третий раз знаешь как торчать будет! Я когда своему два раза отказываю, он понимает, что я недовольна, и готов сделать все, чтобы только я его в себя впустила.

— И дубленку купил бы? — спросила мать.

— На дубленку у него денег нет. Деньги все у меня. И ты все деньги держи на своей сберегательной книжке.

— Этот момент я упустила, — призналась мать. — Если бы настояла с самого начала...

— Настоять никогда не поздно, — учila мать подруга. — Мы всегда можем, но не всегда хотим, они всегда хотят, но не всегда могут.

— Мой может всегда, — ответила мать.

Поскребыш запомнила материнские слова и всегда обращала внимание на мужчин, похожих на ее отца. Однажды она переспала с одним из таких, уж очень похожим на отца, чтобы понять, что испытывала ее мать. Этот любовник ничем ей не запомнился.

Она попыталась вспомнить, когда в последний раз спала с Продюсером. И не вспомнила. И снова подумала о секретарше Продюсера. Конечно, она все знала о ней. Закончила школу и курсы секретарей-референтов. Ее отец почти ровесник Продюсера, занимался гостиничным бизнесом. Секретарша поступила на экономический факультет Института кинематографии, без помощи и поддержки Продюсера она вряд ли смогла бы туда поступить. Продюсер вел в Институте семинар, и его приглашали заведовать кафедрой. Конечно, его протеже создали режим наибольшего благоприятствования. И разница в возрасте у них не такая уж большая. Через двадцать лет она, Поскребыш, будет почти шестидесятилетней, а секретарша не достигнет еще и сегодняшнего ее возраста.

Продюсер — уже заметная личность в кино, и если несколько лет назад, когда называли его фамилию, то всегда прибавляли, что он ее муж, теперь, когда называли ее фамилию, все чаще добавляли, что она жена Продюсера. Он становился более известным, чем она.

Она знала многих женщин, которые гордились, что были замужем за известными мужчинами. Но ее раздражало, что Продюсер становился все известнее, а она превращалась в дополнение к его известности. Однажды она отметила, что обрадовалась, когда прочла у одного из критиков о продюсерской неразборчивости с напоминанием, что он все-таки кинул своих партнеров. Продюсер решил подать на критика в суд, но юристы продюсерской компании не нашли повода для возбуждения дела: слова критика могли трактоваться по-разному, а раздувать заглохшие давно уже слухи Продюсеру было невыгодно. Она пожалела, что суд не состоялся, — при освещении суда журналисты наверняка в каждом отчете упомянули бы ее имя. Уж она не пропустила бы ни одного судебного заседания. Последний раз ее упомянули в газетах год назад, когда она создала Актёрское агентство. Известность по внутреннему ощущению похожа на наркотик. Пока твое имя упоминают, даже неважно, хвалят тебя или ругают, главное, чтобы не забывали. А ее стали забывать. Она каждое утро просматривала всю кинематографическую прессу, театрально-кинематографическую газету, отчеты о презентациях и премьерах. Ее имя упоминали журналисты, давно пишущие о кино, но и в журналистике тоже происходила смена поколений. Для молодых журналистов она была актрисой средних лет. Она начинала сниматься, когда они были школьниками, а сегодня молодые критикессы почти сорокалетних актрис считали чуть ли не старухами.

По только ей известным и знакомым интонациям она поняла, что Продюсер после их разговора явно забеспокоился и назначил новое обсуждение сценария. Значит, подготовительный период будет еще продлен, а съемки «Пансионата для богатых» она начнет значительно раньше.

Начало съемок

Она все организовала для начала съемок. Обзвонила всех знакомых журналистов. Повезут журналистов в удобных микроавтобусах. Во дворе санатория военные склонят столы и лавки, натянут над ними огромный брезентовый тент. В парке возле санатория еще сохранились целые скамейки. Поломанные чинили плотники.

В холле санатория и в четырех отреставрированных номерах, где будут проходить съемки, на стенах уже развесены цветные фотографии окрестных пейзажей. С пляжа убраны осколки разбитых бутылок. Местные мальчишки за рубли проверили и почистили дно, чтобы, если кто захочет искупаться, не порезал ноги. Когда звонили журналистам, то предупреждали, чтобы они захватили плавки и купальники.

Будущий совладелец пансионата закупил хорошего вина и водки. В местном колхозе вчера вечером забили двухлетнего бычка, а с утра уже маринуют шашлыки.

Продюсер не знал, что она стала совладелицей будущего пансионата. Когда она увидела этот санаторий, пляж, сосновый бор рядом, то решила в то же мгновение: пансионат будет ее. Даже цена не остановила. Она показала пансионат Инвестору, своему бывшему любовнику, который на ней не женился, но поверил в ее расчетливый ум, и он выделил деньги на досъемки; к тому же роль главной медсестры пансионата она предложила его новой жене. Жена не знала, что ее муж был ее любовником. Она была очень убедительной, рассказывая Инвестору о будущих доходах. Приток отдыхающих увеличится, как только люди узнают, что совладелица пансионата — известная киноактриса. Она собиралась приезжать сюда каждый вечер, как приезжала на дачу, потому что поездки на дачу могли закончиться если и не в ближайшее время, то в обозримом будущем.

Она наняла частного сыщика, бывшего оперативного уполномоченного Московского уголовного розыска, и через несколько дней получила адрес снимаемой Продюсером квартиры и описание женщины, которая приезжала в квартиру часа за два до приезда Продюсера. По описанию сыщика женщина была похожа на его секретаршу. По ее наблюдениям, связь Продюсера и секретарши тянулась почти два года.

Ее роман с Продюсером тоже длился около двух лет — Продюсер никогда не спешил с принятием решений.

Художник-постановщик хотел сделать косметический ремонт и так и не понял, почему идет почти капитальная реконструкция номеров.

Она почти каждый день все три месяца, пока шла подготовка к съемкам, выезжала в областные организации и «хлопотала лицом», добывая для реставрации пансионата более дешевый цемент, пиломатериалы, краску, керамическую плитку. Она говорила, что пансионат восстанавливается вначале для киносъемок, а потом для детей-инвалидов. А когда они узнают, что это будет частный пансионат, она всегда сможет объяснить: ну, не получилось с детьми. С кем не бывает.

Выезжая за Московскую кольцевую дорогу, она засекла время. Обычно она добиралась до места за сорок минут. Начало съемок назначали на полдень, чтобы успели приехать журналисты.

Ее сразу начали гримировать. На гриме она расслабилась и даже дремала. Гримерши знали, что с нею в это время нельзя разговаривать, если она не заговорит сама.

Она надела белый докторский халат и вышла на съемочную площадку. Разбили традиционную тарелку о штатив камеры, осколки раздали членам группы на память. Она скомандовала: «Мотор!» и вошла в кадр. Сцену сняли. Режиссер и оператор дали указания переставить камеру. Она подошла и, улыбаясь, сказала режиссеру шепотом:

— Хватит. Журналистам это уже не интересно.

И, не ожидая решения режиссера, объявила:

— Перерыв. На все, интересующие вас вопросы ответят пресс-атташе и актеры. Фуршет, купание, солнечные ванны — через двадцать минут.

Она улыбалась в объективы телекамер, зная, что надо уложиться в десять секунд, потому что больше половины минуты на сюжет в новостях культуры не давали.

— Кто ваша героиня? — спросил репортер.

— Доктор. Врачиха. Таких миллионы. Если она может прожить на свою мизерную зарплату, то она выживет в любых условиях. И там, где мужчины сдаются, женщины сопротивляются до победы.

Она пригласила на съемки журналистов, с которыми дружила. Поскребыш помнила, кто где работает, какое вино любит и, главное, помнила все их имена. Некоторые за двадцать лет прошли от Николая Ивановича до — Коля! — Коленька! — Колюнчик!

Она никогда не отказывала им в информации. Журналистов, как и актеров, надо было хвалить, и она хвалила, если читала интересную статью о других актрисах, и всегда благодарила, если ее хвалили и даже когда ругали.

Она заметила нескольких молоденьких журналисток, которые, посмеиваясь, обсуждали начало съемок. Когда уже пили водку, Поскребыш подошла к ним, поздоровалась, узнала их имена, из каких газет. Без этого разговора, лестного для молоденьких девушек, в прессе могли появиться иронические, ёрнические статьи, а теперь ирония, может быть, и останется, но ёрничанья не будет. Из трех в журналистике закрепляется только одна, и ее с самого начала лучше держать в приятельницах. Если, конечно, получится. А когда приручить не получалось, каждый журналистский выпад она высмеивала в своих интервью. Зная ее мстительный характер, журналистки предпочитали с нею не связываться.

Когда все выпили и разбились на компании, она уединилась с директором фильма и обсудила, что в ближайшее время нужно купить под съемки фильма.

Директор для съемок покупал мебель, чтобы обставить номера пансионата. После съемок такая мебель продавалась или хранилась на складах для других фильмов. Теперь после съемок мебель сразу продадут ее пансионату за половинную стоимость. Под съемки она закупила уже и белье, и посуду, которая будет в кадре. После одного дня съемок эту посуду продадут по минимальной цене для будущего ресторана пансионата. Даже цветные пейзажи будут вывешены в номерах пансионата. Она сообщила директору фильма, что он станет директором пансионата, и директор обрадовался. У него приближался пенсионный возраст, а что может быть лучше жизни пенсионера за городом в сосновом лесу? И директор старался, не зная ее привычек. Если она найдет на это место более молодого и более энергичного, ему будет отказано. Конечно, она извинится и объяснит, что в данной ситуации у нее не было другого выхода.

Режиссер сильно выпил и пытался петь русские народные песни, кинооператор спал в одном из приготовленных для съемок номеров — после отъезда журналистов съемки уже вряд ли состоятся. Поскребыш села в свою «Ауди-4» и выехала на шоссе.

Поскребыш и Продюсер

Продюсер свой рабочий день начинает с просмотра газет. Сейчас он подъезжает к офису и недалеко от него высаживает секретаршу, потому что еще никто не видел, чтобы он и секретарша подъезжали вместе. Ей бы донесли, если бы подъезжали.

Сейчас Продюсер покупает газеты, через несколько минут он войдет в офис и начнет с просмотром публикаций о кино, репортажи и статьи отложит на вечер, но репортаж со съемок фильма, в котором она — и в главной роли, и в роли режиссера-постановщика, он прочтет сразу. Всю дополнительную информацию о съемках ее фильма он получит в первой половине дня, и наверняка узнает, что она участвовала в покупке санатория. Он позвонит после полудня и предложит пообедать вместе. Она еще не знала, какую позицию займет:

нападающую или уклончивую, когда даешь как можно меньше информации, которая интересует противника, а сама стараешься получить информации как можно больше.

Но Продюсер позвонил в конце дня и предложил поужинать в новом ресторане, где она еще не была.

— Я бы предпочла ресторан Дома кино, — ответила она.

— Ресторан Дома кино все больше напоминает советскую общепитовскую столовую.

— Общепит — мое детство, а сегодня у меня как раз ностальгия...

Продюсер и догадаться не мог о ее мгновенных расчетах. Судя по надвигающимся событиям, она теперь не часто будет обедать с Продюсером, поэтому пусть в Доме кино увидят, что они все еще вместе, пока ей было выгоднее ходить в роли продюсерской жены, чем в роли очередной разведенки.

— Что будем пить? — спросил Продюсер.

— Водку, — ответила она, давно заметив, что именно от водки Продюсер пьянеет быстрее, чем от коньяка и виски.

Они выпили водки, закусили.

— Спрашивай, — предложила она.

— Ты первая.

— А мне о чем спрашивать.

— Ты все знаешь?

— Наверное, все.

— А что такое все?

— Все, это то, что ты собираешься жениться на пипетке.

— Как высчитала?

— У тебя на принятие решения — жениться или не жениться — уходит около двух лет, а ты спиши с секретаршей уже почти два года. Когда я ее видела в последний раз, мне показалось, что она беременна, недель шесть-семь.

— Ты по-прежнему наблюдательна, — похвалил Продюсер.

— На том и держимся.

— Я хотел бы поговорить совсем о другом, — сказал он.

— Поговорим и об этом, — пообещала она и предложила: — Начинай задавать вопросы, я отвечу.

— Я не давал оснований, чтобы ты утаивала от меня... — начал Продюсер.

— Давал, — тут же вклинилась она. — Ты уже год часть денег, которые принадлежат нам обоим как совместно нажитые средства, переводишь на счета своего отца, мало того, ты содержишь женщину на деньги, часть из которых пока еще принадлежит мне.

— Но и ты покупку санатория оформила на имя родителей. И я не участвую в прибылях от твоего Агентства.

— Да, так же как и я не была введена тобой в члены учредителей продюсерской компании. Я теряю больше и готова обсудить условия развода.

— Вопрос об этом пока не стоит.

— Я его поставлю в ближайшее время.

— Из кино ни ты, ни я в ближайшее время никуда не денемся. Нам придется общаться.

— С умным человеком общаться одно удовольствие.

— Но тем не менее я хотел бы услышать, как ты оцениваешь свой поступок. Зная, что я запустил проект с определенным сюжетом, ты реанимируешь проект с аналогичным сюжетом. Это уже месть? Или нечто большее?

— Что ты имеешь в виду под нечто большим?

— Предательство...

— Не смеши. Я же тебя не обвиняю в предательстве. Ты женился на мне, сравнительно молодой женщине, а когда моя товарная стоимость снизилась, мне ведь под сорок, ты меня бросаешь.

— Пока ты собираешься бросить меня.

— Перестань валять ваньку!

— Исходя из моей национальности, я могу валять только какого-нибудь Абрашку. Мне все-таки хотелось бы, чтобы ты ответила на поставленный вопрос.

— Отвечаю. Никакое это не предательство, а нормальное деловое предприятие. Как только я увидела этот разрушающийся санаторий, я поняла, что сделаю все, чтобы этот барский особняк достался мне, а впридачу санаторий, из которого я сделаю миленький пансионат. Ты же вкладываешь деньги только в кино, поэтому я стала искать и нашла другого инвестора, который поверил в мою идею.

— Кто он?

— Как только мы оформим все документы на собственность, я тебе его представлю.

— Значит, ты, живя со мною... — снова начал Продюсер.

— Живя с тобою, в отличие от тебя, я не жила ни с кем другим. И, естественно, узнав, что ты спишь с пипеткой, я начала думать о своем будущем.

— Я думаю, у тебя будет замечательное будущее. Но в настоящем надо как-то разруливать эту ситуацию с двумя похожими проектами.

— А ничего не надо разруливать. Фильмы не так уж и похожи. В этом году наверняка снимут еще несколько фильмов, где главными героями будут деловые женщины. Все будет зависеть от качества. Но я думаю, шедевров не получится ни у меня, ни у Секс-символа. Поэтому я и затеяла это дело с санаторием-пансионатом. Не выйдет с фильмом, получится с пансионатом, потому что недвижимость в Подмосковье будет только дорожать. Пансионат, который я организую, уже получил лучшую рекламу на сегодня. Такой рекламой стали съемки фильма и то, что известной актрисе так понравились эти заповедные места, что она восстановила и приобрела эту барскую усадьбу и устроила пансионат. Это хороший пиар, об этом будет написано во всех буклетах.

— Я не знаю, какой фильм будет у тебя, а у меня, судя по просмотренному материалу, будет очень интересное кино.

— Не будет — Секс-символ очень средняя актриса.

— Ты лучше?

— Нет, но я умнее. Давай все-таки поговорим о наших с тобой общих делах? — предложила Поскребыш.

— Я готов купить тебе квартиру, — сказал Продюсер.

— Квартиру я куплю сама. Сколько ты дашь денег?

На бумажной салфетке он написал сумму.

— Это двухкомнатная на высоких этажах, а я хочу жить в центре, — возразила она.

Продюсер написал на салфетке другую сумму, побольше, и сказал:

— Это максимум, на который я сегодня способен.

— А завтра? — спросила она.

— Завтра у меня расходов станет еще больше.

— У меня тоже. Да, это лето я доживу на даче. Я согласна на второй этаж.

— Лучше, если дачу я тебе сниму в другом месте, — настаивал Продюсер.

— Ничего, она еще наживется на этой даче. А я к этой даче привыкла, и у меня до осени будет время, чтобы отвыкнуть от нее. Со всеми возможными материальными претензиями разберутся наши адвокаты.

— И все-таки ты не права, — еще раз не согласился Продюсер, возвращаясь к разговору о кино. — Я смотрел материал. Секс-символ хороша, особенно в любовных сценах со Стасом.

— Это возрастное. Ты начинаешь терять чутью, — сказала она и пожалела о сказанном. Не надо было настороживать Продюсера.

Сценарист

Раньше такое мероприятие называлось «Заседание художественного совета». Сценарий раздавали членам художественного совета — редакторам и режиссерам. Собирались в самом большом кабинете, обсуждали, предлагали усилить характеры, убрать скабрезные реплики. Опытные сценаристы специально вставляли в сценарий такие реплики, преднамеренно исказили известные факты, зная, что в худсовете есть режиссер, специалист по войне или сельскому хозяйству. Члены худсовета обычно вцеплялись в эти факты и попадали в ловушку. Время заседания растягивалось, а опытные сценаристы вносили потом поправки в ловушки, которые сами же и расставили.

Обычно Сценарист слушал замечания, пропуская тенденциозные, глупые, конъюнктурные, но, если были толковые предложения, он их записывал, чтобы использовать при доработке сценария. И никогда ни с кем не спорил, отстаивая свою точку зрения. Зачем? В споре всегда трудно победить, оппоненту надо время, чтобы убедиться в своей правоте или неправоте. Сценарист обычно благодарили всех и за умные, и за глупые советы, соглашался со всеми замечаниями, зная, что поправленный или переработанный полностью сценарий никто читать не будет, кроме редактора.

Теперь все заседания и совещания назывались переговорами. Переговоры назначали на вечер, после рабочего дня, и Сценарист не мог понять — или переговоры считались не такими уж важными, если проводятся уже усталыми людьми, или назначены специально на такое позднее время, чтобы все, кто собирается и должен принять решения, уже торопятся домой и будут готовы согласиться с тем, с чем они никогда бы не согласились утром. Он знал по себе, что вечер на переговорах будет медлительным и вялым. До переговоров оставалось больше десяти часов. Он уже попытался представить, что может не понравиться в сценарии. Конечно, самая слабая линия в сценарии — любовная. Но Секс-символ с самого начала попросила его:

— Пожалуйста, как можно меньше любовных сцен, — хотя всегда разрешала себя любить и в жизни, и на киноэкране.

Она отработала несколько стереотипов: как ходить, как оборачиваться, как улыбаться. Эти стереотипы были интересны в двадцать пять, но после тридцати, а вернее, ближе к сорока ее кошачьи потягивания не вызывали умиления. Она это поняла и решила больше не сниматься обнаженной.

Сценарист выполнил ее пожелания, потому что давно понял — Секс-символ очень средняя актриса, которой повезло, что она стала известной.

Кино, как и любая сфера деятельности — химия, станкостроение, актерство, писательство, иммунология, молекулярная биология и т. д. и т. п. — функционирует по привычным стереотипам. Чтобы тебя заметили, надо выделиться или хорошей работой, или скандалом. Секс-символ выделилась вначале эпизодом, когда появилась на экране обнаженной, и не со спиной, и не на полторы секунды, как в большинстве советских фильмов. Она бросала в речку камни, придерживая мешающий размаху бюст, и рассуждала об амазонках, которые выжигали себе грудь, чтобы удобнее было стрелять из лука. Ее добивались на экране замечательные красавцы мужчины, а в темных кинозалах миллионы мальчишек мечтали, что, когда вырастут, тоже будут обладать такими красавицами.

Кинокритики не воспринимали Секс-символ как актрису всерьез, предрекая потерю популярности к сорокалетию.

Сценарист написал роль, исходя из возможностей Секс-символа. Ей не надо было перевоплощаться, она должна быть деловой женщиной, какой и была в жизни, хваткой, никогда не упускающей своей выгоды.

Сценарист перекусил в «Макдоналдсе» на Пушкинской площади. Один фишбургер и кофе. Он не хотел переедать, потому что после плотных обедов дремал на самых ответственных совещаниях и переговорах.

На эти переговоры пригласили самых необходимых, без которых не обойтись. За «круглый стол» сели: Режиссер, Сценарист, Редактор, Продюсер и Секс-символ.

— Сценарий очень хороший, — начал Продюсер, — и есть возможность снять

популярный фильм благодаря нашим замечательным Режиссеру и Сценаристу, а также нашему Секс-символу сегодня и всегда. По сценарию у меня практически нет замечаний.

Сценарист достал блокнот, зная по опыту, что, если говорят, что практически нет замечаний, почти всегда добавляют: но... и следуют предложения или по переработке сценария, или предлагаются варианты, когда от первоначального сценария ничего не остается.

— Но послушаем Редактора, — предложил Продюсер.

— Сценарий в самом деле замечательный, — подтвердила Елизавета. — Есть только одно пожелание. Зритель в кино следит, конечно, за интригой, за характерами, но в основном людей интересуют Он и Она. Что с ними произойдет? Полюбят друг друга или не полюбят? Какая это будет любовь? Если бы автор добавил побольше любви главным героям, фильм от этого выиграл бы. И хорошо бы сменить возрастного любовника нашей героини на более молодого. Секс-символ выглядит великолепно, а любит старичка. Таких седовласых уважают, но не любят. Фильм будут смотреть молодые. Они удивятся: чего это такая сексапильная тетка, с которой с удовольствием улегся бы каждый, спит со старичком?

Елизавета сказала все, что ей внущила Поскребыш.

— Я согласен с Редактором, — сказал Режиссер. — Чуть-чуть побольше любви не помешает. Может быть, ввести еще и параллельную линию? В героиню влюблены и пожилой, и молодой? Драматургия от этого усиливается.

— Что еще? — спросил Сценарист.

— Ничего, — ответил Продюсер.

— А по другим персонажам? — поинтересовался Сценарист.

— Ничего, — ответил Продюсер. — Зрители нам не простят, если Секс-символ будет сниматься в фильме без любви. Мы не можем не учитывать ожиданий миллионов зрителей.

— Если миллионов, то конечно, — неопределенно улыбнулась Секс-символ. Ее слова и улыбку можно было расценить как согласие на то, что любовную линию надо усиливать.

«Не торопись соглашаться, идиотка», — хотел было сказать Сценарист, но не сказал, потому что чуть-чуть больше любви хотят все, и эта просьба, предложение, даже требование легко обосновывается. Конечно, Он и Она, их отношения — это главная тайна для людей уже много тысяч лет, и тайну эту люди много тысяч лет не могут разгадать, потому что тайн не сотни, не тысячи, а много миллионов. Сколько людей, столько и тайн. Когда Сценарист смотрел на супружеские пары, он знал: сегодня вечером они вернутся домой, лягут в одну постель. Но никто и никогда не узнает, о чем они в это время говорят, какие сексуальные позиции предпочитают, что чувствуют.

Об этом супруги никогда и никому не рассказывают, но все хотят узнать, как это происходит у других, чем они отличаются от миллионов других пар, хотят узнать что-то новое, и, если жена не позволяет что-то, по ее мнению, запретное, это запретное мужчины получают у любовниц или проституток.

— А что скажет по поводу выдвинутых предложений главная героиня и сопродюсер фильма? — спросил Продюсер.

— А что скажет Сценарист? — спросила, в свою очередь, Секс-символ.

— По сути предложение об усилении любовной линии правильное, — начал Сценарист. — Потому что, каким бы успешным бизнесом ни занималась женщина, всех интересует, кто ее любит и кого любит она. В сценарии есть любовная линия. Главная героиня переходит в новую сферу деятельности, ей, естественно, симпатизируют окружающие ее бизнесмены, и такие персонажи обозначены в сценарии, но она верна своему бывшему коллеге — учителю химии. Миллионы женщин оценят ее верность. Но фильм ведь не о любви, а о деловой женщине, которая в новый и непривычный для нее бизнес вносит бытовую логику ведения бизнеса. Если она на скромную учительскую зарплату могла сводить концы с концами, прилично выглядеть, лечить мать, учить дочь, она уже финансовый гений. И фильм должен доказать, что у нас в стране — миллионы финансовых гениев-женщин. И когда у них появляется первоначальный капитал, они становятся

преуспевающими бизнес-вумен. Давайте еще раз подумаем, стоит ли переделывать сценарий.

— Я понимаю опасения нашего Секс-символа. Как говорится, лучше уйти из большого секса чуть раньше самому, чем тебя выведут без твоего согласия, — заговорил Продюсер. — Я знаю, что в Секс-символа влюблены миллионы мужчин моего возраста. Но я показал отснятый материал на курсе, где я преподаю, и спросил этих двадцатилетних: «Какая реакция будет у ваших сверстников в кинотеатрах?» А я их учю, что продюсер при запуске фильма должен в первую очередь определиться с актерами. И знаете, что они мне ответили?

Повисла пауза. Все ждали: что же ответили студенты?

— Они ответили, что такая тетка — мечта каждого, но плохо, что у нее роман с папиком. Интересно было бы посмотреть, как она себя повела, если бы в нее влюбился настырный фан нашего возраста. Переспала бы она с ним или нет?

— Только без этого, — сказала Секс-символ, но в ее словах не было абсолютной категоричности.

— Я предлагаю Сценаристу обдумать наши предложения, — произнес Продюсер.

Секретарша принесла коньяк, порезала тонкими ломтиками лимоны, разложила бутерброды с семгой. Режиссер выпил сразу несколько рюмок. Вероятно, снимал напряжение. Может быть, до этих переговоров был все еще уверен, будет ли сниматься фильм, а теперь расслабился.

В комнату для переговоров вошла Поскребыш, расцеловалась с Секс-символом почти как с лучшей подругой.

Сценарист знал, что в кино никогда не забывают обид. Но Секс-символ не просто обидела Поскребыша. Если кто-то способнее тебя, можно и смириться. Но она, не имея никаких особых данных, заняла место Поскребыша. Просто одной повезло больше, чем другой, а с подобным не смиряются.

Поскребыш улыбнулась присутствующим. Все казались довольными и почти счастливыми. Значит, ее замысел сработал и ни Сценарист, ни Продюсер не почувствовали ее подставки, и проект Секс-символа будет приостановлен. По озабоченному виду Сценариста она поняла, что принято решение о доработке сценария, а это как минимум две недели. По нынешним меркам, когда весь фильм снимают за шесть недель, это треть съемочного периода.

Но ее главный расчет был в другом. Секс-символ не сможет сыграть любовь к молодому. Она будет кокетничать как старая идиотка с закатыванием глаз и подергиванием задницей. После просмотра материала это поймут и Продюсер, и Сценарист, и даже Режиссер. И тогда они вернутся к первоначальному варианту сценария, а это значит, что будут потеряны еще несколько недель. За это время Поскребыш не только закончит снимать свой «Пансионат для богатых», но и успеет к первым кинорынкам.

Секретарша молча приносila еще коньяк, печенье, кофе, и каждый раз Продюсер провожал ее взглядом. Высокая, гибкая, обтянутая дорогим шелком. Секретарши на свою зарплату не могут купить таких дорогих фирменных платьев. Поскребышу показалось, что все догадываются или даже знают, что Продюсер спит с секретаршой, ей почудилось даже, что секретарша беременна. Продюсер хотел детей, она не могла родить. Если женщина не рожает, мужчина уходит к другой, которая может родить, даже если и не очень влюблен. С возрастом мужчины смогут смириться со многим, но если некому оставлять заработанное, не стоит так много и работать. Конечно, могли быть и другие варианты. Например, усыновить или удочерить ребенка из детского дома от неизвестных родителей без гарантии наследственных заболеваний. Мог быть вариант, когда какая-нибудь женщина, так называемая суррогатная мать, забеременела бы от Продюсера, и тогда бы они усыновили ее ребенка. Но вряд ли найдется женщина, которая родит ребенка от Продюсера и отдаст его. Если женщина не идиотка, то быстро просчитает, что при продюсерской помощи вырастит и выучит ребенка, и сама проживет безбедно. А секретарша не идиотка, если, проработав всего полгода, поступила учиться на платное отделение Киноинститута и летала с Продюсером на

кинорынки во Францию и Америку.

Последние два фильма Продюсера не были убыточными, но и доходов не принесли. Продюсеру нужен был успех, а с проектом «Деловой женщины» можно было на успех рассчитывать. При успехе легче уходить от старой к молодой жене. Она, конечно, не старая, но для пожилого уже мужчины. Второй год Поскребыш более внимательно присматривалась к пятидесятилетним мужчинам, между прочим, интересуясь их женами, прикидывая варианты для себя. В нее еще вполне могут влюбиться, она хотела бы, чтобы влюбились, тогда бы она совершила этот безумный поступок: ушла бы от Продюсера к какому-нибудь бизнесмену. Круг претендентов за последние годы очень сузился. Пятидесятилетние актеры все реже уходили из семей, боясь нестабильности, потому что их меньше приглашали сниматься и меньше платили. Крупные ученые уезжали за рубеж. Она не хотела уезжать, потому что при таком варианте сразу превращалась только в моложавую, но домохозяйку, каких миллионы. Здесь же у нее было Актерское агентство — еще не раскрученный, не стабильный бизнес. Многие актрисы уже попробовали себя в ресторанном деле, но там существовала жесткая конкуренция, и она нашла для себя другую нишу.

Только начав читать сценарий «Деловой женщины», она поняла, что «Деловую женщину» будут сравнивать с «Пансионатом для богатых» — фильмом, в котором она была главной героиней. Даже самые тупые зрители, не говоря уже о критиках, поймут, что оба фильма сделаны по одной болванке. В «Деловой женщине» героиня получала фирму после смерти отца, в «Пансионате для богатых» врач пансионата, видя, что пансионат разваливается, берет кредит и выкупает пансионат, ремонтирует его, заменяет бездельников работающими, а старых и консервативных врачей — на молодых и профессиональных.

По-видимому, в России сформировался новый тип деловой женщины, если два разных сценариста в двух разных сценариях написали характер практически одной и той же деловой женщины.

И то, что Поскребыш прочитала в сценарии, она решила перепроверить по жизни. А в жизни подтвердилось, что многочисленные ведомственные, профсоюзные санатории, дома отдыха, пансионаты, пионерские лагеря без финансовой поддержки вначале временно закрывались, потом разрушались, разворовывались, а когда их пытались продать, уже никто не покупал, потому что восстановить старое было дороже, чем построить новое.

Директор фильма предложил режиссеру и оператору на выбор пять заброшенных санаториев и пансионатов, в которых можно было после небольшого декорирования снимать фильм. В нескольких номерах сделали косметический ремонт, и получились естественные интерьеры. Киногруппу можно было поселить в соседней деревне.

Она узнала, что бывшая барская усадьба — четырехэтажный корпус санатория — продавалась за смешную цену, и привезла опытного строителя, который составил смету на ремонт. Горничные, повара и медицинские сестры жили в соседних деревнях. Работы вокруг было не найти, и она поняла, что они согласятся работать за мизерную зарплату.

Из окон санатория был виден канал и плывущие по нему белые теплоходы.

— Эксклюзивный вид, — сказал директор фильма.

За эксклюзивность клиенты будут платить дополнительно. Она верила, что люди будут жить лучше и снова начнут отдыхать. А пока будет ремонтироваться корпус, можно открыть в пристройке ресторан. Она продумала все, вплоть до будущей рекламы, куда войдут живописные пейзажи.

Фильм, в котором собиралась сниматься Секс-символ, если не рушил, то расшатывал хорошо выверенную комбинацию со съемками фильма и будущим ее пансионатом. Могло обрушиться все сразу — и ее фильм, и дальнейшая совместная жизнь с Продюсером.

Она уже много раз убеждалась, что, если мужчина дважды терпел поражение, он становился осторожным. Предыдущий фильм Продюсера принес не только убытки, но и больно ударил по самолюбию. Значит, этот проект с Секс-символом он будет выверять особенно тщательно. Сценарист работает медленно, значит, у нее будет еще достаточно времени, чтобы закончить съемки своего фильма и отреставрировать корпус пансионата и

лодочную станцию. Она еще раз прошлась по всей цепи фильмопроизводства.

На следующий день она заехала к Елизавете домой. Сценарист после обсуждения сценария даже не попросил, а скорее потребовал, чтобы определились с конкретным актером, для которого он должен написать роль молодого влюбленного. Молодого влюбленного, естественно, вначале поручили поискать ассистентке режиссера.

Пока Елизавета готовила кофе, Поскребыш прошлась по комнатам. Они с Продюсером жили в просторной квартире дома с улучшенной планировкой — так назывались дома, которые строила для себя советская элита. Но поздняя советская элита и новые русские не дотягивались до большого стиля сталинской архитектуры. И она, и новые русские все равно будут завидовать сталинским вельможам, как завидуют американские миллионеры европейским обедневшим аристократам, которые живут в фамильных замках.

— Что ты думаешь о сценарии? — спросила Поскребыш.

— То же самое, что и ты, — ответила Елизавета.

Маршальскую дочь режиссеры приглашали редактировать, когда знали, что руководство кино будет заставлять их вносить поправки. Редактор, по должности — всегда представитель государства, получает приказ первым. Прогнется он сразу, по первому требованию, или будет отстаивать позицию режиссера, — от этого зависело многое. У редактора фильма были свои начальники — главный редактор объединения, главный редактор студии, редакторы Кинокомитета.

Маршальская дочь умела сопротивляться начальству всегда. Маршал-отец объяснил ей суть служебных отношений, когда она, закончив институт, пришла работать на студию.

— Дураки есть везде: как внизу, так и наверху. Если не согласна с приказом, выполните его, но обжалуй. Жалоб не любят как внизу, так и наверху. Всегда защищай друзей и единомышленников. Друзья — как именное оружие. Начальники приходят и уходят, а друзья остаются.

Елизавета поступаты маршала-отца восприняла буквально на первом же фильме. Режиссер возмущался, а она села рядом с монтажницей, вырезала все, что предписали вырезать, но тут же написала на главного редактора студии главному редактору Комитета по кино свое особое мнение, то есть выполнила приказ нижестоящего начальника и обжаловала этот приказ вышестоящему, охарактеризовав нижестоящего самодуром, пошляком, ничего, кроме вреда, не приносящим советскому кино.

На следующем фильме, получив замечание от главного редактора Комитета, она написала на него в Центральный Комитет партии, так как главный редактор Кинокомитета был номенклатурой ЦК партии.

И руководство к фильмам, где она была редактором, стало относиться с особым вниманием — никому не хотелось, чтобы в жалобе его назвали идиотом и вредителем. Зато режиссеры приглашали ее редактором в свои фильмы, потому что ее присутствие было гарантией, что к материалу не будут придираться по мелочам. Единого мнения о Елизавете в кино не сложилось. Одни считали ее дурой, другие — хорошо просчитывающей варианты.

Елизавета давно знала Поскребыша. Если та пригласила ее на фильм редактором, значит, от нее требовались определенные услуги. Раньше она знала, что, если режиссер приглашает ее редактировать фильм, этого режиссера и его фильм она должна защищать везде и всегда, даже если режиссер прав только отчасти и не прав во многом или если вообще не прав. Изучая историю кино, она уяснила: даже ошибка художника сегодня завтра может стать открытием в кино. Но теперь, когда все решали продюсер или инвестор, который давал деньги, Елизавета не знала, кого защищать, продюсера от режиссера или режиссера от продюсера. Она знала только то, что, если эту работу ей устроила Поскребыш, она должна внимательно выслушать ее пожелания.

— Мне интересно твое мнение о проекте, — сказала Поскребыш.

— Чего ты хочешь? — напрямик спросила Елизавета.

— Ты ведь знаешь, что я не только жена Продюсера, но и владелица Актерского агентства.

— Знаю, — подтвердила Елизавета.

— Мне бы хотелось, чтобы актеры моего Агентства получили роли в этом фильме.

— Если хочешь, значит, получат, — не отрицая, но и не утверждая, ответила Елизавета.

Наверное, в этот момент Поскребыш подумала, что Елизавета не так уж и глупа.

Они помолчали, покурили, прихлебывая кофе. Первой все-таки не выдержала Елизавета и спросила:

— Кого ты толкаешь?

— Никого конкретно.

В это Елизавета не поверила.

— А кого неконкретно? — спросила она, попытавшись вспомнить, что слышала о Поскребыше в последние месяцы. И только сейчас осознала, что никогда не слышала о любовниках Поскребыша. Только о ее мужьях. В кино в последние годы что-то менялось — актрисы реже выходили замуж за актеров. Выходили замуж за модных хирургов, за крупных государственных чиновников, за деловых и крутых. Наверное, любовники тоже были из этих же кругов. Или Поскrebыш стала исключением и влюбилась в молодого актера, которому собиралась протежировать? Если это так, то этот актер сейчас и вычислится.

— А неконкретно я хотела бы, чтобы главную роль получил Стас.

В сценарии были две главные роли: для Секс-символа и актера пятидесяти лет. Стас Мамин стал известным, исполняя роли тинэйджеров, и сейчас в свои двадцать пять выглядел на восемнадцать.

— Для него нет главной роли, — ответила Елизавета, но тут же поправилась: — Можно, конечно, для него и дописать роль.

— А почему он не может быть влюблен в Секс-символа? — поинтересовалась Поскребыш.

— Не может, — отрезала Елизавета, потому что он моложе ее на пятнадцать лет, а выглядит моложе на все двадцать.

— На десять, — поправила Поскребыш.

— Секс-символ и по роли, и по жизни не будет связываться со щенком.

— Она не будет, а щенки будут, — возразила Поскребыш. — Щенкам нравятся взрослые суки.

— Ты не собачница и не знаешь, что, если суку достает щенок, она так может тяпнуть, что мало не покажется.

— А кобель? — спросила Поскребыш.

— Кобель никогда не тронет ни суку, ни щенка.

— Спасибо за консультацию по собакам, — поблагодарила Поскребыш, и переменила тему разговора. — Секс-символ — по сценарию учительница, а Стас вполне мог быть ее учеником. Он закончил институт или университет, стал экономистом и работает в компании, которая досталась Секс-символу по наследству. Мальчик когда-то, вернее, совсем недавно был влюблен в учительницу математики. Он влюблен в нее и теперь помогает ей даже тогда, когда от нее почти все отвернулись. Это же трогательно. Она, конечно, сопротивляется вначале, а потом тоже влюбляется.

— Понятно, — сказала Елизавета. — Она переспит с мальчишкой и наконец разделется и покажет свои сиськи.

— Да, — согласилась Поскребыш. — Зритель с самого начала будет ждать: разделенется или не разделенется? Зрителей нельзя обманывать.

— Мальчик будет выглядеть почти как ее сын. Нехорошо, когда мать спит с сыном.

— Он спит с учительницей. Миллионы мальчишек хотят переспать со своими учительницами.

— Я поняла, — сказала Елизавета.

— Что ты поняла?

— Что надо поддерживать Стаса, а не этого старого мудака.

— Никого не надо поддерживать, — рассердилась Поскребыш. — Я тебя хочу убедить,

что Стас — лучшая кандидатура, ради него можно и переписать эту любовную линию, потому что Стас как актер выше и Секс-символа, и ее партнера.

— А кто против Стаса? — поинтересовалась Елизавета.

— Никто.

— Для чего тогда ты меня убеждаешь?

— Для того, чтобы убедить.

— А если я не убежусь?

— Тогда Стас не будет играть в этом фильме.

— Мое мнение так важно?

— Конечно, — уверенно произнесла Поскребыш.

Елизавете вдруг захотелось прилечь на диванчик возле окна. Когда она чего-то не могла понять, ей хотелось спать. Наверное, защитная реакция организма. Надо принимать решение, а оно не принимается, и организм просит передышку.

— Стасу сценарий показывали? — спросила она.

— Нет конечно. Ему еще ничего показывать. Роль на него еще надо переписывать. А как переписать, это ты должна внушить Сценаристу. Мне кажется, он тебе когда-то нравился, да и ты ему по-прежнему нравишься, я это поняла, когда увидела, как он смотрел на твою задницу.

— Когда? — удивилась Елизавета.

— На обсуждении сценария.

— Да я старая.

— Как это старая, мы с тобою ровесницы, а я собираюсь еще раз выходить замуж, и этот раз может быть не последним.

— Ты думаешь, что секретарша?.. — спросила Елизавета.

— Чего тут думать, если даже ты почувствовала, хотя видела ее не больше двух раз!

— Три раза. Они все спят с секретаршами, но не все женятся на секретаршах, — заметила Елизавета.

— Не все, но многие...

— Раньше, когда мужик женился на секретарше, то ставил на себе вечное клеймо: «Что с него взять, он же женился на секретарше». У таких людей прекращался карьерный рост.

— Сейчас на это никто не обращает внимания.

— А если я ему скажу: давай обсудим сценарий, а он мне ответит: а пошла бы ты, Лиза, подальше, когда напишу, тогда и обсудим?..

— А ты не говори, что надо обсудить сценарий. Скажи, что надо встретиться.

Ассистент по актерам

Пухленькая, голубоглазая, с белокурыми кудряшками, со вздернутым носиком, она в пятилетием возрасте бойко читала стихи, в десять лет пела «Валенки» из репертуара певицы Лидии Руслановой, и родители верили, что она станет артисткой. К семнадцати годам, когда заканчивала школу, она вытянулась и уже носила лифчик четвертого размера, до которого добирались только сорокалетние и родившие по двое-трое детей.

Может быть, ее взрослое тело и привлекло старого актера, который набирал курс в Институте кинематографии. Он понял, что ошибся, в конце первого курса, но она уже понимала, что нравится актеру, и, найдя повод, приехала к нему домой, зная, что его жена, актриса, на киносъемках в Ялте. В общежитии ее научили надежным способам предохранения. Так она стала любовницей мастера актерского курса. Он не отчислил ее и после второго курса. Два оставшихся года она протянула; в дипломном спектакле мастер дал ей роль, где нужно было петь, и за неплохое пение ей многое простили и выдали диплом.

Она показывалась в пяти московских театрах, но ее не взяли нигде. Некоторое время она получала актерскую зарплату в Театре киноактера и озвучивала монгольские и вьетнамские фильмы: у нее был высокий голос, а режиссеры дубляжа считали, что такими

голосами должны говорить восточные женщины.

Однажды ее пригласили сниматься в эпизоде у начинающего режиссера. На режиссера-постановщика она не произвела никакого впечатления, но понравилась второму режиссеру, который выполнял всю подготовительную работу за режиссера-постановщика. Второму режиссеру было за сорок. Невысокий, очень требовательный к другим, он был снисходительным, когда у нее не получалось, и даже репетировал с нею отдельно.

Второй (она так и называла его — Второй) пригласил ее к себе домой в двухкомнатную кооперативную квартиру. Квартира ей понравилась, потому что она снимала комнату в коммунальной квартире и спала на старом диване. У Второго была удобная большая кровать. Она стала жить у Второго, а когда он предложил ей выйти замуж, согласилась. А чего не выйти? Больше не надо было снимать комнату и постоянно думать о заработке. У Второго была хорошая репутация, и его постоянно приглашали на съемки фильмов. Он не пил, был четок, помнил все, что требовалось для съемок, и никогда не конфликтовал с режиссерами-постановщиками, однажды решив, что если он второй, то с первыми, даже бездарными и пошлыми, спорить не стоит. И она стала сниматься — в каждом фильме находилось несколько эпизодов с участием подруг, сослуживиц, соседок главной героини или дальних родственниц главного героя.

На съемках одного из фильмов у нее возник роман с оператором-постановщиком. Она не знала, что у оператора на каждой картине возникает роман с актрисами на неглавных ролях, и почему-то решила, что оператор в нее влюблен и готов уйти от жены. Но оператор от жены не ушел, а Второй не простил ей такой откровенной измены. Они разменяли двухкомнатную квартиру на две однокомнатные. В это время в Ташкенте Режиссер снимал фильм, и ему требовался ассистент по актерам в Москве. Так она стала ассистентом Режиссера. Она связывалась с актерами, отправляла их на съемки, находила замены и показала себя исполнительной и четкой. Режиссер пригласил ее и на другую свою картину. Конечно, она переспала с Режиссером несколько раз, но секс Режиссера привлекал только в промежутках между работой, а когда он не работал, то жил дома, и жена отслеживала каждый час его пребывания вне дома.

Режиссер снимал в основном в Средней Азии, а сниматься в жару в Ташкенте или Душанбе — удовольствие ниже среднего, да и деньги не такие уж большие. Режиссер снимал фильмы, которые на кинофестивали не посыпали, премий за них не давали. Но она всегда находила актеров, в основном из Театра киноактера, еще никому не известных или когда-то давно известных всем, а сейчас пьющих или больных. Но если организовать съемки так, чтобы роль можно было отснять за неделю, то неделю выдерживал и алкоголик, и больной.

Сейчас, когда бывшие союзные республики стали самостоятельными государствами и кино снимали национальные кадры, ее Режиссер уже давно был в простое и она тоже. Конечно, она подрабатывала дубляжем, но приглашали редко. Она уже полгода не платила за квартиру и подсчитывала, во сколько ей обойдутся штрафные санкции жилищно-коммунальной конторы.

В начале года, когда начинаются подготовительные периоды на многих картинах, она надеялась, что если кто-то из ассистентов заболеет, то пригласят ее, но никто не заболел, не забеременел, не попал в автокатастрофу. В начале лета начались съемки сразу семи фильмов и пяти на студии имени Горького, но режиссеры были все в возрасте, имели постоянные группы, пробиться в которые было невозможно.

Она и сама держалась за своего Режиссера, который заменял многим одиноким женщинам и мужа, и брата. Когда он начинал снимать фильм, то собирал постоянную свою команду и работа начиналась сразу, все знали слабости и сильные стороны каждого.

Но прошли зима, весна и лето, Режиссер не звонил, а когда звонила она, то он говорил, что пишет мемуары. Впереди были осень и зима, и никаких предложений.

Она продала все, что можно было продать в комиссионном магазине. Ее подруга убирала квартиры у новых русских и устроила ей уборку одной из квартир. Но во время уборки к хозяйке заехала Секс-символ. Она ушла в дальнюю комнату, потом долго мыла

ванную и туалет, только чтобы не встретиться с Секс-символом. Она училась с ней и с Поскребышем на одном курсе, поняла, что конкурировать на экране и сцене с ними не сможет, но вот в постели — вполне. Она спала с актером, за которого Секс-символ вышла замуж, она спала и со вторым мужем Секс-символа, Режиссером, а один из мужей Поскребыша хотел даже уйти к ней, но ушел к другой.

Она встала поздно, выпила кофе и вышла на балкон покурить. Ей вдруг захотелось плакать. Неужели в тридцать семь лет закончилась жизнь и ничего больше не будет? И тут зазвонил телефон. В первой половине дня, когда люди работают, ей звонили редко. Голос Режиссера она узнавала еще до того, как тот произносил первое слово. Он всегда выдерживал паузу, прежде чем сказать это первое слово. Тоже режиссура.

— Приезжай в продюсерскую компанию и возьми сценарий «Деловая женщина» у Толстых.

Хорошему ассистенту не надо объяснять, где находится компания и кто такой Толстых. И совсем не потому, что она училась в институте в те же годы, что и этот толстый тогда мальчик. Она знала всех актеров, которые учились за двадцать лет до нее и через двадцать лет после нее.

Она встала под душ. Ванную комнату вместо плитки она облицевала зеркалами. Со всех сторон на нее смотрела молодая женщина с крепкой и совсем не жирной попкой, округлым животиком, который еще возбуждал мужчин. Конечно, не помешало бы подтянуть грудь и убрать намечающуюся складку под подбородком. Будет работа, будут деньги — сделаю подтяжку, подумала она.

Из душа она вышла молодой и стремительной. Достала легкие шелковые трусики, которые не просматривались под платьем, надела чулки, туфли, которые надевала только раз прошлой осенью, и они смотрелись, как новые.

Кожаная сумка-портфель, слегка поношенная, как и положено быть дорогим кожаным сумкам, часы, к сожалению, советские, стандартные. В сумку побросала сигареты, зажигалку, записную электронную книжку, флакончик пробных духов, гигиенические салфетки, пачку из двух презервативов. Начиналась работа, и надо было быть готовой к неожиданностям, иногда даже приятным.

Она прошла до метро. И экономия денег, и надо как можно больше двигаться. И когда женщина идет одна, не очень торопясь, готовая с улыбкой ответить на вопрос о времени, об адресе ближайшего универмага или подтвердить, что сегодня хорошая погода, может возникнуть неожиданное знакомство. Этот ее маршрут был счастливым. На нем она трижды знакомилась с мужчинами. Нет, знакомилась она с десятком, не меньше, но остались трое, вернее, один остался почти на два года, от одного осталась замечательная поездка на Канарские острова, от другого — старые «Жигули». Он выписал на нее доверенность на три года. Через три года она пыталась найти его, чтобы продлить доверенность, но не нашла. Еще два года она ездила по просроченной доверенности, а потом продала машину за триста долларов на запасные части в автомастерскую во дворе своего дома.

Она шла по аллее. На скамейках сидели пенсионеры, молодые матери с детьми в колясках, вышедшие уже на вторую за этот день прогулку.

Продюсерская компания располагалась в старом здании бывшей фабрики. Большой цех стал центральным офисом для все увеличивающегося вещания телевизионного канала.

Пропуск она заказала через секретаршу Продюсера из дома по телефону.

Молодые охранники провожали ее взглядами — она это чувствовала почему-то копчиком.

В приемной Продюсера сидела курносая, сероглазая, с пепельной косой, очень большой, но не силиконовой грудью секретарша. Настоящая русская красавица, таких всегда любили еврейские мужчины.

Красавица улыбнулась ассистентке и сказала:

— Вас просила зайти в Актерское агентство Людмила Ивановна.

Поскребыш имела имя и отчество — Людмила Ивановна. Легкое беспокойство

сказалось на частоте пульса. Зачем? ИграТЬ?! Она еще в институте поняла, что не станет знаменитой актрисой и вообще знаменитой, и всегда удивлялась, что ее помнили известные теперь актеры и режиссеры, с которыми она, если не училась на одном курсе, то несколько лет встречалась в коридорах общежития, в студенческой столовой или плавательном бассейне «Чайка» — студентам давали абонементы на самые ранние утренние часы и самые поздние вечерние.

Секретаршей у владелицы Агентства была огромная мосластая девица почти двухметрового роста. Или телохранительница, или лесбиянка? Хотя Поскребыш пользовалась даже бо́льшим успехом у мужчин, чем Секс-символ десятилетия.

Поскребыш вышла из-за стола и подошла к ней. Тоненькая, в костюмчике от Кардена, она обняла Ассистентку, и они коснулись друг друга щеками, сокурсницы и почти подруги.

— Ты по-прежнему в замечательной форме, — сказала Ассистентка.

— А ты по-прежнему восхитительна в своих формах. Какая грудь! А о такой заднице, как у тебя, можно только мечтать.

— Ты свои мечты осуществила самой первой. И остаешься самой первой по-прежнему.

— Второй, — возразила Поскребыш. — Первая у нас — Секс-символ десятилетия. Кстати, сценарий, который тебе дали, написан специально для нее. Прочтешь, позовни. Мне интересно твое мнение.

— Обязательно, — пообещала Ассистентка.

— Завтра между двенадцатью и часом, сюда, в Агентство, — уточнила Поскребыш.

Это был уже приказ. Ассистентка насторожилась. Поскребыш мгновенно поняла, что выбрала неверную тональность, и тут же поправилась:

— Толстых вкладывает деньги в этот проект, поэтому ему, да и мне тоже, не безразлично, что получится в сухом остатке. Исполнители должны быть экстра-класса. Я готова помочь актерами из своего агентства.

— Поняла, — ответила Ассистентка, хотя на самом деле ничего не понимала. Поскребыш готова помогать Секс-символу? Никогда! И почему так важно ее мнение? Ассистент ничего не решает, ее мнение всего лишь рекомендательное, а Поскребыш в рекомендациях не нуждалась.

Тем временем Поскребыш достала из стола коробочку, обтянутую кожей, и протянула Ассистентке.

— Мой презент, — сказала она. — Передариша. У меня уже есть такие. Швейцария.

Поскребыш достала часы и показала: на ее руке, на точно таком же браслете, была копия плоских маленьких часов из коробочки.

Ассистентка отстегнула толстенькие часы Пензенского часовного завода и надела новые.

— Замечательно смотрятся.

На полной руке Ассистентки часы смотрелись сверкающим символом роскоши и богатства.

На протяжении съемок фильма они встречались еще несколько раз, но никогда Ассистентка не видела у Поскребыша точно таких же часов. У нее, конечно, было много часов, и она их никогда не носила подолгу. Ассистентка и подумать не могла, что это особый прием, как шуба с царского плеча. И тогда, как и сегодня, такими подарками гордились.

Ассистентка вышла из актерского агентства взволнованной. Ее помнили, ей сделали подарок, от нее чего-то хотели. Она пока не понимала, чего, а если не понимала, то начинала нервничать. Чтобы успокоиться, она села на скамейку в скверике и закурила. Старики-пенсионеры смотрели на нее с явным осуждением. Одна из старух выжидала несколько минут, считая, наверное, неприличным делать замечания сразу, и затем сказала:

— Будешь курить — сбледнеешь с лица.

— Пошли ты, старая, на х... — ответила Ассистентка, зная, что, когда старух посылаешь, они мгновенно замолкают от удивления и возмущения. Потом, правда, начинают кричать и даже пытаются ударить. А почему, собственно, не ударить женщину, которая

позволила себе такие слова?

Ассистентка, чтобы предотвратить крик, встала со скамейки, обозвала старуху старой идиоткой и пошла к троллейбусной остановке. Ей была необходима разрядка, и она поехала в Дом кино, прикидывая, хватит ли у нее денег на кофе и стакан минеральной воды.

И хотя в Доме кино еще не начинался вечерний показ новых фильмов, но ресторан и буфеты на этажах работали, в фойе Белого зала за столиками сидели актеры, вернувшиеся с гастролей и киноэкспедиций. Ее обнял типичный эпизодник — большой, толстый, нелепый. От него несло коньяком. Ей тоже хотелось выпить, и она применила старый испытанный прием. Внимательно осмотрев актера, Ассистентка спросила:

— У тебя телефон не переменился? У меня сценарий, мы уже в запуске.

И она встала в небольшую очередь к буфетной стойке.

— Тебе чего? — спросил актер.

— Я возьму сама.

— А я для чего?

Актеру не терпелось узнать, о чем сценарий, на какую роль он может претендовать и кто режиссер. Сам напросился. Ассистентка продиктовала:

— Капуччино, коньяк, бутерброд с семгой.

Конечно, она его выставляла. Но в Москве, без командировки, в эпизоде, она всегда сделает ему две-три киносмены. Актер это знал и за все заплатил.

— Про что сценарий? — спросил актер.

— Ты можешь сыграть все, — ответила Ассистентка. — Тебе дублер не нужен? Ты машину водишь?

— Обижаешь! Хоть на «Формулу-один».

Ассистентка выпила пятьдесят граммов коньяку, достала сигарету, закурила. Теперь она была готова обещать все и всем. И вспомнила главный принцип ассистентов: «Рекомендовать, но не настаивать».

Режиссер

Когда несколько лет живешь, считая деньги, то от счета устаешь. Вначале радуешься: удачно купил, экономия в несколько рублей. И привыкаешь считать все и везде. И даже хлеб покупаешь не рядом с домом, а в киоске возле хлебозавода — всегда свежий, а свежий хлеб хранится дольше, и от него практически не бывает отходов, как у соседей, которые кормили на даче кур черствым хлебом.

Но всегда наступал момент, когда экономия становилась тягостной и нестерпимо хотелось хорошего коньяка, хороших сигарет, хорошей еды.

Сегодня все это он мог себе позволить. Он получил аванс в продюсерской компании и решил пообедать в Доме кино, получая удовольствие уже от мысли, что через сорок минут выпьет холодной водки, закусит селедочкой и грибочками и съест большой кусок жареного мяса — «филе по-суворовски». Вряд ли маленький ростом, но великий полководец ел такие большие куски мяса, скорее всего, однажды такой большой кусок мяса какой-то повар назвал «филе по-суворовски», и название закрепилось.

Перед выездом из дома он позвонил Ассистентке по актерам и, уловив в ее голосе некую озабоченность, спросил:

— Есть проблемы?

— Скорее непонятность.

— Можешь приехать сейчас в ресторан Дома кино?

— Прилечу на крыльях.

Непонятности и неопределенности Режиссер снимал сразу. К тому же завтра он собирался говорить с Ассистенткой об актерах, так почему бы не поговорить сегодня.

Продюсер просил передать список актеров на роли. В службе маркетинга уже прочитали сценарий и тоже ждали этот список, чтобы отправить на экспертизу. Эксперты

дадут заключение, на какую зрительскую аудиторию можно рассчитывать при показе в кинотеатрах, сколько приблизительно зрителей посмотрят фильм с таким сюжетом и с такими актерами. Эксперты давно выявили закономерности, о которых не думали ни сценаристы, ни режиссеры. Десятые доли процента давали дети, если они присутствовали в фильме. Собаки давали сотые доли процента. В сценарии должны быть расставлены десятки приманок, которые вызвали бы интерес зрителя.

В этом сценарии явной приманкой была Секс-символ десятилетия. Фильмы, в которых она обнажалась, знали, и наверняка будут ждать, что она снова разделется. Надо настаивать, чтобы все-таки разделась, тогда зрители уйдут из кинотеатра с ощущением, что их не обманули.

А справится ли Секс-символ с главной ролью? Режиссер завидовал другим режиссерам, которые снимали актеров провинциальных театров, делая из них кинозвезд. Но, чтобы снять никому не известного провинциала, надо его любить, а для пробивания быть абсолютно уверенным, что эту роль сыграет только этот и никакой другой актер.

Режиссер никогда не был уверен в своей абсолютной правоте, поэтому предпочитал снимать актеров, проверенных на других фильмах. У него соглашались сниматься будущие звезды, но на его фильмах звездами не становились: он не мог предложить им интересных ролей, потому что, снимая в Ташкенте или Минске, брал сценарии местных авторов.

На гонорары с двух первых фильмов Режиссер достроил дачу, но еще предстояло купить «Волгу», поменять квартиру с однокомнатной на трехкомнатную. Он и не заметил, как критики перестали считать его подающим надежды режиссером и перевели в разряд крепких профессионалов, которых надо распинать при неудачах и не замечать при полуудачах.

Иногда критики вспоминали его первый фильм, потому что он начал одновременно с несколькими, теперь уже очень известными режиссерами. О нем вспоминали по той первой картине с несколькими фестивальными призами. Он надеялся, что этот фильм он снимет так же, как когда начинал, — раскованно и современно, потому что сценарий был почти современным, а Секс-символ — почти молодой женщиной. Конечно, роль этой бизнес-вумен должна играть актриса до тридцати, но почти сорокалетняя Секс-символ выглядела на тридцать или почти на тридцать. Режиссер, конечно, понимал, что молодые женщины, а не почти как молодые, и смотрелись по-другому, и ходили не так. Каждое поколение искало свой стиль, дочери не хотели походить на матерей.

Режиссер понимал, что отказаться от Секс-символа он не может, как отказывались другие режиссеры от навязываемых им актрис, припомнив условия контракта: в главной роли снимается Секс-символ, и если по каким-то причинам продюсерская компания отказывается от ее услуг, то Секс-символ забирает сценарий, потому что она соавтор по сценарию и автор идеи и сюжета. К тому же она нашла инвестора, который оплатит почти треть стоимости съемок фильма. Но если из продюсерской компании уйдет Секс-символ со сценарием и деньгами инвестора, то от его режиссерских услуг откажутся тут же и, может быть, даже потребуют вернуть полученный аванс.

И Режиссер перестал думать, что откажется от услуг Секс-символа, и стал перебирать в памяти пятидесятилетних актеров. Лучше, если в Секс-символ влюбится пятидесятилетний. В кино всегда существовало десятка два великолепных пятидесятилетних актеров. Еще Режиссер подумал, что если считать по гамбургскому счету, то и больше двух десятков писателей не насчитаешь, и режиссеров тоже. Он в эту двадцатку не входил.

Секс-символ все рассчитала, договорясь заранее со Сценаристом, что влюбленный в нее мужчина будет пятидесятилетним. Для него она молодая и желанная. И пятидесятилетних актеров больше, чем сорокалетних, потому что, если актер не приобрел известности к пятидесяти, он эту известность не приобретет никогда.

То, что в новом варианте сценария появится молодой влюбленный, смущало режиссера. Он пока не понимал, что из этого получится. Режиссер позвонил жене, сообщил,

что не приедет на дачу и останется ночевать в городе, так как переговоры могут затянуться. Ему хотелось нормальной вольной мужской жизни. Он поужинает с Ассистенткой, отвезет ее, переспит с нею, если получится, то и два раза, и к двенадцати ночи вернется в свою квартиру. Режиссер никогда не водил женщин к себе домой. Сняв несколько детективов, он уяснил, что после каждого преступления остаются следы. Он боялся огорчить жену. Она верила в его верность, в него все еще не раскрывшуюся гениальность и в его огромные сексуальные возможности.

Режиссеру нравилось заниматься любовью при ярком освещении. Жене — наоборот, только в темноте.

Они пошли на взаимные уступки, и уже много лет жена прикрывала ночник газовой косынкой, считая, что создает таким образом романтический полумрак.

В одном из своих фильмов в любовной сцене, несмотря на протесты кинооператора. Режиссер тоже создал полумрак при помощи газовой косынки, но в лаборатории по обработке пленки посчитали этот эпизод техническим браком.

К Дому кино он подъехал еще до часа пик и, паркуясь, отметил, что, кроме его «Волги», на стоянке нет ни одной машины советского производства. Стояли два «форда», «фольксваген-гольф», «октавия», «тойота». Все подержанные, но, поездив на иномарках, кинематографисты предпочитали подержанные иностранные машины новым советским «Жигулям» и «Волгам». Сниму этот фильм и обязательно куплю иномарку, решил Режиссер.

Дом кино закрывался на лето. Летом кинематографисты разъезжались на съемки, а ресторан работал почти всегда, но в этот час пустовал.

Режиссер увидел знакомого артиста, который потягивал водку, закусывая селедочкой. Артист давно задолжал ему еще советских двадцать пять рублей, поэтому сделал вид, что не заметил Режиссера. Еще в ресторане за столиком на двоих сидела молодая пара. Режиссер отметил на парне дорогие швейцарские часы, как всегда замечал дорогие часы, авторучки, обувь, галстуки. Если вещи были старомодными, но дорогими, это означало, что человек давно жил обеспеченно, что вызывало уважение.

Ассистентка помахала ему, демонстрируя в улыбке великолепные фарфоровые зубы. Режиссер от своего приятеля, врача-стоматолога, знал, что у сорокалетнего мужчины или женщины не бывает великолепных зубов. Если зубы белые и ровные, значит, фарфор или керамика.

Сниму фильм и поставлю себе фарфоровые зубы, решил он. Но на новые зубы, на подержанную иномарку, на ремонт дачи и шубу для жены гонорара могло не хватить.

Ассистентка выбрала столик за колонной, чтобы каждый входящий в ресторан не натыкался на них взглядом. Она знала о патологической ревности жены Режиссера, которая когда-то тоже работала в группах, ездила в киноэкспедиции и не могла не знать, что, если мужчина работает с женщиной на нескольких картинах, а женщина молода и привлекательна, мужчина переспит с этой женщиной. Но это совсем не значит, что они станут любовниками. Женщина может отказать, и на нее не обидятся. Но в киногруппе существует иерархия, и на самой вершине этой пирамиды стоит режиссер. Он первый среди мужчин и почти всегда выделяет одну фаворитку. Она становится главной женщиной на время киноэкспедиции, но с окончанием киносъемок ее фаворитство заканчивается, и ее уже не приглашают работать или сниматься в следующем фильме.

Ассистентка сохранила отношения с Режиссером, потому что, переспав с ним, не требовала, чтобы он снимал ее в главных ролях, а когда стала Ассистенткой, служила ему верно, ждала, когда он начнет снимать, и не уходила работать в другие киногруппы к более известным режиссерам.

О вкусах Ассистентки он помнил, и это ее обрадовало.

— Шашлык? — спрашивал он, и она кивала.

— Коньяк?

— Сыр?..

— Лимон?

— Лобио?

— Капучино?

Себе он заказал рюмку водки, грибочки и филе по-суворовски. Как только официант отошел, они закурили, и он спросил:

— Так какие проблемы?

— Мне кое-что непонятно, — ответила Ассистентка и показала на часы. — Поскребыш подарила.

Режиссер молчал, осмысливая услышанное. Поскребыш всегда была меркантильной, и, когда ее о чем-то просили, всегда задавала встречный вопрос:

— А что с этого будет иметь Маруся?

Себя она называла Марусей, так ее стали звать и другие, пока Секс-символ не назвала ее Поскребышем. И более точное Поскребыш перебило ее Марусю.

— Чего она хочет? — спросил Режиссер.

— Не поняла.

— Если главную роль, то сегодня больше решает продюсер, а не режиссер. Ей надо с мужем говорить. Как у них отношения?

— Чтобы у него был роман с кем-то из актрисулек, я не слышала.

— А как он?..

— Как все мужики к сорока годам.

— К сорока я был надежен.

Ассистентка улыбнулась, что можно было расценить как согласие с данным утверждением или — мели, Емеля, твоя неделя. Она-то знала о режиссерской надежности: в понедельник она вышла на работу в киногруппу, а в пятницу он уже переспал с нею. Тогда Режиссеру не исполнилось сорока, а недавно он отметил свой первый юбилей. А счастья нет, и славы нет. И когда называешь фамилию Режиссера, люди начинают задумываться, фильмы снятые им, не вспоминаются.

— Чего хочет Поскребыш, определится в ближайшие дни. Она всегда была нетерпеливой, — сказала Ассистентка.

— Была, — согласился Режиссер, — но все меняются.

— Ничего не меняется, — ответила Ассистентка, прозрачно намекнув, что готова его принять. Ей очень не хотелось после сытного обеда ехать домой на метро, а Режиссер никогда не подвозил, если ехал в другую сторону.

— Тогда поехали, — предложил Режиссер.

У себя дома Ассистентка сбросила платье, трусики, лифчик уже в передней и прошла в ванную. Она могла не опасаться за свою спину и ягодицы. На спине нет складок жира, а на ягодицах целлюлита. Душ она приняла за несколько секунд, зная привычку Режиссера мгновенно засыпать в кресле.

У Режиссера был запас времени — из ресторана они уехали раньше, чем он рассчитывал. «Я делаю это по-мужски медленно, не торопясь». Эту фразу по совету психотерапевта Режиссер мысленно тоже произносил с паузами. Взглянув на часы, он понял, что успевает еще поспать больше часа, прежде чем сесть за руль машины, и заспешил. И Ассистентка заспешила тоже. «Актриса! Хорошо имитирует», — подумал в этот момент Режиссер и предупредил:

— Поставь будильник. Полтора часа мне будет достаточно, — и, засыпая, подумал, что Ассистентка не будет спать, а пойдет мыть на кухню посуду.

— Подумай о молодом партнере для Секс-символа, — напомнил он. — Это должен быть очень хороший актер, потому что хороший актер всегда подтягивает до вполне приличного уровня свою партнершу.

— Искать из молодых звезд? — спросила она.

— Может быть, и из звезд...

— А чего искать? — спросила она. — Поскребыш сама назвала Стаса.

— А чего ты про это не сказала?

— Не было повода. Ты спросил, я и сказала.

— Можно и Стаса, — согласился Режиссер и тут же уснул.

Секс-символ

Утро на даче она начинала с полива своего огорода. Посчитав стоимость выращенных огурцов, помидоров, картофеля, свеклы, капусты, репы, лука, чеснока, клубники, мацены, черной и красной смородины и потраченного времени на прополку, обработку и поливку, она давно пришла к выводу, что сельскохозяйственный труд непроизводителен. Все выращенное и собранное по стоимости не превышало трех ее съемочных смен. Но работа на даче заменяла ей занятия в тренажерном зале.

Как только она появилась на огороде, из маленького домика на краю ее дачного участка вышла жена переселенца. Секс-символ скрестила руки, как делают такелажники, показывая «стоп», а ее жест означал, что помочь не требуется, ей необходимо побывать одной. Теперь, пока она не уйдет в дом, на участке никто не появится.

Секс-символ любила думать за работой, лучше всего механической, когда поливала грядки, гладила или стирала. Конечно, гладила она не больше десяти минут, столько же уходило на стирку трусиков, мачек, — все интимное она стирала сама.

В данный момент ее беспокоила одежда, необходимая ей по роли. Вначале она — учительница в стандартных костюмах, кофтах, блузках и юбках. Но потом она должна переменить все: прическу, одежду, манеру двигаться, говорить, по сути, ей придется играть двух женщин, внешне похожих, но очень разных. На «Мосфильме» почти не осталось блестящих художников по костюмам, которые могли, разрушив привычный стереотип, создать оригинальный вариант, к какому привыкла актриса и приучила зрителей.

Обычно Секс-символ подсказывала художнику идею костюма. Перебирая в памяти знакомых деловых женщин, она не могла вспомнить, какие у них фигуры. Они не носили ни платья, ни шерстяные кофты, даже зимой. Какие-то деловые костюмы, но — какие? И деловые мужчины не запоминались своей одеждой. Какие-то строгие костюмы, темные, темно-серые, дорогие галстуки, дорогая обувь. Они не выделялись оригинальностью. Выделялись другие, стандартно одетые из магазинов готового платья. Они и одежду донашивали соответствующую: югославские или финские костюмы, сохранившиеся у них еще с советских времен.

Художники часто предлагали одежду, уже использованную в других фильмах, естественно, побывавшую в прачечных и химчистках, но для нее весь гардероб придется шить на заказ. Где? Сегодня мест, где могли хорошо пошить, было уже много, как и стоматологических кабинетов, но хороших портных, как и хороших стоматологов, все равно не хватало.

Она припомнила, как одевается Поскребыш, давно уже бизнес-вумен. Но Поскребыш не нашла свой новый деловой стиль, а лишь подправила прежний, спортивный.

Закончив полив, Секс-символ вернулась в дом, пометила в блокноте:

- 1) Одежда — художник;
- 2) Портной.

Хотя известность она получила, снимаясь обнаженной, одежда придавала ей уверенность. Казалось бы, неважно, во что ты одета, если все ждут, когда ты разденешься. Но хорошая одежда, в меру облегающая, помогала Секс-символу. Качественную одежду оператор и режиссер, а потом и зритель, вынуждены будут рассматривать. Раздеваясь на экране, она как бы медленно входила в холодную воду. Но в «Деловой женщине» она не будет раздеваться, хотя Сценарист и должен предусмотреть такую сцену, если она пересмотрит свое решение больше не сниматься обнаженной.

Учительницы не меняют каждый день платья или костюмы. Те, кто постарше, меняют

блузки, а кто помоложе, майки.

Наверное, когда учительница войдет в офис будущей своей компании, она в первую очередь обратит внимание, как одеты хорошо зарабатывающие женщины. Сценарист — мужчина и не понимает, что женщина всегда и всюду сравнивает себя с другими. Если женщина не обращает внимания на свою одежду и одежду других, значит, она или очень умна, или очень уродлива. Секс-символ была красивой и сексапильной, но она старела, а значит, должна была видеть в каждой более молодой женщине соперницу. По сценарию ей было тридцать. В тридцать красивые женщины еще без комплексов. К тому же она попросила Сценариста количество женщин свести до минимума — все внимание должно быть сосредоточено на ней. Теперь было решено, что в фильме появится не только молодой фан, влюбленный в нее, — нужна будет и молодая соперница, придется взять молоденькую средненькую актрисульку. Не всегда же побеждает молодость, часто верх одерживают красота и опыт. И зачем любовная интрига, если хватает интриг чисто служебных? Но ее убеждают, что, конечно, зрители будут следить, может ли победить женщина мужчин, но самое интересное для них — когда женщина побеждает соперницу. В сценарии пока лишь доказывалось, что она может победить мужчин, исходя из своей бытовой женской и учительской логики и преподавательского опыта. Ведь ученики всегда пытаются обманывать учителей, она и сама знала о десятках уловок.

Секс-символ сделала в блокноте еще одну пометку:

3) уловки мальчишек и взрослых. Поговорить со Сценаристом и консультантом.

Вроде бы она все уже сделала. Нашла часть денег на съемки. Юрист составил договор так, что, если ее не захотят снимать, она уйдет из продюсерской компании со сценарием и деньгами. Но беспокойство все-таки оставалось. Продюсер ее опередил и предложил режиссера, у которого она никогда не снималась. Судя по его фильмам, он подвержен влиянию и мог менять свое мнение. Она не знала оператора, из молодых и модных, который снимал быстро и качественно. Оператору не исполнилось еще тридцати, но у него было трое детей. Многодетные отцы и матери для работы всегда хороши — у них не хватает времени ни на романы, ни на интриги. Их время и деньги уходят на детей.

Киногруппа обрастила новыми работниками. Появилась редактор Елизавета, если не подруга, то приятельница Поскребыша. Она попыталась пристроить в группу своего гримера, но не смогла. Второй режиссер привел свою знакомую. Получалось, что пока в группе у нее не было ни одного своего человека.

Она принимала решения, совершала определенные действия, но не знала обратной реакции. Ей была необходима информация, причем не отфильтрованная Режиссером, Редактором и Продюсером. Отснятый материал почти никогда не показывают актерам, но всю информацию об отснятом материале она обычно получала, задаривая ассистенток, помощниц еще до съемок коробками конфет и флакончиками с их любимыми духами. Получив информацию, она всегда могла внести корректизы в свою игру. И вообще, она уютнее себя чувствовала, когда знала, кто лидирует на съемках — режиссер или оператор, за кем, в конце концов, последнее слово. И хотя предполагается, что главный в киногруппе — режиссер, он зачастую принимает решение, только если с ним согласен оператор. Иногда бывает, что лидирует художник, навязывая свою стилистику, иногда — актер, который меняет и стилистику, и сценарий.

Секс-символ закончила работу на огороде, вернулась в дом, приняла душ, выпила чашку кофе с гренками, прошла к своему «фольксваген-гольфу», завела двигатель, несколько секунд привычно вслушалась в его работу. Работник-беженец распахнул ворота и взял под козырек армейской фуражки с черным околышем — он был подполковником-танкистом в отставке.

Она выехала на Ленинградское шоссе и влилась в плотный поток автомобилей. В

продюсерской компании было назначено очередное совещание по сценарию фильма. Она знала редактора Елизавету, компанейскую и глупую маршальскую дочь. Если она будет вносить поправки в сценарий, значит, эти поправки идут от Режиссера или от Продюсера. Елизавета могла только исполнять порученное.

Сценарист и Продюсер

Продюсер читал новый вариант сценария с любовной линией Секс-символа. Ее не только любят немолодой и бедный учитель из ее бывшей школы, но влюбляется и молодой преуспевающий бизнесмен. Но и в новом варианте Секс-символ нигде не раздевалась.

— Зритель не прощает, если его обманывают, — напомнил Продюсер Сценаристу.

— В чем же обман? — спросил тот.

— Все привыкли, что Секс-символ обнажается. И будут ждать этого. И не дождутся.

— Фильм о другом, — не согласился Сценарист.

— Но зато зрители не другие. Секс-символу вовсе не обязательно на протяжении всего фильма ходить голой, но она должна обнажиться. Я понимаю, она пытается создать свой новый образ. Пожалуйста! Но совсем не обязательно начинать эксперименты с фильма, в который я вкладываю деньги. И вообще мало интриги в любви, — сказал Продюсер.

— А какая может быть интрига в любви? — удивился Сценарист.

— Романы Стендаля современны по сей день.

— И все-таки, в чем интрига в любви? — настаивал Сценарист.

— Это когда он богатый, а любит бедную. Или он бедный, а она богатая и знатная. Драматургия всегда предполагает неравенство, борьбу и победу, но через поражение. Тогда и победа слаше.

— В таком случае уточняю еще раз. Учительница математики получает в наследство фирму погибшего отца. В нее влюблен не старый, но немного старше ее учитель литературы.

— Учитель литературы — это занудство. Опять стихи Пастернака, Цветаевой, Ахматовой... Лучше уж учитель химии или физики, тогда картинка будет динамичнее: что-то крутится или что-то взрывается.

— Ладно, учитель физики, — согласился Сценарист. — Но на физика мне потребуется больше времени. Литературу я знаю, а в физике и раньше не многое знал, а сейчас вообще все забыл.

— Привлечем консультанта, — пообещал Продюсер.

— А молодой бизнесмен из этой же фирмы или из конкурирующей? Увидел и сразу влюбился?

— А почему бы ему не быть из бывших ее учеников, который был влюблен в нее еще со школы?

— Не получается по возрасту, — возразил Сценарист.

— Вполне получается. Она пришла в школу в двадцать два года после окончания института, и ей поручили быть классной руководительницей в выпускном классе. На тот момент ей двадцать два, ему шестнадцать. Сейчас ей тридцать пять, ему двадцать девять. Чтобы тебе было легче писать, с актером на эту роль мы уже определились.

— И кто же претендент на тело Секс-символа?

— Стас...

— Они будут выглядеть как мать и сын.

— Стас замечательный актер и очень популярен у молодежи.

— Неплохой выбор, — подумав, согласился Сценарист. — Чья идея?

— Нашей жены.

— С чего бы это?

— Он у нее в Агентстве. Она находит молодых актеров, заключает с ними выгодные для себя договоры, но как только актер становится известным, уменьшает процент своей прибыли. Зато в ее Агентстве на сегодня числятся самые известные, с большими гонорарами

актеры. И каждый молодой актер польщен, если она заключает с ним договор. Да, она, не стесняясь, протежирует и лоббирует своих актеров, а ее юрист отстаивает в судах актерские права. Актеры просят у нее совета уже не только в выборе ролей, но даже в выборе очередных жен.

— Мне кажется, ты сейчас убеждаешь себя, а не меня, — заметил Сценарист.

— Почему? — не понял Продюсер.

— Ты веришь ей?

— Она моя жена.

— Я своим женам никогда не верил...

Главный герой

— Он прожил в Москве десять лет, москвичом себя не считал, Москву знал плохо. Так получилось. Школу в Самаре закончил в шестнадцать лет, приехал поступать в Театральное училище при Московском академическом театре. Выбрал именно это училище, потому что ректором там недавно стал актер тоже из Самары, на тридцать лет раньше приехавший в Москву и ставший знаменитым в фильме, где рубил дедовской саблей мебель, купленную братом-стяжателем. Все эти тридцать лет он оставался вначале голубоглазым тоненьким мальчиком, потом молодым стройным юношей. И теперь, располнев, поседев, он все равно оставался молодым и мог играть революционных матросов, чеховских интеллигентов, булгаковских офицеров, замоскворецких купцов. Никто бы не поверил, чтобы такой улыбчивый, неунывающий, хорошо поющий под гитару мог стать диссидентом, не соглашающимся с постановлениями партии и правительства. Поэтому его назначали на руководящие должности: то директором театра, то ректором училища.

Главный герой дважды был на встречах с актером, режиссером и ректором, когда тот выступал в Самаре, но не подошел к нему, чтобы представиться, заявить о себе: а вдруг запомнит? Ректор набирал актерский курс на следующий год. Показывая на экзамене этюд на заданную тему, он показал Актера и Ректора, как тот ходит, говорит окая, как смеется, и все узнали Актера и Ректора в его представлении.

— Ты откуда окаешься? — спросил Актер и Ректор.

— Из Самары.

Выяснилось, что они земляки и даже жили на соседних улицах в центре города.

— Если самарский, будем брать, — сказал ректор. — Самарские все талантливые.

В комиссии посмеялись, но его запомнили. Ректор организовал свой театр и хотел, чтобы в него ходило новое, молодое поколение. Молодое поколение хотело в театре видеть таких же, как они, молодых. Главный герой играл школьников и студентов. Изучая систему Станиславского и другие системы, он однажды понял, что можно, конечно, и перевоплощаться, но удобнее и достовернее в каждой роли предлагать зрителю самого себя. Ведь звездами становились совсем не потому, что изображали разных людей, а потому, что в разных людях актеры показывали себя. Чтобы запомнили такого молоденького и худенького, не надо быть быстрым и юрким. Все маленькие — стремительные. А он и ходил медленно, и говорил с паузами. Вначале его поведение вызывало комический эффект, но потом привыкли, и он стал нравиться, превращаться в Главного героя.

Ему было легче. От Актера и Ректора он перенял многое: и как разговаривать с режиссерами, и с бездарными старыми актерами, и с молодыми талантливыми конкурентами. Он даже оказался Актером и Ректором, но только вне сцены. На сцене у него был московский, даже старомосковский говор. Став известным, он перестал играть стандартных, безликих школьников, студентов и младших научных сотрудников.

Не мудрствуя, он перенял главное правило Актера и Ректора: никогда ничего не проси, сами придут и дадут. И только через несколько лет узнал, что еще до его кумира это придумал писатель Булгаков.

Вначале у него были романы со стареющими актрисами. Стареющие мужчины

влюбляются в девушек, стареющие женщины влюбляются в мальчиков. Как только Главный герой понял, что нравится женщинам после сорока, он стал разговаривать с народными артистками как со своими сокурсницами, потому что каждая матronа в душе оставалась девушкой. Но начинал всегда почтительно.

— Можно, я прикоснусь? — спрашивал он.

— Послушай, — говорила актриса. — ...

— Я знаю, — соглашался он. — И мать, и жена. Но очень хочется.

— Чего хочется?

— Тебя.

И уходил, чтобы не дать народной артистке принять отрицательное решение. Потом, встречая ее, спрашивал:

— Когда я могу прийти? Да, да. Я понимаю. Но очень хочется.

Обычно, если артистка жила одна, то через день он уже ночевал у нее. Если же она была замужем, он прислушивался к ее разговорам с другими артистками, зная уже по опыту, что женщина обязательно даст ему знак, надо только этот знак не пропустить. Она может, например, сказать:

— Я уезжаю на выходные в «Сосны».

— С мужем?

— Одна. Хочу отдохнуть и отоспаться.

Отсыпалась она с ним. Мог быть и другой сигнал, когда артистка говорила своей подруге:

— Мой уехал в командировку (на гастроли, на конференцию, на симпозиум). Позвони и приходи.

А звонил он.

Главный герой многому научился у народных артисток. Он понял, что в любви нет стереотипов. Одни женщины медленно согревались изнутри, и им требовалось время для разогрева, другие вспыхивали сразу и только раздражались от прелюдий любви. Главный герой обычно спрашивал сам:

— Ты хочешь медленно и нежно?

Или:

— Ты хочешь сейчас и сразу?

Артистки ценили время и отвечали по существу заданных вопросов. Он всегда им приносил подарки, и они дарили ему галстуки, шарфы, перчатки, парфюм. Однажды он увидел в шкафу у артистки пиджак в мелкую клетку, какие недавно вошли в моду в Италии.

— Достань мне такой же, — попросил он. — Я буду носить его и постоянно помнить о тебе.

Ему покупали пиджаки, куртки, ботинки. Если женщина пропускала мимо ушей его просьбу, он иногда мог повторить ее несколько раз.

Теперь, когда у Главного героя были куртки и пиджаки и он переселился из общежития театра в однокомнатную квартиру на Патриарших прудах, он начал присматриваться к молодым женщинам, выбирая жену. Но ему, как это часто бывает у невысоких мужчин, очень нравились высокие и даже громоздкие женщины. Он хотел обладать телесным изобилием.

Когда Поскребыш предложила почитать сценарий «Деловые женщины», он спросил:

— На какую роль?

— На главную мужскую.

Главным мужчиной в сценарии был пятидесятилетний плейбой. Он мгновенно понял замысел Поскребыша. Роль перепишут под него, и в Секс-символ влюбится не плейбой, а он. Если она учительница, то он может быть ее учеником. Влюбленным в нее учеником. Это было почти правдой. Он впервые увидел ее десятилетним мальчиком и влюбился. Тогда ей было двадцать пять. Фотография из фильма, где она, обнаженная, пыталась прикрыть сразу и грудь, и попку, и не могла прикрыть, ладоней не хватало, долго хранилась у него.

Прочитав сценарий, он начал придумывать новые сцены. Это значило, что он согласится сниматься. Он сотни раз представлял себя лежащим рядом с нею.

— Роль перепишут на меня? — спросил он Поскребыша.

— Естественно.

— Я согласен.

— Хочешь переспать с Секс-символом?

— Хочу, — признался он и подумал, что Поскребыш и умнее, и наблюдательнее, чем он думал. Всегда опасно, если женщина умна, — она может, почти как мужчина, просчитывать варианты.

Сценарист

— Где? — спросил Сценарист.

— Можно у меня, в офисе, у вас, — предложила Елизавета.

— У меня, — выбрал Сценарист.

Сценарист предпочитал рабочие встречи проводить у себя дома. Он, когда работал непрерывно, пил крепкий зеленый чай, а в офисах чаще всего подавали чай в пакетиках. Если работа затягивалась, Сценарист просил сделать часовой перерыв и шел в спальню споспать. Он спал и в офисах, в любых подсобках, где стоял диван или можно было составить вместе несколько стульев. Таких, как Елизавета, он звал «старыми волчицами», но, когда она вошла в его квартиру, подумал: не такая уж и старая, лет на семь старше меня, с хорошей формы бедрами, тонкой талией. В ней не было ничего лишнего.

— У меня какой-то непорядок с платьем? — спросила Елизавета.

— Полный порядок, — ответил Сценарист, обошел ее вокруг и уже восхищенно добавил: — Полный и великолепный порядок. В теннис играете?

— Квартиры убираю, — ответила Елизавета и показала ему руки.

— И руки замечательные, — ответил Сценарист. — Пальцы сильные, крепкие, в таких ладонях хорошо побывать кое-чему интимному.

И вдруг Сценарист увидел, что Елизавета начинает краснеть.

— Какая прелесть, — рассмеялся он. — Она еще и краснеет.

— Да ну тебя, — отмахнулась Елизавета. Они перешли на «ты».

— Есть хочешь? — спросил Сценарист.

— Если только холодненького пива.

— Есть холодное пиво, холодная водка, холодный свекольник, а также капустка, креветки, мидии, холодец.

И Сценарист начал все это вынимать из холодильника. Он знал, что Елизавета когда-то выпивала, лечилась, иногда он встречал ее в ресторане Дома кино слегка возбужденную.

Они выпили, добавили, закурили.

— После такого обеда не сможем работать, — сказала Елизавета.

— Что-нибудь да сможем.

— «Что-нибудь» я уже забыла.

— Напомню.

— С чего бы это? — удивилась она.

— А ты мне всегда нравилась, только наши циклы не совпадали. Когда я был свободен, ты была замужем, когда ты была не замужем, я был женат.

— Насколько я знаю, для большинства это не помеха.

— Я наивный. Если женщина замужем, я считаю, что она никогда мужу не изменяет.

— А когда ты был женат, ты своим женам тоже не изменял?

— Не изменял. Некогда было. Я или работал, или запивал. Выходил из запоя, надо было снова работать.

— А как у тебя сейчас с этим делом?

— Выпиваю с удовольствием, а напиваться здоровье уже не позволяет.

Елизавета достала сценарий, чтобы высказать свои соображения по поводу любовной линии, но Сценарист не стал ее слушать, а сварил кофе, достал ликер, который Елизавете очень понравился, и предложил ей перейти в спальню.

— Испортим отношения, — сказала Елизавета.

— Наоборот, наладим, — ответил Сценарист.

— В моем возрасте смешно от этого отказываться, — решилась Елизавета. — А вдруг в последний раз?

Елизавета оказалась требовательной. Она уложила его и проделала все сама, как привыкла. И он ей подчинялся. Она дала ему передышку, закончила нежно и сразу же уснула.

Елизавета проснулась глубокой ночью. Сценарист подал ей в постель сладкого крепкого чаю и сказал:

— Спи. Работать начнем завтра утром.

— У меня собаки. Их надо выгуливать. И вечером, и утром.

— У тебя есть, кто может их вывести?

— Есть. Но берет очень дорого.

— Я заплачу.

И Елизавета осталась.

Им снова было хорошо.

— Жаль, — сказал Сценарист.

— Чего жаль? — спросила Елизавета.

— Что твой опыт уйдет вместе с тобой. Я за свою жизнь, кроме тебя, знал еще только двоих таких умелиц в сексе. Если бы вы могли передавать свой опыт молодежи!

— Кое-чему могли бы научить, — согласилась Елизавета. — Но в этом деле, как и в вашем сценарном, можно, конечно, обучить, но все-таки надо иметь и собственные способности.

— А если организовать такую школу или курсы высшего сексуального мастерства, — предложил Сценарист. — Я бы читал историю и теорию, а ты вела бы практику. И можно было бы обучать не только молодых, но и проводить переподготовку утративших мастерство. Некоторых надо было бы только подправить, настроить. Ведь этому мастерству можно обучить, как и любому другому.

— Скорее дать навыки, — уточнила Елизавета. — Это все-таки ближе к искусству, чем к голому мастерству. И надо сразу понять партнера, чего он хочет, а чего терпеть не может.

— Но ты не стала меня понимать, — возразил Сценарист. — Я как раз из тех, кто не любит, когда ему что-то навязывают, а ты оседлала меня, пришпорила и приказала: галопом — марш! А я сам люблю приказывать.

— Любил, — поправила его Елизавета. — Мужики с возрастом ждут помощи.

— Мне еще помочь не нужна.

— Извини.

— А как ты все-таки определяешь, чего от тебя ждет мужчина?

— Вообще-то большинство мужиков — тупые кобели. Ты не такой. А когда ты сказал о моих пальцах и кое о чем интимном, то дал мне сигнал. Мужики об этом почему-то стесняются говорить. Начало близости — это как военная операция, надо предусмотреть сразу несколько десятков факторов. Я своего отца-маршала как-то спросила: почему одни становятся маршалами, а другие только подполковниками?

— И что он тебе ответил?

— Что я все усложняю. На войне намного проще. И объяснил, за что получил Героя Советского Союза.

— Расскажи.

— Отец говорил, что надо всегда разъяснять поставленную задачу и начальникам, и подчиненным. Он тогда командовал дивизией. Его окружили и должны были уничтожить. Но его разведка перехватила сообщение, что у немцев в танках бензина на одну заправку.

— Солярки, — поправил Сценарист. — Танки заправляются соляркой.

— У немцев вначале на большинстве танков стояли бензиновые моторы. Отец рассчитал, на сколько километров у немцев хватит горючего, и отступил ровно на столько, предупредив об этом и начальство, и подчиненных. А потом, когда танки остановились, сжег их. Отец считал, что поставленная задача должна быть понятна и самому умному солдату, и самому тупому генералу из Генштаба.

— Учитывая, что я выступаю сразу в двух ролях — и умного солдата, и тупого генерала, объясни мне, почему нужно переделывать в сценарии любовную линию. Секс-символ не может сыграть никакой любви. Она и в молодости не могла изобразить любовь, заменяя игру показом собственной задницы. Но сейчас, в сорок лет, ее обаятельности сильно поубавилось.

— Зрители привыкли, что она обнажается.

— Как привыкли, так и отвыкнут. Женщины в ее возрасте уже не открываются, а прикрываются. А для пятидесятилетнего плейбоя, как записано в сценарии, она еще молодая женщина.

— Она же может влюбиться в молодого, — настаивала Елизавета.

— Не может, — возразил Сценарист. — Посмотри на все ее поступки по сценарию. Она же непрерывно просчитывает варианты и предварительно всё оценивает! Такие считающие женщины не влюблются, они позволяют себе любить, если уверены, что в них влюблены.

— Но иногда женщинам надоедает считать.

— Я таких не встречал.

— Ты не хочешь писать новую любовную линию?

— Конечно, не хочу. Но договор составлен так, что, если я откажусь, Продюсер имеет право привлечь доработчика. А доработчик, даже самый способный, сделает кое-как, и это почти наверняка будет хуже, чем сейчас.

— Зрителям, конечно, интересно, что она побеждает в бизнесе, принимает нестандартные решения, но самое притягательное для всех — это любовь. Интересны только Он и Она или Она и Он.

— Совсем не обязательно. Я, например, не читаю любовных романов. Есть еще и детективы, где любовь не только не самое главное, но где вообще может не быть любви, и ничего...

— Стас хорошо сыграет влюбленность. Он, как и все мальчишки, был когда-то влюблен в нее.

— Он ее переиграет. Я же знаю все ее примочки. Их всего три, а у него их триста. Он лицедей от Бога. Но Секс-символ ведь не дура. Если она по рабочему материалу заметит, что Стас ее переигрывает, она заставит заменить его.

— С чего бы это?

— С того, что она сопродюсер и вложила половину денег в этот проект.

— Не своих же? — не сдавалась Елизавета.

— Не своих. Но она их достала. Доработка сценария, я уверен, будет ошибкой. Я только пока не могу разобраться: случайной или преднамеренной.

— Ты думаешь, ее хотят подставить?

— Я не думаю, я уверен, что это так, только не могу понять, кто и за что. Но попытка не пытка. Я готов переделывать эту любовную линию, если ты будешь рядом.

— Я буду, — пообещала Елизавета.

— Весь день. Мне очень понравилось с тобой спать. Я могу готовить, кормить тебя, только чтобы ты была рядом.

— Не могу, у меня собаки.

— На время работы я могу перебраться к тебе, или ты перевезешь собак ко мне. Нам надо некоторое время пожить вместе, чтобы понять, не раздражаем ли друг друга и вообще приживемся вместе или не приживемся. Ты готовить умеешь?

— Умею. Только я сейчас на мели, у меня нет денег, а хорошая еда делается из

хороших продуктов. Есть, конечно, гениальные женщины, которые и из говна сделают пиццу, но я, к сожалению, не из таких. Я выросла в доме, в котором всегда были качественные продукты.

— Еда не самое главное. Мне важно понять, сможем ли мы быть партнерами по жизни.

— Объясни...

— Когда ты позвонила и стала настаивать на встрече, я сразу понял: какая-то подстава. Она участвует в заговоре. Кто настаивал, чтобы ты убедила меня в переделке любовной линии?

— Поскребыш.

— В чем ее интерес? Она же ненавидит Секс-символа.

— Она хочет пристроить Стаса, он звезда ее Актерского агентства. Но если честно, я не очень понимаю, что она затевает.

— Но тем не менее помогаешь ей?

— Отрабатываю. Она мне устроила редактуру. Мне сейчас очень нужны деньги.

— А ты вышла бы за меня замуж?

— Любовник ты хороший, так что здесь противопоказаний нет. Может, конечно, старался в первый раз. Давай попробуем притереться. На время работы над этим сценарием поживи у меня, а если тебе лучше работается у себя дома, я перееду со своими собаками к тебе.

— Ты скажешь мне правду, если я угадаю, о чем ты еще подумала в этот момент?

— Скажу, — пообещала Елизавета.

— Ты подумала: а почему бы и нет. Заодно и сэкономлю. Он же еду будет покупать за свои деньги.

— Да. А как ты догадался?

— В этом ничего сложного нет. Все женщины так думают, только не все признаются. Первый тест ты выдержала.

— Знаешь, почему я никогда не любила сценаристов, да и режиссеров тоже, и художников?.. Потому что они понимают все наши бабские примочки. Входишь, он смотрит на тебя и все замечает. У меня два мужа были из офицеров, на службе они, может быть, что-то и замечали, а дома свой аппарат наблюдения выключали, а вы и подобные вам никогда не отключаете свое наблюдение, а постоянно находиться под наблюдением тяжело.

— Знаешь, что о тебе говорят?

— Что?

— Порядочная, упорная, надежная, но глуповата. Они заблуждаются. Конечно, ты вряд ли умнее меня, но точно умнее очень многих женщин, каких я знаю.

Режиссер

Раньше, при советской власти, когда он подписывал договор с директором киностудии, наступало абсолютное спокойствие. Как минимум на год государство снимало с него все заботы. Его привозили и увозили с киностудии, платили зарплату, и с ним ничего не могло произойти. Если он заболевал, то съемки приостанавливались, иногда на неопределенный срок, до выздоровления, которое иногда затягивалось на несколько месяцев. В такой ситуации производство фильма консервировалось, и сроки сдачи переносились на следующий год.

Теперь он подписал кабальный договор с Продюсером, в котором предусматривались все ситуации. Если врачи ставили диагноз, по которому он должен отсутствовать на съемках больше десяти дней, Продюсер мог заменить его другим режиссером. И врач его мог свидетельствовать только определенный, указанный Продюсером.

Договор регламентировал всё, даже какого класса машина должна привозить его на киностудию. Обычно его и актеров привозили на «Жигулях» или на студийных «Волгах». Теперь только на машинах класса «Волга», как указывалось в договоре.

Но по этому договору он был обязан вносить поправки по указанию Продюсера, заменять актеров по предложению Продюсера.

Он поинтересовался, подписывают ли другие режиссеры такие же кабальные договоры. Оказалось, что все вначале сопротивляются, а потом подписывают. Режиссер попытался сопротивляться, тогда Продюсер передал ему через Ассистентку: «Будет выдрючиваться, заменим более послушным».

Режиссер возмущался и кричал на Ассистентку:

— Почему он передает через тебя?

— Я не знаю. Спросите его сами, — отбивалась Ассистентка.

— И пусть ищет более послушных! — кричал Режиссер, но не очень громко, чтобы не услышали в соседних комнатах, где расположились продюсерские службы.

— Не надо. Не уходите, — умоляла его Ассистентка. — Вы станете снимать другой фильм, а я останусь без работы.

— Не останешься, — кричал Режиссер. — Уйдешь на другую картину со мной.

— Теперь всю съемочную группу определяет Продюсер, поэтому на следующую картину меня могут не взять даже с вами.

— Еще как возьмут! Умолять будут.

И он вспомнил, что уже несколько лет его никто не умолял. Он всегда снимал профессионально добрые, идеологически необходимые фильмы, зная правила, выработанные властью. Эти правила практически не пересматривались, и только иногда вносились незначительные корректизы. В последнем фильме о партизанах консультант рекомендовал не уничтожать немцев десятками, потому что, если немцев погибло шесть миллионов, а наши потери официально признавались в тридцать миллионов, значит, как минимум у нас погибло в пять раз больше. Правдивее будет, если немцев показать хорошими солдатами.

Он выполнил указания консультантов. Он и сейчас готов был выполнить все указания продюсеров, но это совсем не значило, что получится интересный фильм. Раньше в кино режиссеры делились на несколько классов, неофициально разумеется. Все знали: этот способный, может быть, даже талантливый, потому что получает призы на международных кинофестивалях, о его фильмах спорят в киноклубах, у них, как у оперных теноров, есть свои ярые поклонники. А этот снял по крайней мере один интересный фильм, о котором спорили зрители. Его отметили на не самых значительных, класса «А», но все-таки известных кинофестивалях. Другие картины у него были слабее, но все надеялись: а вдруг получится снова.

Была группа государственных режиссеров, которые снимали фильмы к юбилеям: к юбилею известной битвы, юбилею стройки национального значения.

Были просто крепкие профессионалы, в число которых входил и он. Ему не хватило пяти-шести лет и двух-трех картин, чтобы войти в группу государственных режиссеров.

Все остальные были рыбья мелочь.

За последние десять лет из тележки выпали и государственные режиссеры, и крепкие профессионалы, и, конечно, рыбья мелочь.

Кино вступило в рыночные отношения. Просто добрые фильмы, как просто добрые ботинки, уже не покупались — все хотели нового и модного. Но как у других получалось это новое и модное, за много лет работы в кино он так и не понял. Иногда ему казалось, что он почти понял и что следующий его фильм обязательно будет необыкновенным, его отправят на кинофестиваль в Канны или Венецию, но уже в середине съемок он понимал, что нового и необычного опять не получится. Правда, всегда находились оправдания: если бы не согласился на эту актрису, которую очень рекомендовал директор студии, потому что актриса была невесткой заведующего отделом культуры, если бы всегда не спешил снимать быстрее и больше, потому что надо было строить дачу, кооперативные квартиры дочерям, покупать новую машину, ездить в санатории лечиться, расширять свой кругозор в туристических поездках, поскольку в киноделегации на фестивали его почти не

включали.

— Поедем пообедаем, — предложил он Ассистентке.

— Я могу покормить тебя у себя дома, — предложила она. — Заедем, купим только рыбу, которую ты любишь.

Он знал, что к рыбе она накупит еще очень много другого, а он за все заплатит, но согласился поехать, потому что даже после того, как он подписал договор, беспокойство не прошло, а усилилось. Договор не давал уверенности. Продюсер предложил ему вместе со Сценаристом поселиться в Доме творчества и поработать над любовной линией. Но Режиссер ничего не мог предложить Сценаристу. О своих влюбленностях он уже забыл, как влюбляются теперешние молодые, какие слова они при этом говорят, он не знал, и вряд ли это знал и Сценарист, почти его ровесник. Ему передали список актеров на эпизодические роли, но он не знал, кто этих актеров рекомендует — Продюсер или Секс-символ.

— Кто составил список актеров на эпизоды? — спросил он Ассистентку.

— Думаю, что Поскребыш.

— Она влияет на производство?

— У нее Актерское агентство.

— Эти эпизодники из ее агентства?

— Не все. Некорректно, если бы все были из ее агентства.

— А твои рекомендации?

— Есть и мои рекомендации...

Ассистентка явно осторожничала. То ли эти актеры пообещали ей за роль определенную мзду? Но все сразу пообещать не могли, к тому же актеры привыкают, что им дарят, а сами и дарить, и просто платить за услуги не любят. В списке эпизодников просматривалась чья-то конкретная воля. Это можно назвать и вкусом, и концепцией, и идеей, и моделью. Все когда-то известные, но очень средние актеры! Один средний актер — это кратковременное раздражение. Но пять средних актеров могут вызвать зрительское раздражение по отношению ко всему фильму.

Режиссер чего-то не понимал. Ассистентка многие годы верно служила ему. Через нее он знал, что происходит в киногруппе, о чем и о ком говорят, какое настроение у главных персонажей, кто с кем спит, кто с кем рассорился и не здоровается. Осторожничает или скрывает? Может, ее наняли за ним следить? Вряд ли. Все ведь знали, что она его Ассистентка и что любовница, тоже, наверное, все знали. Да и зачем следить за ним?

— Эти часы тебе подарила Поскребыш? — спросил он.

— Да. Я же тебе об этом рассказывала.

Почему Поскребыш одарила ее в самом начале? Обычно дарят в конце съемок, благодарят за уже сделанную работу. Если подарок дарят заранее, значит, ждут какой-то услуги. Но — какой? Почему Поскребыш с такой дотошностью вникает во все подробности проекта? Хочет доказать свою полезность Продюсеру, чтобы в следующем фильме стать сопродюсером? Но ее актерские амбиции еще не удовлетворены, она собирается сниматься в каком-то фильме.

— В каком фильме сейчас снимается Поскребыш? — спросил Режиссер.

— Я не знаю. Надо узнать?

— Да, надо, — подтвердил Режиссер.

— Что еще узнать? — продолжила Ассистентка.

— Всё, — ответил Режиссер. — В чем заинтересованность Поскребыша? Где нашла деньги Секс-символ?

— Главное, что нашла!

— Помолчи! Ёрничать будешь, когда поймешь: кто, что, зачем, с кем, против кого.

А он не дурак, подумала Ассистентка. В каждой профессии встречается много идиотов, но среди режиссеров их процент все-таки минимальный. Она тоже не идиотка, но решения принимала не она. Обычно расклад интересов был ясен с самого начала съемок, а на этом фильме скапливалось слишком много неопределенностей.

Секс-символ

Съемки продолжились, как только Сценарист прислал новые сцены уже с молодым героем. В этом варианте сценария в нее был влюблен ее бывший ученик.

— Мне сейчас сколько лет? — спросил Стас Режиссера.

— Двадцать пять.

— Значит, школьником мне было шестнадцать. Прошло девять лет. По сценарию учительнице вначале двадцать два, а через восемь лет — тридцать.

— В сценарии нигде не говорится о возрасте.

— Но зрители, как только увидят нас вместе, начнут подсчитывать, на сколько лет он, то есть я, моложе ее. Чтобы зритель не начал вести подсчеты и тем самым отвлекаться, лучше сразу внедрить в его сознание...

Слишком умен для актера, подумала Секс-символ. Такие довольно скоро начинают заниматься режиссурой. Пусть отвечает Режиссер.

Она умела боковым зрением следить за реакцией и сейчас заметила, что двадцатилетние гримерши, помощницы притихли. Все знали, что она старше Стаса на пятнадцать лет, но интересно, на сколько старше его она согласится быть в фильме?

Стас присел рядом с нею, давая возможность фотографу из глянцевого журнала сделать рекламные снимки. Продюсер вел рекламную компанию, как только начались съемки. Неужели мы смотримся как мать и сын, мелькнуло у нее в голове.

— Кто во всем видит только патологию, пусть подсчитывает, кто и на сколько старше, — раздражаясь ответил Режиссер и скомандовал: — Мотор! Начали!

Снималась сцена, где они сидели на заседании совета директоров. Стас наклонился к ней и шепотом сказал:

— Мы на «ты» не переходили.

— Перешли, — и Стас заложил свою руку ей за спину. Его рука спустилась ниже, подлезла под кофточку, оттянула трусики и стала гладить ее ягодицы. По сценарию его рука опускалась и зрители могли думать, что его ладонь находится на уровне ее ягодиц. Ошеломленная, она забыла текст. Если она сейчас встанет, чтобы дать ему пощечину, камера все равно зафиксирует его руку у нее в трусах.

Стас снова наклонился к ней и прошептал:

— Говори текст, пауза затягивается.

Наконец она вспомнила текст и сказала:

— Мальчик, тетя может рассердиться.

— Я уже не мальчик, — ответил Стас. — Я уже дяденька, а тетенькам всегда ведь нравится, если дяденьки их любят и гладят по попке.

В эти секунды актер, игравший роль председателя совета директоров, закрыл заседание, и все встали. Она в той толчее, которая при этом возникла, должна была дать ему пощечину, но он перехватил ее руку и произнес текст, не написанный Сценаристом:

— Я тебя очень хочу. Поедем к тебе сейчас.

— Почему ко мне?

— К тебе ближе.

— Если ты позволишь себе нечто подобное еще раз, ты будешь отстранен от роли.

— Какая у тебя нежная кожа... Поехали.

— Поехали, — неожиданно согласилась она.

Она знала, что у Стаса через час съемки на телевидении, и он уже едва успевал.

— У меня съемки в Останкино.

— Отмени, — сказала она.

— Умоляю, после съемок.

— Закончили, — она хлопнула в ладоши. — У главного героя съемки на телевидении.

— Когда будем заканчивать, решу я, — недовольно произнес Режиссер.

— Я предупреждала, что сегодня буду сниматься не полную сцену. Все съемки со Стасом проявить и отпечатать отдельно, завтра я буду смотреть этот материал, — сказала она.

— Ты же знаешь, что рабочий материал актерам не показывают.

— Я буду смотреть не как актриса, а как сопродюсер фильма.

Все притихли, ожидая ответа Режиссера. Ответа могло и не быть, но обычно после такого ответа режиссеру на завтрашних съемках роль могла исполнять уже другая актриса. Так поступали со своим равными и зарвавшимися.

— Пункты пять, шесть, семь, восемь, — добавила она.

В этих пунктах договора было записано, по каким причинам режиссер может быть отстранен от съемок и заменен другим.

— Ты же знаешь, такой женщине, как ты, отказать невозможно, — сказал Режиссер.

— Возможно, — проговорила она и после паузы добавила: — Но опасно для жизни.

Секс-символ достала мобильный телефон и набрала номер, хотя в павильоне обычно все свои мобильные отключали.

Она знала о запрете на разговоры по телефону из павильона и все-таки набрала номер своей приятельницы, чтобы договориться о поездке на теннисный корт. И все молча слушали, как она договаривается.

Назавтра, заперевшись в просмотровом зале на ключ, она посмотрела все эпизоды со Стасом. Она и Стас действительно смотрелись как мать и сын. Стас выглядит моложе своих лет, она — на свои годы. Стас был раскованным, не стеснялся своей худобы, она показалась себе зажатой. Однажды она расслабилась буквально на несколько секунд, и камера тут же зафиксировала складку жира над бедром. Стас ее переигрывал даже в эпизодах, где она говорила мало и почти не двигалась. А что будет в главных сценах?

— Я хочу посмотреть и другие пробы, — сказала она. Сказала, а не попросила.

На эпизодические роли пробовали актеров, уже знаменитых в те годы, когда она только начинала. Сегодня они с ней здоровались, как актеры здороваются с режиссерами, а теперь и с продюсерами, — вроде бы и раскованно, как с равными себе, но и очень почтительно. Теперь от нее зависело, утвердят ли их на эти небольшие, но роли.

Знаменитости играли плохо. В ролях деловых людей они выглядели грубоватыми, раздували животы и щеки, считая почему-то, что бизнесмены должны быть толстыми и медлительными.

— Глупые и толстые, — сказала она и спросила Режиссера: — Где вы видели толстых бизнесменов?

— Бизнесмены — люди, — ответил Режиссер, — поэтому они могут быть и толстыми, и худыми.

— Толстыми быть не могут, — возразила она. — Они еще слишком мало времени занимаются бизнесом, чтобы расти. И старых бизнесменов у нас нет.

— Что вы предлагаете? — спросил Режиссер.

— Предлагать — это ваши обязанности.

— А ваши? — спросился Режиссер.

— Мои — высказывать сомнения.

— Я могу с ними согласиться или не согласиться?

— Можете, — сказала Секс-символ, — но если вы снимете говно при очень неплохом сценарии и при смете, когда не надо экономить на актерских гонорарах, у вас даже не будет привычных оправданий: мол, было мало денег, мне навязали актеров, которых я не хотел снимать, и так далее.

— Снимать именно этих актеров — разве не ваши рекомендации?

— Не мои, — подтвердила Секс-символ. — Я ничего и никому пока не рекомендую. Пока все рекомендуют только мне, а я посылаю всех к вам. Только вы можете принять окончательное решение.

И Секс-символ обворожительно улыбнулась лучшей из своих улыбок. Эта улыбка была

у нее припасена для несостоятельных любовников. Улыбка прощения и надежды. Ничего, бывает. В следующий раз обязательно получится.

Она решила: надо поговорить с Продюсером о запасной кандидатуре Режиссера. Нужен более молодой, с большим энергетическим запасом. У пятидесятилетних озарений не бывает. В пятьдесят писатели пишут свои лучшие книги, но лучшие фильмы режиссеры снимают до пятидесяти. Хотя, наверное, и среди режиссеров бывают исключения. Она стала вспоминать самых известных режиссеров, которым было уже за пятьдесят. Они по-прежнему снимали профессиональные и даже интересные фильмы, но озарений не было. Все озарения закончились к пятидесяти. Но подобные умозаключения — не повод для отстранения Режиссера. Если затянуть время, отстранить его будет еще сложнее. К тому же существовала режиссерская солидарность: занять место отстраненного многие режиссеры просто не согласятся. Можно, конечно, поискать среди молодых, но о поисках Режиссер обязательно узнает, и начнется скандал, а ей не хотелось скандала. При сегодняшнем напряженном графике у нее не оставалось энергии на скандал.

Может быть, посоветоваться с Поскребышем? Конечно, Поскребыш ее не любит, но она жена Продюсера и должна быть заинтересована в успехе фильма. Разумеется, Поскребыш очень средняя актриса, но она неглупа и умеет просчитывать свою выгоду.

В мобильном телефоне Секс-символа был цифровой диктофон, и она продиктовала: «Поговорить по поводу режиссера с П.». Она не рискнула назвать ее Поскребышем — вдруг оставит где-нибудь телефон, и кто-то узнает, что бывшая подруга для нее по-прежнему Поскребыш.

Ассистентка

Она проснулась в хорошем настроении, потому что рано легла, выспалась, а вечером ей позвонил ее бывший любовник — Большой русский актер. Она рекомендовала его на роль учителя химии, который по сценарию влюблен в Секс-символ. Большой актер когда-то был любовником Секс-символа, потом ее любовником, а теперь был мужем студийной гримерши. На роль учителя Большого актера будет, конечно, утверждать Режиссер, но только с согласия Секс-символа.

Они встретились в ресторане Дома кино, и она его честно предупредила, что решать будет Секс-символ. Встреча была вполне официальной, она передала ему сценарий, а он пригласил ее пообедать в ресторане. Большой актер старше ее почти на десять лет. Однажды он увел ее с какой-то премьеры и повез на квартиру своего приятеля. Она в тот момент была счастлива — Большой актер выделил ее из сотен начинающих актрис! Он тогда уже разошелся с очередной женой и еще не женился на следующей. Она могла стать следующей, но не стала — Большой актер женился на дочери министра. Потом у него была еще одна жена, таджикская балерина, а теперь, потеряв все накопления после двух дефолтов, он женился на студийной гримерше, которая делала прически на дому женам преуспевающих бизнесменов.

Большой актер невысокий, спортивный, с резкими, правильными чертами лица, играл военных, милиционеров, инспекторов охоты и рыбной ловли и вообще руководителей. Он хорошо носил костюмы и мундиры, у него был многозначительный взгляд, и он мог играть умных, немногословных мужчин.

Теперь ему перевалило за пятьдесят, и он позволил себе небольшую модную небритость, что в учителях не поощрялось. Она его об этом сразу предупредила.

— Нет проблем, сброю, — тут же согласился он.

Большой актер был одет в скучный по нынешним временам финский костюм в полоску, модный лет пятнадцать назад, когда костюм надевался только на премьеры и на праздники, его можно носить и двадцать лет. И ботинки на нем были хорошего качества, но старомодные, и галстук чешский, из плотного шелка, уже немодный. По заказанным рюмке водки, селедке и кофе она поняла, что Большой актер не при деньгах, и она тоже сделала

скромный заказ: не осетрину, а судака и самый дешевый коньяк.

— Как Секс-символ? — спросил Большой актер.

— Муж американец, две машины, дача, сын учится за рубежом. Теперь она не только актриса, но и продюсер. Заказала сценарий под себя, достала деньги на съемки.

— Какая несправедливость, — сказал Большой актер. — Мы всю жизнь пашем, а вы, если у вас большая жопа и грудь, и замуж выходите за американцев и достаете деньги на фильм.

— Большая жопа и грудь у многих, но не многие становятся Секс-символами десятилетия, — возразила Ассистентка. — Наверное, это судьба — оказаться в нужном месте в нужное время.

— В нужной постели с нужным человеком, — поправил ее Большой актер.

— Но ведь ты тоже оказывался много раз в нужной постели и с нужной женщиной.

— Тоже верно, — согласился Большой актер. — Я嘅тался найти деньги. Ходил по банкам. Принимали. Поили кофе с коньяком, расспрашивали кто с кем спит, а назавтра забывали. По телевидению каждый месяц идет какой-нибудь фильм с моим участием, но меня помнят только пятидесятилетние женщины, а они и их мужья уже не занимают ключевых постов, не принимают решения. Старые фильмы не смотрят, у них и на новые-то нет времени. Вы с актерами заключаете договоры на фиксированную сумму или по количеству съемочных дней?

Она ждала этого главного для актера вопроса и ответила привычной отговоркой:

— Это продюсерские дела.

— И все-таки, сколько платят нынче актерам моей известности? Тысячу долларов в смену?

— Тысячу требует ...ский. На меньшее не соглашается. И его уже никто несколько лет не снимает.

— А пятьсот я могу требовать?

— Съест-то он съест, да кто ему даст?

— Неужели за триста?

Она знала, что больше двухсот за смену Большому актеру не дадут. Его еще помнят ровесники, но они в кинотеатры не ходят. У нее в офисе были еще трое Больших актеров и один очень хороший, но очень пьющий актер, и всем она уже раздала сценарии. Режиссер был предусмотрительным и всегда имел актерский запас. Но у Большого актера были преимущества: Режиссер помнил его по учебе в Киноинституте, на Большого актера не надо шить одежду, он будет хорошо и органично смотреться в своих старомодных пиджаках и вечных ботинках.

Она не имела права называть актерам суммы, на которые они могли претендовать. Актер не должен знать, насколько сильно его хотят снимать. Но она по-прежнему симпатизировала Большому актеру и поэтому выдала почти служебную тайну. А тайна заключалась в высказывании продюсера:

— Все пять предложенных актеров одной примерно известности, одинакового таланта, поэтому и стоимость их одна и та же. Больше двухсот мы платить не сможем, потому что Секс-символ предельно завысила себе гонорар. Но она достала деньги, поэтому имеет на это право.

— Соглашайся на двести, — сказала она Большому актеру.

— Если я соглашусь, то все будут говорить, что я покатился вниз.

— Кто тебе не разрешает говорить, что ты снимаешься за пятьсот?

— А завтра кто-то заглянет в ведомость?

— Никто не заглянет. Уже несколько лет нет общих ведомостей на оплату. Все получают в конвертах, и никто не знает, кто сколько получил.

— Сейчас у меня плохо с деньгами.

«Не сейчас, а уже почти десять лет», — подумала она и пожалела Большого актера. Если бы он родился лет на двадцать позже, то нынче был бы нарасхват: сейчас требовались

модные и крепенькие тридцатилетние мужчины на роли бандитов и спецназовцев.

Она вспомнила, как хотела выйти замуж за Большого актера. Теперь она знала, что после нескольких сытых и обеспеченных лет она была бы женой стареющего и малообеспеченного человека. Если бы не ушла в ассистенты, то сейчас торговала бы на рынке, чтобы содержать Большого актера. Ее роман с ним длился не больше месяца, но этот месяц запомнился. Большой актер запомнился и как любовник. Уже много лет она сравнивала с ним мужчин, с которыми спала, и он по-прежнему оставался лучшим. И только сейчас она поняла, почему хотела, чтобы на роль утвердили именно его. Она надеялась, что у них возобновится роман. Пусть ненадолго, на несколько дней, всегда приятно вернуться в счастливое прошлое.

Секс-символ

Она знала, что режиссеры перед съемками запивают от страха, и относилась к этому греху с пониманием. Она была знакома с конструкторами космических ракет, которые уходили в запой перед стартом, знала автомобильных гонщиков, запивающих перед соревнованиями. Им требовалась разрядка.

У нее тоже был страх перед началом съемок. Она пробовала выпить накануне, чтобы утром вместе с опустошением приходило спокойствие, но получалось наоборот. С утра частил пульс, она возбуждалась, потом почти засыпала на съемочной площадке. А несколько лет назад перед съемками у нее начались стойкие запоры. Кишечник не хотел опорожняться. Она начала делать клизмы.

И сегодня перед началом съемок она сделала клизму и вспомнила интервью кинозвезды тридцатых годов, когда та на вопрос о счастье ответила:

— Это когда опорожняется желудок.

Она приехала на студию. В гримерной ее уже ждала самая лучшая гримерша. Все запомнили, когда она отстранила гримера, который не сделал то, что она просила.

Она давно привыкла, что ее просьбы все расценивали, как приказ, который не обсуждается.

— Ты уволен, — сказала она тогда гримеру.

— Вы не можете меня уволить, — ответил гример, — я состою в штате киностудии.

Она никогда не спорила с обслугой. Пошла к начальнику цеха, и на этой картине гример уже не появился.

Стас был загружен в театре и не мог сниматься вочных сменах, к тому же он был занят еще в трех фильмах, и каждый час суток у него был расписан. Для съемок он выделил пять дней с утра, записав в договоре, что его должны отвозить в театр за час до начала спектакля.

Поэтому с ним снимались сразу все сцены. Режиссер мог начать и с финальной сцены, но начали с их первой встречи.

Она накануне выучила все реплики, которые должна была произносить в кадре.

Стас пробубнил свои реплики и сказал:

— Здесь не нужны слова. Я просто буду вас рассматривать.

Он пробовал движения и жесты, которые ему предлагал Режиссер, соглашался или отказывался произносить реплики. Написанное Сценаристом не всегда укладывалось в нормальную разговорную речь.

Она проговаривала только то, что записано заранее, у нее не получались импровизации, и в первый же съемочный день она начала подстраиваться под Стаса.

После окончания первого дня съемок Секс-символ сказала Режиссеру:

— Я хочу посмотреть материал.

— После того, как подмонтирую.

— Подмонтируешь после того, как я посмотрю.

Она внимательно отсмотрела все дубли. Стас был интересен, ироничен и смотрелся

молоде своих лет. У нее были только два-три интересных плана. Главную роль Стас явно перетягивал на себя.

Во второй день съемок она старалась быть энергичной и снисходительной, все-таки по роли он ее бывший ученик. И снова Стас ее переиграл. Перед концом съемок он спросил:

— Встретимся сегодня?

— У тебя же спектакль.

— После спектакля.

— Я рано уезжаю на дачу.

— Я приеду на дачу.

— И как я объясню это обслуге?

— Рабочая встреча.

— До утра?

— Не обязательно. Порадуемся друг в друге, и я уеду.

— Ночью сейчас ездить не безопасно. Если с тобой что-то случится, съемки остановятся. Я не могу так рисковать.

— Я тебя умоляю. Я теперь влюблена в тебя еще больше, чем в детстве. Пообещай.

— Обещаю.

— Когда?

— На неделе.

Стас должен был отсняться к середине будущей недели. Не захочет, не будет настроения — откажется. Одна из ее давних подруг рассказывала, что Стас — хороший и опытный любовник. В последние годы у нее был только один любовник. Обычно она поддерживала связь как минимум с двумя мужчинами, потому что при одном мужчине у нее всегда возникало чувство неуверенности. Она все делала с запасом. Эта потребность осталась в ней со временем дефицита. Сегодня есть, завтра нет и, может быть, уже никогда не будет. Она покупала впрок стиральные порошки, сапоги, кофты, и любовники тоже были впрок.

Последний любовник возник у нее неожиданно. В кинозале режиссер показывал еще на двух пленках рабочий материал фильма, где у нее была роль, не главная, но и не эпизод. Режиссеры обычно не приглашают актеров на просмотры. Она зашла в кинозал перед самым началом, понимая, что режиссер вряд ли попросит ее выйти, наверное, просто сделает вид, что не заметил ее прихода. Так и случилось. Во время просмотра она услышала мужской голос, который довольно злобно комментировал все ее промахи.

— Становится коровистой.

— Чего это она такая серьезная?

— Не надо ей уже бегать.

После просмотра она обернулась, чтобы увидеть, кому принадлежал голос. Это оказался ее однокурсник, который снял одну удачную картину и уже много лет что-то ставил в телевизионном театре.

— За что ты меня так не любишь? — спросила она.

— Ты же королева, — ответил он. — Тебе не надо суетиться.

— А что мне надо?

— Ничего. И короля, и королеву играет окружение.

Однокурсник в то время был в разводе, и у них завязался роман.

Она набрала его телефон и без предисловий спросила:

— Ты можешь посмотреть рабочий материал?

— Когда?

— Я вышлю за тобой машину.

— А компенсация?

— Когда скажешь.

— Сегодня.

— Согласна.

Она написала его адрес и протянула листок Второму режиссеру.

— Привезите этого человека.

— В группе сейчас нет машины.

Советские привычки держались уже второе десятилетие.

— Послушай, хер голландский! Я достала деньги на этот фильм. Ты получаешь зарплату из этих денег. Так пошевели задницей для меня хотя бы из уважения, что я тебе дала работу. Найди такси.

— Этим занимаются администраторы.

— Администратора рядом нет.

Второму режиссеру было за шестьдесят. Он не работал несколько лет, обнищал и озлобился.

— Мне тебя жаль, но я тебя уволю, — сказала она.

— Увольняй, — ответил Второй режиссер.

Он уже не выдерживал предложенного современного ритма киносъемок. Его бы и так уволили через неделю, а теперь он будет говорить, что его уволили из-за этой самодовольной суки.

Любовник-режиссер посмотрел с нею отснятый материал, прочитал остальные сцены, которые написал Сценарист для нее и Стаса.

— Хороший материал, — сказал он.

— Мальчик меня переигрывает. В этом варианте он главный герой, а я стареющая и страдающая шлюха.

— Период стареющей и страдающей шлюхи проходит каждая женщина.

— Экранный образ каждая женщина примеряет на себя. А как бы повела себя я? И все будут говорить: уж я бы так не поступила.

— Да. Потому что на экране увидели стареющую и страдающую шлюху. О себе-то они так не думают. Они не стареющие и не страдающие. Они тебя пожалеют. А если пожалеют, значит, ты выиграешь.

— Я не хочу, чтобы меня жалели, я хочу, чтобы мною восхищались.

— Период восхищения у каждой женщины когда-нибудь заканчивается.

— У меня заканчивается?

— Я этого не говорил.

Режиссер сдал назад, поняв, что пережимает. Еще одна-две унизительные реплики, и она поблагодарит его, сошлется на усталость и пообещает встретиться позже, на следующей неделе.

— Я думаю, что эта роль — одна из самых главных в твоей биографии, а может быть и главная. У каждого актера есть своя главная, звездная роль.

— Роль жалкой, униженной, брошенной мальчишкой женщины. А зачем это мне? Да, я, наверное, играю такую неплохо.

— Замечательно играешь.

— Но этой ролью я подписываю себе приговор. Если до этой роли я была молодой соблазнительницей, то после нее я перейду на роли матерей и бабушек. Это когда-нибудь все равно случится, но это «когда-нибудь» я хочу оттянуть на несколько лет.

— На сколько?

— На сколько удастся.

— Это так важно для тебя?

— Только это и важно. Я эту роль придумала для себя, я ее выстрадала, оплатила. Почему я должна от нее отказываться? Я — победительница по жизни, так буду победительницей и в кино. И меня, учительницу, будут любить за то, что я не поддалась мальчику, а осталась верной своему старому влюбленному другу.

— Друг — это Большой маленький актер?

— Да.

— Он старик.

— Он выглядит лучше тебя.

— Он старик. Он говорит как старик, он ходит как старик. Раздеться перед стариком — не велика победа. А раздеться перед молодым — это вызов стареющей женщины, все еще прекрасной и привлекательной. И пусть у мальчика от твоей наготы остановится глаз.

— Взгляд остановится и у старого друга.

— У старого друга потекут слюни.

— Я вообще не хотела раздеваться. Меня уже нельзя долго рассматривать обнаженной.

— А долго и не надо. Ровно столько, сколько необходимо.

— А как это определить?

— По реакции мальчика. Покажешь ему материал, и, если он попросит показать еще раз, значит, так и оставить.

— А если не попросит?

— Тогда надо сократить.

— Мне надо услышать еще одно мнение, — сказала Секс-символ. — Назови такого человека. Я ему заплачу.

— Есть такой человек. Ты пошли ему сценарий. Первый вариант, второй, и пусть перегонят отснятый материал на видео.

Режиссер написал на листке знакомую ей фамилию.

— Спасибо тебе за помощь. Как только я пойму, куда мне грести, мы с тобой загуляем.

Он знал, что если Секс-символ что-то решала, то просить и даже умолять ее переменить решение бессмысленно.

— Меня отвезут? — спросил он.

— Конечно.

В кабинет, где они смотрели материал, зашел директор картины.

— Подготовь приказ, — попросила она его, — уволить Второго режиссера.

— А как?.. — начал было директор.

— Вторым назначим Ассистентку. Она опытная и в картине.

— Надо согласовать с Продюсером, Режиссером.

— Согласуй. Но с завтрашнего дня она работает вторым режиссером. Если они найдут лучший вариант, пусть согласуют со мной.

Еще несколько дней назад были разрозненные отрывки. Сегодня, когда все сложили, уже появилась другая реальность, которой никогда не существовало, а теперь она возникла. Ее еще можно было изменить, развернуть, замедлить, приглушить или уменьшить темп, количество кадров, — и все менялось. В кино было все как в жизни, только в жизни невозможно вставить вырезанное и невозможно добавить, если выяснилось, что вырезали больше, чем надо.

— Договорись со Сценаристом о встрече, — сказала она Ассистентке.

— Ты уверена, что я справлюсь с работой второго режиссера? — спросила Ассистентка.

— Ты хочешь ее получить?

— Хочу.

— Значит, справишься. Не упусти этот шанс.

— Не упущу.

Поскребыш

Продюсер не приезжал на дачу уже несколько дней, не ночевал он и на городской квартире, значит, дело двигалось к разводу. Но бракоразводный процесс начнется не завтра, вряд ли им удастся договориться о разделе имущества через адвокатов, а суд может растянуться на несколько месяцев. И она отодвинула эту проблему в разряд несрочных. Она тоже перестала ездить на дачу. Ей оборудовали номер-люкс в бывшем санатории и будущем

пансионате, и она выезжала в Москву только по делам своего Агентства.

Утром она вставала рано, делала пробежку, купалась в речке и в ожидании съемочной группы проверяла счета, осматривала сделанное, каждый раз находя недостатки. Съемочная группа добиралась из Москвы не раньше десяти утра, снимать начинали ближе к полудню. Тогда она ускорила темп ремонта еще нескольких номеров, в которых разместили Режиссера, оператора и актеров, снимавшихся каждый день. Осветителей разместили в соседней деревне.

Теперь завтрак готовили к восьми утра и в девять уже начинали снимать. Пять сэкономленных съемочных смен выливались в солидную сумму в долларах. Теперь после съемок она обезжалась такие же разрушенные санатории, где скапала по бросовым ценам стулья, столы, диваны. Наняла нескольких деревенских плотников, устроила мастерскую по ремонту и обеспечила свой будущий пансионат старомодной, но вполне приличной, добротной мебелью. Пусть старомодность станет стилем, решила она.

Еду на съемочную группу готовили повара санатория. Они охотно вернулись на свои прежние места на кухне. Врач и медицинские сестры, которые несколько лет уже сидели без работы, занимаясь огородами, не могли дождаться, когда можно будет снова выйти на работу. Но пока срочно требовалось нанять профессиональных охранников: она обнаружила пропажу отреставрированного «сталинского» дивана, который она наметила поставить в холле пансионата. Всю прочную и громоздкую мебель пятидесятых годов прошлого столетия, которой обставлялись санатории и дома отдыха, она называла сталинской.

Охранили будущий пансионат три местные старухи, через две ночи на третью.

— Нужна профессиональная охрана, — сказала она директору съемочной группы.

— С этим трудно, — ответил директор. — Здесь не Москва, охранных агентств нет.

— Уволю, как только найду замену, — решила она окончательно. — Зачем нужен работник, который грузит проблемами, которые сам должен снимать.

— Поищи демобилизованных офицеров в соседних деревнях.

— Откуда офицеры в деревнях? — удивился директор.

— Многие ушедшие из армии офицеры оказались без квартир и вернулись к родителям в деревни в ожидании жилищных сертификатов, которые они ждут иногда по нескольку лет.

— Оформлять на работу? — спросил директор.

— Нет. Только после того, как я с ними переговорю. Но предварительно покажи им территорию, чтобы знали, что им придется охранять. Претендентов должно быть не меньше трех, чтобы у меня был выбор.

Первый претендент — оплыvший жирком майор пехоты — пришел в мундире с тремя медалями и ромбом со звездой, который означал, что он закончил высшее военное заведение. Майор снял у входа ботинки и заложил ногу за ногу, чтобы скрыть рваный носок. Но она заметила, как заметила и свекольную румяность щек, не свойственную сорокалетним мужчинам.

— Гипертоническая болезнь? — спросила она.

— Ни в коем случае, — стал отрицать майор. — Подскок давления из-за перепадов погоды.

Майор не подготовился к беседе. Он не знал, какую площадь занимает будущий пансионат, не было у него и предложений по организации охраны.

— Места здесь тихие, — сказал он. — Вполне справляются пенсионерки, как говорится, через день на ремень.

Второй претендент, тоже из офицеров, не задал ни одного вопроса ни о будущей зарплате, ни о жилье, хотя жил в десяти километрах от пансионата и не имел машины. Пьет, решила она. Претендент явно ждал окончания беседы, чтобы пойти и похмелиться. От него пахло *по* том, пивом и соляркой. Мог бы принять душ перед визитом к работодателю. Хотя какой душ в деревне, в деревне баня раз в неделю по субботам, а сегодня только среда.

Третий претендент был мужчиной лет сорока, в клетчатой ковбойке, дорогих итальянских ботинках. Еще она отметила швейцарские часы «Филипп Патек», которые не

могли себе позволить и вполне обеспеченные кинематографисты. Увидев ее, он заулыбался и сказал:

— Даже зубы заломило, какая вы красавая.

Дамский примитивный угодник, он ей сразу не понравился, как и двое предыдущих.

— Спасибо, — сказала она. — Перейдем к делу.

— Я согласен.

— На что?

— На все.

— Вы соглашаетесь и даже не спрашиваете о зарплате?

— Это в данный момент неважно.

— А когда будет важно?

— Начальная сумма не имеет значения. Увидите, что я хороший работник, и добавите. Не добавите — уйду.

Об этом претенденте она знала, что от него ушла жена, теперь она живет в Москве и вроде бы собирается выходить замуж, что у него двое сыновей, которые учатся в военных училищах.

— Вы женаты?

— Мы с женой оформляем развод. Ей не нравится жить в деревне.

— А вам?

— Мне нравится.

— Какие у вас предложения по организации охраны? — и она достала план будущего пансионата, чтобы побыстрее закончить разговор и отказать претенденту.

— На противоположном берегу вырос кемпинг с водными мотоциклами, ночными кострами на берегу. Квадрациклы — это рев моторов и шум с утра до вечера, а вечерами музыка и молодежные пляски. Проведя один день отдыха в вашем пансионате, в следующий раз люди больше не поедут.

— Ваши предложения?

— Уже сейчас надо нанимать толкового юриста и заключать соглашения: где-то вы им идете на уступки, где-то они. А в чем мы можем пойти им на уступки? Половина фарватера ваша. Перегородим его так, что они не смогут разогнаться. Хороший юрист многое может подсказать. И надо на них подавать в суд уже сейчас, чтобы они поняли, что намерения у вас серьезные... Следующее. Придется потратиться и поставить железную изгородь, чтобы отгородить подходы от леса, а иначе грибники и туристы будут проводить на территории пансионата столько же времени, сколько и отдыхающие пансионата. Своим можно раздать ключи от калиток.

— Железная изгородь — это обязательно?

— Да. И еще. Соседний совхоз совсем развалился. Они продают фермы, которые годны только на дрова. Я бы их сейчас прикупил для подсобного хозяйства пансионата, коров на двадцать и небольшую птицеферму. Земля под парники тоже нужна.

— Сейчас все продукты мы можем купить, зачем такие сложности?

— Вот расчеты, — и он протянул ей несколько листков бумаги. — Это слишком большая экономия, чтобы от нее отказываться.

— Хорошо, я посмотрю. Но кто всем этим будет заниматься?

— Займусь я.

Конечно, хорошо, чтобы был человек, который снял бы с нее часть проблем по пансионату. Тогда она бы оставила себе Актерское агентство, чтобы совсем не уходить из кино, и весь год жила бы за городом, а в Дом кино приезжала только на премьеры вместе с ним. У него такая замечательная фигура, и он, наверное, умеет носить костюмы. И совсем неважно, какой у нее получится фильм, ясно, что это будет средняя картина, может быть, чуть лучше, чем у Секс-символа, но обе картины забудут уже через неделю и вспомнят о них только при очередном показе по телевидению.

— Я не смогу вам много платить, особенно вначале, поэтому боюсь, что вам невыгодно

будет браться за эту работу.

— Я никогда не упускаю своей выгоды, — ответил он и рассмеялся.

— Чему вы радуетесь? — спросила она.

— Я радуюсь тому, что каждое утро буду видеть красивую улыбающуюся женщину, а это дорогое стоит. Я ведь вас давно знаю, еще с фильма «Обнаженная в шляпке».

Это был первый фильм, в котором она снялась обнаженной, сразу после Секс-символа. Их сравнивали, но Секс-символ все-таки была первой. Мальчики смотрели кино, они влюблялись в актрис и мечтали о них или женщинах, похожих на них. И когда мальчики вырастали и встречали актрис, в которых они были влюблены в детстве, самых упорных из них не смущала разница в возрасте, и они женились на своей мечте. Она знала несколько таких счастливых пар. Она прикинула возраст претендента. Они были ровесниками, а если он и был старше, то ненамного, лет на пять. Она могла выходить за него замуж. Еще несколько минут назад она готова была отказать ему даже в найме на работу, а сейчас уже считала варианты, ускорения сближения. Ему надо выделить номер если не рядом с ней, то хотя бы на этом же этаже. Но что-то ее беспокоило. Дорогие часы! Советские офицеры обычно носили часы советских часовых заводов или китайский электронный ширпотреб. И почему в военкомате директору не сказали, в каких войсках он служил?

— Простите, — спросила она, — вы кто по воинской специальности?

— Шпион, — ответил он.

— Разведчик? — уточнила она.

— Я служил в ГРУ, вам это название что-нибудь говорит?

— У нас есть один знакомый, так мой бывший муж, — то что муж у нее уже бывший, она сказала намеренно, — его характеризует как костолома из ГРУ.

— Я не из костоломов, я из аналитиков, — пояснил он и спросил: — А вы разве уже развелись с Продюсером?

— Мы в процессе, но он уже живет со своей новой пипеткой.

Он слишком много знал о ней для сельского жителя.

— Простите за эти вопросы, — сказал он, как будто прочел ее мысли, — но красивая женщина, живущая по соседству, не могла меня не заинтересовать, тем более что я был влюблен в вас…

— С детства, — подсказала она.

— Я старше вас на пять лет. Вы подписываете со мною договор?

— Подписываю…

Сценарист

Сценарист не любил рыбалку, не собирал грибов, поэтому в киноэкспедиции не ездил и на съемки в павильоны тоже. Обычно он отсматривал снятый материал перед тем, как режиссер начинал монтаж, и то только если режиссер просил его посмотреть, понимая, что многое уже изменить нельзя. Максимально подрезая, можно только снять раздражение от плохой игры актера.

Когда ему позвонила Секс-символ и попросила посмотреть отснятый материал, он удивился. По его расчетам, ему должны были показать материал недель через шесть.

Сценарист, дописав любовные сцены для Секс-символа и Стаса, уже стал забывать об этом сценарии. Один из телевизионных каналов заказал ему мини-сериал из четырех серий с двумя условиями: главному герою должно быть не более тридцати лет, потому что даже пожилые домохозяйки любят смотреть на молодых мужчин, и в каждой серии должна начинаться и заканчиваться своя сюжетная история.

Следовательно, нужны были четыре истории, объединенные одним персонажем.

Сценарист почти придумал эти истории и, как всегда, назавтра собирался сесть за компьютер и начать писать. Он знал, что сценариста во время съемок вызывают, только если произошла катастрофа и надо переписать роль с женщины на мужчину или, наоборот, с

мужчины на женщину. При необходимости переписать несколько реплик он диктовал их по телефону и не ездил на киностудию.

— Чего надо? — спросил он Секс-символа.

— Приезжай. Нужен твой совет.

Обычно режиссеры, а теперь и продюсеры, не советовались, а давали указания. Значит, случилось что-то неординарное.

— Присылай машину, — сказал Сценарист. Это был тест. Если дело не срочное, обычно машину не посыпали. Все-таки срочное, потому что ему тут же продиктовали номер машины.

Отснятый материал Сценарист смотрел в кабинете Продюсера.

— Кто еще смотрел материал? — спросил он у Секретарши.

— Никто, — ответила Секретарша. Такого быть не могло, чтобы Сценарист смотрел первым!

— А Секс-символ?

— А кто это — Секс-символ? — Секретарша улыбнулась.

— Тогда зеленый чай, пожалуйста, — попросил Сценарист, не отвечая на вопрос.

Вначале его раздражало, что Стас несет отсебятину. Он вроде бы и произносил реплики, написанные Сценаристом, но добавлял свои, более смешные. Дуэль Стаса и Секс-символа смотрелась интересно. Вернее, те кадры, в которых участвовал Стас, только и смотрелись. Рядом с ним Секс-символ становилась женщиной, стареющей женщиной, потому что хотела выглядеть моложе.

Сценарист пожалел, что не он придумал эту линию влюбленного в учительницу ученика.

Секс-символ вошла в кабинет сразу после того, как он вынул кассету из видеомагнитофона.

— Отвратительно, — сказала Секс-символ.

— По-моему, хорошо, — не согласился с ней Сценарист. — Пожалуй, это твоя лучшая роль за последнее время.

— А что хорошего? — возмутилась Секс-символ. — Он же издевается надо мной.

— Он посмеивается. Такая манера у молодых, чтобы скрыть смущение.

— Я не хочу, чтобы надо мной посмеивались.

— Это же роль.

— Сейчас материал досматривает Головешка. Выслушаем и его мнение.

— Головешка никогда не бывает объективным.

— Тем интереснее будет его послушать.

Головешкой называли известного критика, переиначив его фамилию.

Сценарист пожалел, что Секс-символ решила показать материал именно ему — Головешка был из молодых и злобных. В своих статьях он не прощал известным актерам и режиссерам ни малейшего промаха. Сценариста он приложил только один раз, назвав его сценарий перелицованным старомодным костюмом из габардина.

Головешка вошел и, к удивлению Сценариста, поцеловал руку Секс-символу. Секретарша принесла коньяк, кофе, печенье и, выходя из кабинета, включила на аудиосистеме клавишу записи. Такое было правило: если Продюсер отсутствовал, все обсуждения обычно записывались.

— Замечательно, — сказал Головешка. — Стас великолепен, вы временами скованы, но, надеюсь, Режиссер внесет корректизы, что-то подрежется. Здесь вы — Актриса.

— А в других фильмах я кто? Только голая задница? — спросила, улыбаясь, Секс-символ.

— В других по-разному. Очень часто просто модель для демонстрации великолепного тела.

— Меня убеждают продолжить эту демонстрацию и в этом фильме.

— Будут небольшие проблемы.

— Какие?

— Вам надо похудеть. Но ненамного. И не резко, иначе появятся складки. К сожалению, на экране вы все время помните о своих лишних килограммах. Зная свои недостатки, вы скованы, а вашу скованность фиксирует камера. Хотя, пожалуй, эта скованность и есть самое интересное. Да, стареющая женщина, да, стесняется своих складок на животе. Нет, не надо худеть. Я бы снял сцену, когда вы перед любовным свиданием рассматриваете себя в зеркало и видите складки, слегка обвисшую грудь, а на свидание выходите в полном своем блеске — с разворотом плеч, с втянутым животом.

— А что делать с грудью? — спросила Секс-символ.

— Я не знаю, но, наверное, есть способы подтяжек.

— Спасибо, — сказала Секс-символ. — Вы блестяще проанализировали материал. Мне нужен главный совет: оставить ли эту любовную линию с бывшим учеником или вернуться к первому варианту сценария, который вы читали.

— Ни в коем случае, — ответил Головешка. — Линия любви бывшего ученика и учительницы великолепна.

Головешка выпил коньяк, кофе и заспешил.

— Извините, ждут на редколлегии. — И в сопровождении студийного шофера удалился.

— Мерзавец, — сказала Секс-символ.

«Грубо, но разумно», — хотел сказать Сценарист, но не сказал, опасаясь, что эта сентенция вызовет ярость Секс-символа.

— Мерзавец, — повторила Секс-символ. — Он разбирает мои недостатки, как судья на ринге собачьей выставки. Он во мне уже не видит женщину. Я для него... — Секс-символ не решилась, наверное, произнести слово «старуха».

— Возвращаемся к первому варианту сценария, — сказала она уже спокойно. — Никаких Стасов, никаких влюбленных учеников. Вернее, влюбленный ученик пусть останется, но никакого романа между учительницей и бывшим учеником. Это безнравственно.

— Ученик вырос, — напомнил Сценарист.

— Будет, как я решила.

— А если Продюсер не согласится?

— Обойдусь без Продюсера. Основные деньги достал я.

Сценарист выразительно кивнул головой в сторону музыкального центра.

— Да пусть хоть снимается на видео, — и Секс-символ привычно улыбнулась лучшей из своих улыбок.

Сценарист промолчал. Ни возражать, ни соглашаться смысла нет. Основные события еще впереди. Секс-символ может и упереться, может и отступить. В кино окончательного решения не меняют, только когда фильм уже снят, смонтирован и озвучен. Он знал случаи, когда на съемках некоторых фильмов «окончательные решения» принимали десятки раз. В кино, как нигде, с принятым вечером решением рекомендуют переспать потому, что утро вечера всегда мудренее. Сценарист сделал пометку в своем блокноте: «Позвонить утром Секс-символу».

Режиссер

Режиссер, посмотрев отснятый материал, обрадовался: кино получалось интересным из-за игры Стаса. Мальчик играл почти блестяще. Он даже не играл, он был влюблена в Секс-символ и не скрывал этого. А Секс-символу этот напор нравился, она хотела казаться моложе, втягивала живот, разворачивала плечи, чтобы скрыть намечающуюся сутулость. Жировой горбик у женщин, склонных к полноте, начинает расти уже после сорока. Секс-символу это пока не угрожало, но она помнила об этом и тренировала мышцы шеи заранее. В кадре со Стасом Секс-символ выглядела молодой и обаятельной, но как только Стас уходил

из кадра. Секс-символ распускала мышцы живота, опускались плечи и грудь.

Еще долго будет красивой и притягательной, думал о Секс-символе Режиссер, но уже не для молодых, а для пятидесятилетних, потом шестидесятилетних.

Оператор не выключил камеру, когда был отснят очередной кадр, и зафиксировал момент, когда Секс-символ отдохала, положив руки на колени. Было заметно, как на ладонях проступили натруженные вены женщины средних лет.

Режиссер не хотел показывать материал Секс-символу, но она настояла на просмотре, после чего забеспокоилась и вызвала своего нерегулярного любовника-режиссера.

Она говорила с любовником больше двух часов. О чем? Любовник ее, вероятно, в чем-то не убедил, и тогда она пригласила на просмотр материала Сценариста и молодого критика, который всегда изгалялся над ее актерскими способностями и ценил только как Секс-символ десятилетия.

Раньше все было ясно. Режиссер приносил на студию сценарий, если сценарий одобряло руководство, производство фильма вставляли в план и давали деньги на съемки. Отснятый материал просматривали художественный руководитель объединения, директор студии. Если возникали сомнения, показывали в Кинокомитете. Он выполнял указанные поправки, потому что его с детства приучили повиноваться учительнице, еще раньше — воспитательнице детского сада. Он выполнял указания директоров, председателей, секретарей, всех, кому власть доверила эти указания давать. Его поражало, что другие режиссеры не соглашались с поправками, а без поправок руководство не выпускало фильм в прокат и режиссеру не выплачивали денег.

И режиссер не мог отремонтировать квартиру или дачу, не мог купить новых ботинок, потому что если режиссер не делал поправок, то производство приостанавливалось, и режиссер вначале получал простойную зарплату, потом половину зарплаты, а через год зарплату вообще переставали платить. Через год большинство сдавались и вносили поправки, вначале вроде бы совсем незначительные, потом кардинальные. Только самые упорные сопротивлялись по несколько лет. Режиссера такое упорство раздражало. Ну почему, если столяр сделал стул, а этот стул не понравился заказчику, то столяр не переделывает стул? Переделай и делай следующий. Дочерям нужны сапоги, даче — новый забор. Поэтому, когда времена изменились и люди, которые вложили деньги в кино, стали требовать и переделок, и сокращений, он воспринял эти требования как должное. Но в данной ситуации он, профессионал, видел, что фильм получается, потому что Стас замечательный актер и не играет любовь, а любит Секс-символ почти так, как любил в детстве, только теперь он уже был взрослый, современный ироничный мужчина, и Секс-символ пытается ему соответствовать. У нее не очень получается, но это не только у актрисы не получается, а уже не очень молодая женщина проигрывает молодому мужчине.

Секс-символ приостановила съемки. Теперь ждали, когда материал посмотрит Продюсер. Режиссера не оскорбляло, что ему ничего не сообщали, с ним не делились, не советовались, не просили, не извинялись. Просто остановили съемки. Он бы поговорил с Продюсером, но Продюсер договаривался с немцами в Берлине по другому проекту, и он спросил Секс-символа:

— Когда начнем снимать?

— Когда надо будет, тогда и начнем.

Всегда Режиссер в кино считался главным лицом, он принимал окончательное решение на съемках. Теперь решение принимала Секс-символ. Она достала деньги и могла на эти деньги нанять другого режиссера, и никакие продюсеры не могли его защитить, потому что он подписал договор, по которому его могли отстранить от съемок в двадцати случаях. Он попытался не подписывать, но ему передали, что в таком случае он не будет снимать. В кино всё заменяется: и актер, и режиссер, и любой специалист в съемочной группе могут быть заменены. Могут измениться места съемок, выброшены или вставлены новые эпизоды в сценарии.

Режиссер уже в пятый раз отсматривал материал в кабинете Продюсера. Секретарша

заглянула и спросила:

— Кофе, чай?

— Рюмку водки или коньяку.

Когда Режиссер вел переговоры с Продюсером о съемках этого фильма, Секретарша подавала им хороший коньяк «Хеннеси». На этот раз она налила ему рюмку армянского коньяка явно московского разлива.

— Вам нравится отснятый материал? — спросил Режиссер.

— Мне нравится, — Секретарша улыбнулась.

В группе поговаривали, что Секретарша — любовница Продюсера. Всегда информированные ассистенты утверждали, что Продюсер собирается уйти от Поскребыша и жениться на ней. У женщин больше возможностей для выдвижения. Мальчишку в лучшем случае возьмут в курьеры, а секретарша, если она умна и наблюдательна, через несколько дней может сделать основополагающие выводы и получить достаточно информации, чтобы решать, чью сторону держать, к кому пристроиться.

— Чем я могу вам помочь? — спросила Секретарша.

— Объяснением происходящего.

— Секретарши обычно дают секретарские объяснения, которые ничего не объясняют.

Она улыбнулась и вышла. За те несколько лет, что он не снимал, многие представления переменились. И раньше не все раскрывали, но хотя бы извинялись и придумывали благовидные предлоги.

Несколько дней назад Секс-символ извинилась и попросила его, Режиссера, выйти из декорации, потому что хотела переговорить с Ассистенткой наедине. Но она была хозяйкой, а он нанятым работником. А что делать? Бунтовать, жаловаться на Секс-символ Продюсеру? Но они с ней партнеры. Это все равно, что жаловаться мужу на жену. Примите меры. Меры, возможно, и примут, но меры против него. Доснять фильм, возможно, и дадут, но от монтажа наверняка отстранит, мотивируя это тем, что на Западе уже давно монтируют не те, кто снимают. Оставалось только ждать, когда будут приняты какие-то решения.

Режиссер дошел до автомобильной стоянки. В последние недели он не обращал внимания на свою старую «Волгу». Как только он получит деньги, а по договору очередные десять процентов должны поступить на его счет после окончания съемок, перед началом монтажных работ, он купит себе новый автомобиль. Он уже решил, что это будет небольшой джип «мицубиси» или, в крайнем случае, «сузуки-витара». Его промежуточного гонорара вполне хватало, чтобы купить не новый, трехлетний джип.

Но если съемки приостановятся и он будет в простое, то уже полученные деньги его женщины проедят. Они и так несколько лет откладывали на потом необходимое для них: одна — реставрацию шубы, все трое — покупку новых зимних сапог, туфель, потому что мода сделала очередной зигзаг и вместо тупоносых, удобных, на низком широком каблуке, теперь снова носили остроносую обувь, юбки удлинились, снова стала модной буклированная ткань. Если простой затянется и он не купит джип к зиме, то лето можно проездить и на старой машине. А потом, пока он будет искать новую работу, то истратит отложенные деньги. Следовательно, сейчас, пока его возят на студийной машине, надо поставить свою «Волгу» в гараж к умельцам, чтобы они перебрали двигатель. Конечно, в ремонт придется вложиться, но после такого ремонта у любителей «Волга» повышается в цене.

Чтобы поднять настроение, Режиссер позвонил актрисе, которая почти всегда была дома, и хотел договориться о встрече. Он привезет ее любимый ликер и конфеты, получит удовольствие, не супружеское, а как в молодости — то ли в ванной, то ли на ковре. К таким неожиданностям жена относилась очень сдержанно и предпочитала заниматься сексом только после предварительной подготовки.

Актриса обрадовалась, вернее, сделала вид, что обрадовалась его звонку, но на встречу не согласилась. Это была ее мелкая месть за всего лишь маленькую эпизодическую роль, которая досталась ей в картине.

Режиссер позвонил Ассистентке и предложил встретиться.

— Извини, милый, я же теперь Второй режиссер. Твой Второй режиссер.

Конечно, можно было бы подумать и о других запасных вариантах, но Режиссеру все стало вдруг неинтересным, и он выехал со студии на набережную Москвы-реки, по инерции замечая проносящиеся мимо джипы.

Секретарша и Продюсер

Пока Продюсер отсутствовал, все расслаблялись. Опоздание в десять минут не считалось опозданием, задерживались с обеда, срочные факсы отправляли на следующий день.

Наверное, все знали, что она спит с Продюсером, не осуждая и не завидуя. Такая уж участь всех молоденьких секретарш — рано или поздно, с этим руководителем или с другим, пока не замужем, это неизбежно. Конечно, и на секретаршах женились, но не часто, кратковременный роман с секретаршей был нормой, женитьба — исключением. Никто не предвидел, что она уже примеряет на себя обязанности хозяйки, владелицы маленькой, но студии, и к оборудованию — компьютерам, факсам, принтерам, сканерам — относилась как к собственному имуществу, запрещая девочкам использовать картриджи и бумагу студии в личных целях.

Никто не предполагал, что она почти сразу разобралась в расстановке сил и симпатий на студии. Такое редко, но случается. В тринадцать лет девочка еще ребенок, в пятнадцать — подросток, в шестнадцать — юная девушка, к восемнадцати — уже все понимающая женщина.

Она почти сразу догадалась об истинных отношениях между Продюсером и Поскребышем. Такие отношения напоминали ей отношения между родителями. Но, в отличие от матери. Поскребыш всегда говорила умно и зло.

Продюсер ей понравился сразу, и, прикинув, что разница между ними — в двадцать лет, она решила, что это вполне нормально. В последние годы преуспевающие, еще совсем не старые мужчины, часто разводились со своими женами и женились на ее ровесницах.

Теперь, когда забеременела, а этого еще никто не заметил, она понимала, что у нее в запасе не так много времени. Ее поразило, что Поскребыш через день после того, как она осталась на квартире, которую снимал Продюсер, не эту, сегодняшнюю, а другую, увидев, осмотрела ее оценивающе и спросила:

— У тебя парень есть?

— Есть, — ответила она.

— А если он узнает, что ты спишь с начальником?

— Это будут его проблемы.

— А какие твои проблемы на сегодня?

— Пока никаких.

— Ну, поиграй во взрослую жизнь, — и Поскребыш улыбнулась. — Только эта взрослая жизнь не так уж привлекательна. Надо постоянно думать о его диете потому, что он все еще толстеет, хотя вроде бы и некуда, и это при его язве желудка, намечающейся стенокардии, возможном диабете. **Бо**льшая половина мужчин-евреев — диабетики. Тебе придется выслушивать охи и кряхтения по утрам оттого, что перепил вечером. Поиграй, но не заигрывайся, — предупредила ее Поскребыш. — Уволю.

В этот же вечер Секретарша снова поехала с Продюсером на его квартиру, и ее не уволили. То, что Секс-символу не понравился материал и она приостановила киносъемки, обсуждалось и в киногруппе, и в офисе. Такого на киностудии еще не случалось. Она чувствовала, что на студии что-то назревает. В киногруппе нервничали из-за увольнения Второго режиссера и назначения на его место Ассистентки. Она тут же позвонила Продюсеру в Берлин.

Уезжая, он говорил:

— Оставляю тебя на хозяйстве.

Теперь она отслеживала все, что происходило на студии, и рассказывала ему, когда он возвращался. Его поражало, что на каждый его вопрос у нее был вполне аргументированный ответ.

Поскrebыш теперь ей улыбалась, как всем на студии. Она не знала, что недавно между Поскrebышем и Продюсером состоялась ставшая уже привычной утренняя беседа.

— Я сегодня не приеду на дачу, — сказал Продюсер.

«На завтрак и на ужин тебе в холодильнике приготовлен аварийный запас еды», — обычно отвечала на это Поскrebыш, но на этот раз она сказала:

— Я думаю, что ты уже выполнил свой долг начальника и окучил молодую Секретаршу. Я бы не хотела, чтобы этот долг перешел в обязанность. Ты для нее уже сделал достаточно: в институт поступил, старенькие «Жигули» купил. Пусть девочка учится.

— Пусть девочка учится, — подтвердил Продюсер.

— Остановись, милый. Я тебе не давала оснований так поступать со мною. Мы же с тобой договорились с самого начала: если что-то начнет рушиться в наших отношениях, ты мне об этом скажешь.

— Я тебе скажу, — ответил Продюсер, хотя раньше, когда она напоминала о его обещаниях, отвечал привычной фразой: «Не говори глупостей».

На этот раз он этого не сказал.

— Поскrebыш о тебе расспрашивает, — предупредила Хлопушка (так называли всех помощниц режиссера).

И она теперь присматривалась к Поскrebышу. Обычно Поскrebыш не особенно интересовалась фильмами, которые были в производстве у Продюсера, ей хватало своих забот со своим Актерским агентством. Поскrebыш каждый год снималась в двух-трех фильмах, конечно, не в главных ролях, но она могла вытянуть любой эпизод.

В первый же день работы в киногруппе Секретарша взяла сценарий, в котором должна была сниматься Секс-символ. Она прочитала оба сценария и удивилась, как роли Поскrebыша и Секс-символа похожи, но фильм с Поскrebышем уже снимался, а с Секс-символом находился в периоде подготовки. Тогда она сказала Продюсеру:

— Роли Секс-символа и жены очень похожи.

— Они давние соперницы, — ответил Продюсер, но оценил ее наблюдения.

Самолет из Берлина прилетел утром, и Продюсер из аэропорта приехал в офис. Он обнял ее и сказал:

— Рассказывай.

— Секс-символ остановила съемки.

— Чем мотивировала?

— Наверное, мотивы она изложит тебе.

— Еще как изложит. А что говорят в группе?

— Что ей не нравится, как играет Стас.

— Разберусь. Сразу после полудня поедем к нам.

— Не надо. Уже и так стали замечать, что после твоего приезда я раньше ухожу с работы.

— Им к этому придется привыкнуть.

— Секс-символ просила передать, что готова встретиться с тобой в любое удобное для тебя время.

— Кассета на сколько минут?

— На сорок две.

— Дай мне кассету и сообщи ей, что я буду готов к разговору через сорок две минуты.

— Есть и другие срочные дела, требующие твоего решения. Не возражаешь, если я приглашу ее через час двадцать?

— Не возражаю. А что думаешь ты? Отчего она вдруг взбеленилась?

— Я думаю, она узнала, что ее роль и роль жены очень похожи.

— В каком смысле?

— В прямом.

— А почему ты мне об этом раньше не сказала?

— Я говорила.

— Да, что-то говорила. Оба сценария ко мне на стол. Секс-символ приглашай через три часа. Я должен перечитать сценарии, и никого ни по каким другим проблемам не принимаю.

Вначале Продюсер посмотрел рабочий материал съемок. Стас ему понравился. Смешно и трогательно. Секс-символ играла очень средне. Ее надо будет подрезать в монтаже. Фильм получался. Он ждал неприятностей, но неприятностей здесь не было. Он еще раз просмотрел отснятый материал. Первое впечатление оказалось верным. Смотреть было интересно, но самыми удачными были сцены Секс-символа и Стаса. Молодой мужчина и красивая, но уже стареющая женщина, которая это понимала и пыталась скрыть.

Продюсер закончил просмотр и вызвал Секретаршу.

— Садись! — сказал он. Она продолжала стоять. — Садись, есть разговор...

Она села.

— Как тебе кино? — поинтересовался он.

— Мне нравится, — ответила она.

— Что нравится?

— В основном только Стас и Секс-символ. Я бы продолжила эту линию.

— Как?

— Пусть Секс-символ потерпит поражение. Мальчик ей должен изменить. Мальчики в конце концов всегда изменяют старушкам.

Он отметил про старушек. Они с Секс-символом ровесники, значит, он тоже стариочек.

— Нельзя обижать старушек. Основные зрительницы состоят из таких старушек. А старушки хотят, чтобы все заканчивалось хорошо.

— Старушки смотрят кино по телевизору, — возразила она. — А в кино ходят молодые телки, которые не любят, когда их законные места занимают тетки или старушки.

— А чем успокаются тетки и старушки?

— Учителем физики. Но Секс-символ — еще и мечта для многих молодых телок, поэтому ее отступление должно быть достойным. Она сама должна уйти от молодого, тогда и молодой будет наказан за то, что кинул ровесницу. Все по старому принципу: за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

— Ровесницы в фильме нет.

— Ее надо ввести. В фильме мало молодых лиц.

— С новым персонажем мы не войдем в метраж фильма.

— Придется сократить производственную часть, оставить ее только как фон. Главный интерес только во взаимоотношениях молодого мужчины и стареющей женщины.

Она была права. Пока она говорила, он прикинул, что и где можно безболезненно сократить. Получится очень неплохой фильм, лучше, чем он ожидал. Как только Режиссер закончит съемки, его придется отстранить, а монтаж поручить молодому, из клипмейкеров. Эти ребята, пришедшие из рекламы, профессионально безжалостны, они-то уж не оставят ни одного лишнего кадра. Режиссер, конечно, будет канючить и доказывать, что лучше его никто не смонтирует. Плевать.

— Молодец! — похвалил он. — Ты все усекла под самый корень. Я, пожалуй, переведу тебя в линейные продюсеры. Поработаешь месяца четыре, перед тем как уйдешь в декрет. И мне будет приличнее жениться на линейном продюсере, чем на собственной секретарше.

— От этого клейма, что ты женился на собственной секретарше, уже никуда не уйдешь. Но ведь жениться совсем необязательно. Можем пожить гражданским браком, сейчас так многие делают.

— Я хочу жениться. А ты разве не хочешь замуж?

— Разок сходить замуж, конечно, надо... да и хочется, — фата, венчание. Кстати, а тебе можно венчаться?

— Можно. Я крещеный еврей. А почему так много плохих актеров в эпизодах? — спросил он, чтобы проверить, заметила ли она эту странную закономерность. — Это вкус Режиссера, или Ассистентка пристраивала своих знакомых?

— Это клиенты Актерского агентства нашей жены.

— Она настаивала на их участии?

— Я не знаю. Ассистентка очень толковая, вряд ли это ее самодеятельность. Кстати, Секс-символ уволила Второго режиссера и теперь Ассистентка исполняет его обязанности.

— Вызывай Секс-символа.

— Я бы не торопилась...

— Почему?

— Секс-символ рвет и мечет. Пусть успокоится.

— Сколько времени надо женщине, чтобы успокоиться и поменять решение?

— Мне достаточно суток. Но я жалостливая и сентиментальная, Секс-символ покрепче.

— Она меня все равно достанет.

— Ты собирался съездить на съемки в Одессу. Суток за трое обернешься.

Так и сделаю, решил он и подумал, что решила она, а он принял ее решение.

Продюсер и Секс-символ

Он и Секс-символ встретились через три дня, как встречались всегда. Поцеловались.

— Переменил парфюм? — спросила она.

— Ну и память у тебя! — восхитился он.

— На память не жалуюсь, — ответила Секс-символ и предложила: — Приступим к обсуждению. У меня есть предложение: вернуться к первому варианту, выбросить роль Стаса, естественно, заплатив ему за проделанную работу.

— Нет, — ответил Продюсер.

— И обсуждать не будем? — удивилась Секс-символ.

— Не будем. Мне рассказали обо всех обсуждениях, которые ты провела. Я знаю мнения твоих оппонентов и разделяю их мнения, а не твои, потому что при таком варианте получается хорошее кино.

— Тогда я ухожу и забираю половину денег из проекта.

— Договор внимательно читала? — спросил Продюсер.

— Мои юристы предупредили меня, что могут возникнуть сложности, но в конце концов враг будет разбит и победа будет за мною.

— Ты и так победила. Ты впервые в жизни сыграла замечательную роль. Именно с этой ролью ты войдешь в историю кино. — Продюсер подумал, что он беззастенчиво перегибает, но продолжил: — Думаешь, будут помнить о твоих замечательных сиськах, как помнят сегодня миллионы мужчин?

— Я думаю, эти ценности как раз и не пересматриваются.

— Еще как пересматриваются. Попка и сиськи — это только представление об эротике в кино в историческом аспекте.

— Грудь, — поправила Секс-символ. — Сиськи — это вульгарно.

— Грудь, — согласился Продюсер. — Если бы это был плохой или средний фильм, зачем мне с тобою ссориться по такому пустячному поводу? Но это хороший, а может быть, и великолепный фильм. У меня не так много хороших фильмов, а этот, вероятно, лучший, и я его тебе не уступлю. Я буду судиться и выиграю процесс, потому что договор составлял я и предусмотрел вариант, если ты попробуешь выкинуть этот фортель.

— Считай, что выкинула. Я не буду сниматься дальше.

— Посмотри пункт о штрафных санкциях. Штраф очень большой. А ты не бедная. Я докажу в суде, что ты способна заплатить двести тысяч долларов.

— Не дождешься.

— Дождусь.

— А если я выплачу эти деньги?

— Перестрою сюжет, материала достаточно, и озвучу другой актрисой.

— Поскребышем?

— Возможно.

— Давай все-таки обсудим, а вдруг я тебя сумею убедить?

— Нет. Фильм замечателен, и я не хочу его калечить.

— Но на экране я старая и надо мною смеется мальчишка.

— Он по-прежнему хочет с тобою переспать или уже переспал?

— Какое тебе дело, с кем я сплю!

— Спи с кем угодно, но со Стасом не спи. Он привык, что ему не отказывают. А ты ему не дай. Это его разозлит, а злость и мальчишеская обида, что тетя ему не дала, проявятся на экране.

— Зачем?

— Для твоей же победы. Да, ты стареешь, как стареют миллионы женщин. Но у этих миллионов должна быть надежда. У тебя надежда — учитель, который в тебя влюблен. Но, чтобы покаяться, надо согрешить.

— Но я же не согрешила. И это печальное возвращение к старику.

— Это радостное возвращение. Миллионы зрительниц должны понять, что всегда есть к кому вернуться. А он не стариk, о таких элегантных стариках мечтают юные девочки. Мы отстаем на две недели, — напомнил Продюсер в конце разговора.

— Я нагоню, — пообещала Секс-символ, и поняла, что согласилась и приняла доводы Продюсера. На самом деле она приняла их почти сразу, а сопротивлялась, чтобы увериться, что не ошибается. Так она покупала одежду. Зная, что купит, вначале всегда отказывалась, потом соглашалась, снова отказывалась, а потом, когда ее все перестали убеждать, внезапно соглашалась. И с мужчинами она поступала так же.

Поскребыш

Всегда существовали мальчики и девочки, которые влюблялись в актрис и актеров, поразивших на экране их детское воображение.

Актеры старели, девочки вырастали, но по-прежнему любили своих детских кумиров. И когда старый, чаще всего овдовевший или много раз разведенnyй актер оказывался в одиночестве, всегда находилась девочка из прошлого, которая выходила за него замуж. Разница в возрасте иногда достигала сорока-пятидесяти лет.

И актрисы выходили замуж за бывших влюбленных в них мальчиков, правда, разница в возрасте в этом случае была меньше, но тоже достигала двадцати-тридцати лет.

На таких актрис она всегда смотрела с жалостью, считая, что сама никогда не попадет в подобную противоестественную ловушку.

Ее начальник охраны был ее ровесником и даже чуть старше. Ровесники мужчины, достигнув критического сорокалетнего возраста, уходили от сорокалетних женщин чаще, чем от женщин, которые моложе их или даже старше. У нее были мужчины разных возрастов, но она обычно уходила от мужчины, как только он начинал думать об уходе. Этот момент она улавливала задолго до принятого им решения и всегда уходила первой.

— Надоел, — обычно объясняла она подругам. Но сейчас она хотела, чтобы этот мужчина оставался с нею до конца жизни. Сорокалетние женщины видели этот конец далеко за восемьдесят. Она не могла бы объяснить, но чувствовала, что этот охранник станет не только ее мужем, но и партнером. Сейчас, наверное, многие уже знали, что у Продюсера появилась пипетка, и поэтому она должна первой объявить всем о своем уходе от Продюсера.

Осталось снять всего несколько эпизодов из фильма «Пансионат для богатых». Федор уже наладил охрану. Теперь она называла его по имени без отчества, и такая форма предполагала и мгновенный переход на официальные отношения. Сейчас он заканчивал

ремонт бывшего санатория.

— Нужны большие деньги, — сказал он еще в первые дни, когда пересчитал смету, составленную директором фильма. — На мелком воровстве денег от съемок фильма можно будет сделать только косметический ремонт.

— Что ты предлагаешь?

— Уволить директора.

— За что?

— За то, что он не привлек денег на реконструкцию, а только воровал по-мелкому, ухудшая изобразительную часть фильма и не улучшая реконструкцию будущего пансионата. Кстати, ты ему предложила долю от будущих доходов?

— Я ему обещала должность директора пансионата.

— За обещания работают только идиоты. Это еще одно подтверждение, что он идиот.

— У него нет денег, чтобы вложить в пансионат.

— Значит, как партнер он не нужен.

— У меня тоже нет больших денег.

— Я найду деньги, но тогда яучаствую в доходах.

— Закрытое акционерное общество? — поинтересовалась она.

— Формы могут быть разными, но контрольный пакет акций останется у вас. Это разумно. Вы — главная приманка или, как бы сказали молодые, главная фишка. Владелица — известная актриса! Значит, будет культурное обслуживание и вряд ли станут воровать на кухне.

— Я о вас ничего не знаю, — сказала она. — В военном комиссариате, несмотря на все мои связи, мне не удалось узнать даже вашего бывшего звания.

— Я подполковник. О моих деловых качествах вы можете справиться в Главном разведывательном управлении Генерального штаба. Но запомните, когда офицер уходит в отставку подполковником, значит, он звезда с неба не хватал, но и не полный идиот, если дослужился до подполковника. Я толковый работник даже и вне армии, можете обо мне узнать у вице-губернатора, и с губернатором я знаком, но он все-таки посматривает на меня свысока: он генерал, а я подполковник. Берите меня в партнеры, не пожалеете...

— Мне надо несколько дней на размышление, — сказала Поскребыш.

Нескольких дней не хватило, добывать сведения о нем оказалось трудно даже при ее связях.

Но она узнала, что у него в области есть свой бизнес — небольшая лесопилка — и акции кирпичного завода.

У нее были знакомые генералы. В министерстве обороны ей подтвердили, что он действительно из ГРУ, теперь на пенсии, живет в деревне в доме покойных родителей. Ему предлагали стать директором крупного московского отеля, потому что у него был опыт: в какой-то стране он был владельцем отеля.

— Значит, он богатый? — осведомилась она.

— Вряд ли, — ответили ей. — Не те были времена, чтобы разрешали разбогатеть, а отель, скорее всего, был прикрытием, а сейчас этим отелем якобы владеет тот, кого послали на его место.

И она поняла, откуда у него интерес к пансионату, — может быть, он знал и любил такой бизнес.

— Пригласите меня в гости, — попросила она подполковника.

— Когда?

— У меня сейчас все вечера свободные.

— Тогда сегодня я пришлю за вами машину.

— Я приеду сама, я знаю деревню, в которой вы живете.

Его дом не отличался от других деревенских домов. Такой же забор из штакетника, может быть, чуть выше, чем у остальных. Колодец во дворе. Хлев для скота, сарай. Но в

доме стояла удобная шведская мебель, деревянная, не крашеная. Ее поразила кухня со всеми рекламируемыми сегодня приспособлениями: двухкамерный огромный холодильник, набор соковыжималок и кухонных комбайнов, но особенно ее обрадовала посудомоечная машина.

Вино было чилийским, но хорошего качества, много овощей и жареная рыба.

— Сам наловил утром, — объяснил он.

— Удочкой, спиннингом? — спросила она.

— Браконьерствую сеточкой, — признался он.

Они поговорили о кино. Он хорошо знал испанское и португальское. Кроме Южной Африки он, вероятно, поработали в Южной Америке.

По тому, как он смотрел на нее и вроде бы невзначай прикасался, она поняла, что он хотел, чтобы она осталась.

— Я перебираю с вином, — сказала она.

— Я тоже. Но мы найдем кого-нибудь, кто вас отвезет.

— А я могу переночевать у вас? — спросила она.

— Конечно, — ответил он. — Где вам постелить?

— Стелите у себя, все равно этого не избежать, — ответила она.

— Я бы не хотел этого избегать. Мне очень понравился ваш ответ...

Она не поняла, был ли он нежным или опасался, что не справится со своей ролью. Она не любила сексуальных прелюдий и если хотела мужчину, то желала, чтобы все произошло сразу и длилось не очень долго. От сексуальных упражнений она уставала. Утром ей захотелось уже совсем стремительного секса. Он понял и обрадовался этому. Все получится, решила она, придется только немного приспособить его под себя. Продюсер про нее знал все, и она всегда радовалась, что ему ничего не надо объяснять. Ничего, обучу и этого, решила она.

Она отсмотрела весь отснятый материал, и поняла, что получается средний фильм с минимальным прокатом, но телевизионные каналы его купят. Доход будет минимальный.

Она знала, что Продюсер и Секс-символ снимали непрерывно, догоняя упущенное время. Ей очень хотелось посмотреть отснятый материал.

— Мне надо посмотреть, что получилось у них, — сказала она Ассистентке, а с недавних пор Второму режиссеру.

— Это невозможно, пленка под двойной охраной, они боятся, что пираты снимут копию.

— Мне надо посмотреть, что получилось у них, — повторила она.

— Интересно получилось.

— А как она?

— Впервые без дураков хороша. Она попросила меня сделать ей копию на ВХС. Я дам тебе эту кассету, но смотреть будешь в моем присутствии.

— Ты и мне уже не веришь?

— Мне слишком хорошо платят, чтобы верить, и к тому же она пригласила меня на вторую картину.

— Она собирается делать вторую картину? О чем?

— Я дала слово.

— Дала слово, держи его. Где будем смотреть?

— У меня в кабинете. У меня теперь свой отдельный кабинет, — не могла не похвастаться Ассистентка.

Они прошли в кабинет, Ассистентка закрыла дверь на ключ и вставила кассету в видеомагнитофон.

Поскребыш была профессионалом и через десять минут поняла, что фильм хороший, а может быть, и замечательный. Теперь она будет играть матерей, подумала Поскребыш, хотя еще две-три картины может играть и любовниц. Еще она подумала, что Секс-символ, пожалуй, актриса лучше, чем она, впервые подумала так за двадцать лет. Соревнование и соперничество между ними закончилось. Она будет заниматься пансионатом и Актерским

агентством, а года через два-три Секс-символу тоже придется менять род деятельности. Может быть, она станет режиссером, может быть, продюсером. Если бы она знала, чем заканчиваются все страсти и интриги. Конечно, и она, и Секс-символ не уйдут на пенсию, как работницы с «Трехгорки», они будут сопротивляться, теряя с таким трудом завоеванные позиции. Наверное, в последний раз Поскребыш пожалела, что не имеет детей, сейчас могла бы заниматься внуками.

— Узнать, про что она будет снимать кино? — спросила Ассистентка.

— Не надо, — ответила она и подумала: — «Неужели я проиграла?» И решила, — нет, не проиграла. Недавно она читала книгу про войну, где генерал всегда говорил: мы отступили на заранее подготовленные позиции. А она заранее подготовила другие позиции: сначала — Актерское агентство, а теперь пансионат, партнера и, может быть, даже мужа. Женщине в сорок лет дай бог с этим справиться.

Премьера

Сценарист

«Гости съезжались на дачу», — вспомнил Сценарист первую фразу незаконченной повести Пушкина. Сейчас гости съезжались в Дом кино на премьеру «Деловой женщины».

Сценарист попытался подсчитать, сколько в его кинематографической жизни было премьер. Оказалось около тридцати, где он был автором, соавтором и просто «негром», дописывая или переписывая чужие сценарии за деньги, чаще всего за очень хорошие деньги, не меньше официального гонорара.

Были премьеры стыдные. Он приходил на премьеру, чтобы оплатить часть банкета. Обычно деньги на банкет давали режиссер, сценарист, немного оператор и очень редко композитор.

На банкетах произносились тосты за режиссера, главных актеров, за сценариста, а потом уже за всех, кто сидел за столом.

Иногда фильм был так плох, что он не являлся на премьеру, заранее передав деньги на банкет.

Сегодня он шел на премьеру, как на свидание с женщиной, которая вот-вот может стать любовницей. Он почти всегда надеялся на блаженство первой близости, абсолютно противоестественной, потому что эта близость происходила в присутствии нескольких сотен людей. Но он управлял этими сотнями. Они смеялись там, где должны были смеяться: старые, молодые, завидующие ему, безразличные, знакомые и незнакомые, а смеялись там, где он написал удачную реплику, актер удачно ее исполнил, а режиссер не вырезал при монтаже.

Были случаи, когда все, и он тоже, надеялись на чудо, но чуда не происходило. Все, конечно, видели ошибки в подборе актеров и провалы сюжета, но все равно думали: а вдруг понравится, и никто не будет уходить из зала, и будут аплодисменты. Кто-нибудь обязательно подсчитывал, сколько раз аплодировали во время демонстрации.

В этот момент загремела вступительная музыка, и вся группа пошла на сцену. Работницы Дома кино преподнесли актрисам цветы.

Обычно группу представлял режиссер, но теперь довольно часто после режиссера выходил продюсер, который благодарил режиссера и главных актеров. Обычно продюсер больше трех-четырех актеров не запоминал.

Как он и предполагал, вышел не Режиссер, а Секс-символ, сообщила, что она один из продюсеров фильма и что по ее идее Сценарист сочинил эту историю.

Сценарист знал, что обычно сценаристы на премьерах не выступают, но он пригласил учительницу, надеясь, что она снова на субботу и воскресенье переселится к нему, сообщив родителям, что поехала к подругам на дачу. Ему хотелось произвести на нее впечатление, и

он сразу же после слов Секс-символа быстро подошел к микрофону и сказал:

— Она говорит правду.

В зале засмеялись.

Секс-символ улыбнулась Сценаристу, представила Продюсера, сказав, что они дружат с институтских времен. Каждому досталось по хвалебной реплике, а Режиссеру даже две.

Представление не затянулось, и пошел фильм.

В фильме осталось все, на чем настаивал Продюсер и хотел Сценарист. Кино покатилось, потому что смеялись в тех местах, в которых должны были смеяться. В середине фильма из зала вышли несколько старых кинематографистов. Они делали это на каждом фильме — увеличенная простата гнала их в туалет, — но вернулись досмотреть, и это было одним из признаков качества фильма. Если фильм не увлекал, они не возвращались, ожидая жен в буфете.

Режиссер

Режиссер еще раз перебрал в памяти фамилии и имена участников съемочной группы, чтобы не ошибиться и не перепутать. Секс-символ вообще не помнила фамилий.

Накануне Режиссер получил гонорар и тут же купил «сузуки-лиану», среднего класса автомобиль, но с четырьмя ведущими, и уже второй день радовался легкости совершившейся японской машины.

Слух, что он снял хороший фильм, вероятно, уже ходил среди кинематографистов, и телевизионный продюсер предложил ему снять телефильм из восьми серий. И он согласился, заказав дорогую путевку в дорогой санаторий, чтобы отдохнуть перед съемками. Он решил не экономить на себе. Он был спокоен и вальяжен. Впереди его ждала работа, и поэтому не было привычного страха неизвестности.

Редактор

Елизавета стояла на сцене рядом со Сценаристом, но он ей дежурно улыбнулся и только. Уже больше месяца он не приезжал к ней и не приглашал к себе, а на премьере появился с учительницей, которая была моложе ее на двадцать лет. Сценарист на старости лет, вероятно, хотел, чтобы ему родили ребенка, а она этого уже не могла.

Еще Елизавета подумала, что истратила все деньги на косметический ремонт маршальской квартиры, а предложений новой работы не было. Напьюсь, решила она уже окончательно.

Ассистентка

Ее радовало новое платье. В нем она казалась моложе и стройнее. Она согласилась поработать с Режиссером над новым телефильмом. Он все больше зависел от ее энергии. На следующей картине я уведу его от жены, подумала она. Он их всем обеспечил — дачей, квартирами, вырастил и выучил дочерей, вполне может завести еще одного ребенка и успеет поднять его на ноги с ее помощью. Потом она поработает с Секс-символом, но это случится через полгода, для нее сейчас заканчивали сценарий, а сама Секс-символ собиралась съездить в Америку к своему американскому мужу, который не приезжал в Россию уже два года. Будет разбираться. Ну, это ее проблемы.

Секретарша

Секретарша сидела в зале. Сравнивая Продюсера с другими мужчинами, стоящими на сцене, она видела, что он старше многих и очень толстый. Буду заставлять худеть. Она провела всех своих родственников и знакомых и взяла у Продюсера пятьдесят билетов на

банкет. Продюсер заметил, что пятьдесят — это третья часть приглашенных. Она поняла, что перебрала, и тут же вернула половину билетов.

Теперь она не скрывала своей беременности, и все на студии были уверены, что она скоро станет официальной хозяйкой компании. Конечно, ей завидовали. Как сказала одна из молодых сотрудниц: «Ну, почему именно она, я имею такую же дырку между ног».

Продюсер перевел ее в линейные продюсеры, и она каждый день ждала, что он сделает ей официальное предложение.

Продюсер

Продюсер, стоя на сцене, подсчитывал именитых кинематографистов, сидящих в зале. Пришли многие, и это радовало. Он увидел в зале свою пипетку. Она оживленно разговаривала с молодым человеком, возможно, своим одноклассником.

И неожиданно здесь, на сцене, он вдруг решил, что не будет торопиться. Никакого предложения и никакой регистрации в ближайшее время не будет. Если он сейчас зарегистрирует брак и родится ребенок, у него сразу появится наследник, который вместе с пипеткой сможет претендовать на бо́льшую часть его состояния. Надо еще к ней присмотреться. Слишком расчетлива. Первая премьера в ее жизни, к которой она имеет минимальное отношение, а уже забрала треть билетов. Поживем пока так. Присмотрюсь. После родов у женщин часто меняется характер или, во всяком случае, определяется.

Фильм шел, в зале смеялись, а участники съемочной группы через балкон спускались в фойе и проходили в нижний ресторан, на банкет.

Стас оказался рядом с Секс-символом и как бы невзначай прикоснулся к ее попке.

— Мальчик по-прежнему хочет? — спросила Секс-символ.

— Очень.

— Ты живешь где-то рядом с Домом кино?

— Рядом.

— Поехали.

— Нас хватятся на банкете.

— Не хватятся, — ответила Секс-символ. — Все говорят, что ты на этот процесс со старыми тетками не тратишь больше десяти минут.

Какая сука, подумал Стас.

— Ты думаешь, я сука? — поинтересовалась Секс-символ.

— Думаю, что да, — кивнул Стас.

К Секс-символу подошла Поскребыш, обняла и сказала:

— Это твоя лучшая роль.

— Неужели ты искренна?

— К сожалению да. Я впервые подумала, что ты как актриса лучше меня вне зависимости от размеров груди и задницы.

— Спасибо. А кто это рядом с тобой?

— Партнер по бизнесу, и, возможно, мы поженимся. Он мне сделал предложение.

— Но на этот раз не ты ушла, а от тебя, — не удержалась, чтобы не сказать, Секс-символ.

— И на этот раз ушла я, — не согласилась Поскребыш.

— А в каких слоях находят таких партнеров и возможных мужей? — спросила Секс-символ.

— Из военных в отставке.

— Надо обратить внимание, — сказала Секс-символ. — Я пришла к выводу, что для женщин нужно снимать фильмы не о женщинах, а о мужиках. Я попрошу Сценариста в следующем фильме написать героя из бездомных военных, крепких, спортивных и агрессивных. А как тебе мой фильм?

— По-моему, великолепен. Я было подумала, когда ты взорвалась и решила вырезать

Стаса, что погубишь фильм, но ты опомнилась.

— Не знаю, насколько я талантлива, но то, что не дура, это точно. Кстати, я в своем новом фильме не буду участвовать как актриса, чтобы не отвлекаться. Сыграешь у меня?

— Главную роль?

— Пожалуй, главную, — подумав, сказала Секс-символ. — Ты в хорошей форме. В такой, в какой я была недавно и еще могла играть любовниц.

— Значит, у меня в запасе есть еще время?

— Я думаю, есть, — улыбнулась Секс-символ.

— Значит, я не так уж много проиграла?

— Так же, как и я, не так уж много выиграла. Пошли, подруга, выпьем, нам больше нечего делить…

Они вошли в ресторан, сели рядом, как близкие подруги, уже не как Секс-символ десятилетия и не как Поскребыш. Но никто в ресторане не обратил на это внимания.